

елена первушина

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

СУДЬБЫ ЭПОХИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Даже абсолютный монарх не может править страной единолично, у него всегда есть советники, министры, канцлеры. О самых ярких государственных деятелях, которые служили семье Романовых в течение трех веков, расскажет эта книга. Их судьбы были тесно связаны с судьбой Российской империи, некоторые из них даже отдали за нее жизнь. Каким они видели будущее России? Насколько совпадало их видение с видением государя, которому они служили, и как это сказалось на их судьбе и на судьбе правителей России? Какие их прогнозы сбылись? Какие их предостережения остаются актуальными и по сей день? Ответы на все эти вопросы вы узнаете из этой книги.

- Елена Первушина
  - Предисловие
  - Глава 1. Александр Данилович Меншиков
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - Глава 2. Андрей Иванович Остерман
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
  - Глава 3. Шуваловы
    - 1
    - 2
    - 3
  - Глава 4. Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова
    - 1
    - 2
    - 3
  - Глава 5. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4

        - 5
        - 6
    - Глава 6. Михаил Михайлович Сперанский
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
    - Глава 7. Алексей Андреевич Аракчеев
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
    - Глава 8. Александр Михайлович Горчаков
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
    - Глава 9. Константин Петрович Победоносцев
        - 1
        - 2
        - 3
        - 5
    - Глава 10. Петр Аркадьевич Столыпин
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
    - Литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

Елена Первушина
Великие государственные деятели Российской империи. Судьбы эпохи

Предисловие

Когда я задумывала эту книгу, труднее всего для меня стал выбор ее будущих героев. Передо мной был целый ряд биографий государственных деятелей – ярких и незаурядных личностей, детей своей эпохи, и одновременно – ее творцов. Кто из них наилучшим образом может характеризовать свое время, и господствующие тогда представления о добре и зле, и долге перед государством и частной инициативе, о чести и бесчестии, об успехе и провале? Все достойны внимания, достойны того, чтобы посвятить им главу, но меня сдерживало простое соображение, что «книга не безразмерная».

В одних случаях выбор очевиден, в других – очень сложен. Понятно, что ближайший и самый доверенный друг Петра – Александр Данилович Меншиков и вполне логично посвятить ему первую главу, «оставив за скобками» такие яркие личности, как Шереметева, Куракина или Феофана Прокоповича. Но почему Остерман, а не Бирон или не Миних? Почему Шуваловы, а не Разумовские или не Бестужев-Рюмин? Порой последним аргументом были просто личные симпатии.

Однако я старалась выбирать тех людей, которые внесли ощутимый вклад в строительство будущего, благодаря которым Россия приобрела свою славу. Строительство Петербурга Меншиковым, земельные приобретения, полученные страной, благодаря усилиям Остермана, Московский университет и петербургская Академия художеств, основанные Иваном Ивановичем Шуваловым и так далее. У каждого из героев этой книги свое видение будущего России и они, не жалея сил, воплощали его в жизнь. Что-то им удалось, что-то нет. Ни одному из них не было дано предвидеть все последствия своих начинаний. Но все вместе они творили будущее, и благодаря им Россия выглядит именно такой, какой мы видим ее сейчас.

И еще каждый из моих героев сознательный и активный творец своей судьбы. Преобразовывая государство, они выстраивали собственную жизнь, реализовывали свои убеждения, проверяя их на практике. Итог, как водится, различный и далеко не все из них оказались победителями. В чем они были правы? В чем ошибались? Попробуем разобраться вместе.

Глава 1. Александр Данилович Меншиков

1

«'Tis better to be vile than vile esteemed» – «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть», – эта строка из сонета Вильяма Шекспира в переводе Самуила Яковлевича Маршака могла бы служить отличным эпиграфом к биографии нашего первого героя – генерал-губернатора Санкт-Петербурга, президента Военной коллегии, позже – генералиссимуса морских и сухопутных войск, адмирала, «первого сенатора», «первого члена Верховного тайного совета», светлейшего князя, без пяти минут зятя императора, а еще позже – безродного заключенного и ссыльного – Александра Даниловича Меншикова.

Если бы можно измерить известность и значимость человека в истории числом ходивших о нем слухов, преданий и анекдотов, то рейтинг Меншикова стал бы лишь немногим ниже рейтинга его повелителя – императора Петра Алексеевича.

Сразу после смерти Петра Великого вышел целый ряд мемуаров, написанных его ближайшими друзьями и рассказывающих о его привычках, образе жизни, остроумных изречениях, о том, что он любил и что ненавидел. Меншиков в этих изданиях упоминался очень часто, причем по большей части авторы не отвешивали ему комплименты.

Вот что пишет об Александре Даниловиче, к примеру, князь Борис Иванович Куракин в «Гистории о царе Петре Алексеевиче»: «Но в тоже время Александр Меншиков почал приходит в великую милость и до такого градуса взошел, что все государство правил, почитай, и дошел до градуса фельдмаршала и учинился от цесаря сперва графом имперским, а потом и вскоре принцем, а от его величества дюком[1] ижорским. И токмо ему единому давалось на письме и на словах – „светлость". И был такой сильной фаворит, что разве в римских гисториях находят. И награжден был таким великим богатством, что приходов со своих земель имел по полторасто тысяч рублев, также и других трезоров[2] великое множество имел, а именно: в каменьях считалось на полтора миллиона рублев, а особливо знатную вещь имел – яхонт червчатой[3], великой цены по своей великости и тяжелине, и цвету, которой считался токмо един в Европе… Характер сего князя описать кратко: что был ума гораздо среднего, и человек неученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать, понеже был из породы самой низкой, ниже шляхетства»…

Сам Куракин принадлежал к ближайшим друзьям и сподвижникам молодого царя: одним из его «потешных ребят»

в подмосковном селе Преображенском. Потом оба они – и Петр и Куракин женились на двух сестрах Лопухиных, вместе пережили позорное поражение под Нарвой и триумф под Полтавой, где Куракин – ни много ни мало – командовал Семеновским полком. По приказу царя Куракин стал одним из первых русских дипломатов и защищал интересы России в Гамбурге, Гааге, Амстердаме, Париже. Может быть в его суждениях о Меншикове проскальзывает снобизм аристократа, с презрением относящегося к наглому выскочке, «вороне, залетевшей в царские хоромы»?

А вот что пишет о Меншикове совсем другой человек – датчанин по имени Юст Юль, посланник при русском дворе, познакомившийся с Меншиковым в Петербурге в 1710 году. После посещений одного из военных триумфов, которые так любил пышно праздновать Меншиков, 7 января Юль записал в дневнике: «Крайнего удивления достойно, что перед своим уходом князь Меншиков поцеловал всех принцев и цариц в губы и что молодые царевны устремились к нему первыми, стараясь наперегонки поцеловать у него на прощание руку, которую он им и предоставил. Вот до чего возросло высокомерие этого человека с тех пор, как поднявшись с самых низких ступеней, он стал в России значительнейшим человеком после царя! Не могу, кстати, не сказать несколько слов о восхождении и счастии Меншикова. Родился он в Москве от весьма незначительных родителей. Будучи подростком лет 16, он, подобно многим другим московским простолюдинам, ходил по улицам и продавал так называемые пироги. Это особого рода выпечка из муки, печенная на сале и начиненные рыбою, луком и т. п.; продают их по копейке или по денежке, т. е. по полкопейке. Случайно узнав этого малого, царь взял его к себе в денщики, т. е. лакеи, потом оценив его особенную преданность, пыл и расторопность, стал постепенно назначать его на высшие должности в армии, пока наконец теперь не сделал его фельдмаршалом. Кроме того, царь пожаловал его сначала бароном, потом графом, наконец сделал князем Ингерманландским. Вслед за этим и Римская империя возвела его в имперские князья, без сомненья для того, чтоб заручиться расположением сановника, пользующегося таким великим (значением) у царя. В сущности, Меншиков самый надменный человек, какого только можно себе представить; содержит он многочисленный двор, обладает несметным богатством и большими широко раскинутыми поместьями, не считая княжества Ингерманландского, презирает всех и пользуется величайшим расположением своего государя. Уровень ума его весьма посредственный, и во всяком случае, не соответствующий тем многочисленным важным должностям,

которые ему доверены. Между прочим он состоит также гофмейстером царевича, который в бытность мою в России путешествовал за границею и находился в Саксонии. Князь Меншиков говорит порядочно по-немецки, так что понимать его легко, и сам он понимает, что ему говорят, но ни по-каковски ни буквы не умеет ни прочесть, ни написать, – может разве подписать свое имя, которого, впрочем, никто не в состоянии разобрать, если наперед не знает что это такое. В таком великом муже и полководце, каким он почитается, подобная безграмотность особенно удивительна».

«Царицы», о которых идет речь в этой записи, – вдовы старших братьев Петра, которых он по обычаю того времени опекал, как старший мужчина в семье. Это Марфа Матвеевна, вторая супруга царя Феодора Алексеевича, дочь стольника Матвея Васильевича Апраксина и Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова, вдова второго по старшинству сына Алексея Михайловича Иоанна. Царевны – это дочери царя Иоанна Алексеевича и царицы Прасковьи – Анна Иоанновна, которая вот-вот выйдет за герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, Екатерина Иоанновна, сосватанная Петром за герцогом Карлом-Леопольдом Мекленбург-Шверинским и их незамужняя сестра Прасковья Иоанновна. И все они почитают за честь поцеловать руку бывшего пирожника.

А «царев токарь» Андрей Константинович Нартов, человек весьма низкого происхождения «из посадских людей» – т. е. неименитых горожан, приводит в книге «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» две весьма занимательные истории о Меншикове. Первая звучит так: «Когда о корыстолюбивых преступлениях князя Меншикова представляемо было его величеству докладом, домогаясь всячески при таком удобном случае привесть его в совершенную немилость и несчастие, то сказал государь: „Вина немалая, да прежние заслуги более“. Правда, вина была уголовная, однако государь наказал его только денежным взысканием, а в токарной тайно при мне одном выколотил его дубиной и потом сказал: „Теперь в последний раз дубина, ей, впредь, Александр, берегись!“».

А. Д. Меншиков

Вторая история также о том, как Петр рассердился на Меншикова, и что из этого вышло: «Петр Великий, однажды разгневавшись сильно на князя Меншикова, вспомнил ему, какого он происхождения, и сказал при том: „Знаешь ли ты, что я разом поворочу тебя в прежнее состояние, чем ты был. Тотчас возьми кузов свой с пирогами, скитайся по лагерю и по улицам и кричи: пироги подовые! Как делывал прежде. Вон! Ты не достоин милости моей“. Потом вытолкнул его из комнаты. Меншиков кинулся прямо к императрице, которая при всех таких случаях покровительствовала, и просил со слезами, чтоб она государя умилостивила и смягчила. Императрица пошла немедленно,

нашла монарха пасмурным. А как она нрав супруга своего знала совершенно, то и старалась, во-первых, его всячески развеселить. Миновался гнев, явилось милосердие, а Меншиков, чтоб доказать повиновение, между тем, подхватя на улице у пирожника кузов с пирогами, навесил на себя и в виде пирожника явился пред императора. Его величество, увидев сие, рассмеялся и говорил: „Слушай, Александр! Перестань бездельничать или хуже будешь пирожника!“ Потом простя, паки принял его по-прежнему в милость. Сие видел я своими глазами. После Меншиков пошел за императрицею и кричал: „Пироги подовые!“ А государь вслед ему смеялся и говорил: „Помни, Александр!“ – „Помню, ваше величество, и не забуду – пироги подовые!“».

* * *

В конце концов не так уж важно, были ли эти истории правдивыми. Они подтверждают одно, еще в его «родном» XVIII веке за Меншиковым закрепилась слава выскочки, человека худородного, сумевшего в прямом смысле слова пробиться «из грязи в князи».

Никаких документальных сведений о молодых годах нашего героя не сохранилось: «Алексашка Меншиков» появляется в документах уже после того, как стал денщиком Петра. Однако о том, что слухи о «пирогах подовых» скорее всего правдивы, свидетельствует такой факт: в архивах не сохранилось ни одного документа, написанного рукой светлейшего князя. Все донесения, реляции, деловые письма, записки, адресованные Петру, письма жене – создано руками его секретарей. Даже в свое изгнание в Березовск Меншиков взял с собой нескольких писцов, ранее служивших ему. Сам он эти бумаги только подписывал, и именно благодаря этим подписям и закрепилось написание его фамилии без мягкого знака. Дарья Михайловна, супруга Меншикова, образованная дворянка, бывшая фрейлина любимой сестры Петра Натальи, как правило, писала свою новую фамилию с мягким знаком.

Став губернатором Петербурга, Меншиков активно принялся «делать себе биографию», выводя свой род из литовского дворянства, что литовские дворяне охотно подтверждали, надо думать, за немалую мзду. Но никаких конкретных свидетельств о том, какими землями владел род Меншиковых и какие имена носили его литовские предки, не сохранилось, что позволяет историкам уверенно говорить о подлоге.

Во всяком случае в «устную русскую историю» Меншиков

вошел именно как выскочка и «парвеню». Вспомним, что пишет Пушкин в поэме «Полтава»:

И се – равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В переменах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

«Шереметьев благородный» – фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, отпрыск старого московского боярского рода. «Репнин» – князь Аникита Иванович Репнин, генерал-фельдмаршал, сын боярина, новгородского и тамбовского воеводы. «Брюс и Боур» – генерал-фельмаршал граф Якоб Вилимович Брюс, реформатор русской артилерии, потомок из старинного шотландского рода, и шведский дворянин Родион Христианович Боур. А «счастья баловень безродный» – это, конечно, наш герой.

Правда, в официальной истории Петра I Пушкин излагает более «умеренную» версию о происхождении Меншикова: «Меншиков происходил от дворян белорусских. Он отыскивал около Орши свое родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину».

Но в пародийной «Моей родословной» Александр Сергеевич снова возвращается к «народной» версии:

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Так мне ли быть аристократом?

Я, слава богу, мещанин.

«Не торговал мой дед блинами», – это выпад против светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова, правнука петровского фаворита, который был морским министром и личным другом Николая I.

Соответственно, «ваксил царские сапоги» граф П.П. Кутайсов, бывший камердинером Павла I, а сын его, граф П.И. Кутайсов, стал сенатором. «Пел с придворными дьячками» – граф А.Г. Разумовский, тайный муж императрицы Елизаветы Петровны, возвысивший свое семейство. Племянник его, А.К. Разумовский стал министром народного просвещения. «Прыгнул из хохлов в князья» – А.А. Безбородко, сын малороссийского генерального писаря возвышен Екатериной II, которая присвоила ему сначала графское достоинство, а затем и титул светлейшего князя. И, наконец, «беглый солдат австрийских пудренных дружин» дед Петра Андреевича Клейнмихеля – генерал-адъютанта, приближенного Александра I и Николая I.

Разумеется, Меншиков не единственный неродовитый и не знатный юноша в свите Петра. Царь-реформатор славился своей демократичностью и предпочитал судить людей по их способностям, а не по длине родословного древа. Но отсутствие «стеклянного потолка» для простолюдинов не облегчало задачу Меншикова. К царю нужно прежде всего пробиться, а потом показать себя, доказать, что ты – уникальный, незаменимый специалист и помнить о крутом нраве монарха. Даже отцу Петра, Алексею Михайловичу, получившему прозвище Тишайший, случалось рвать бороды слишком спесивым боярам. А уж сын и вовсе был горяч и необуздан. Служить ему означало постоянно ходить по краю.

Это было время головокружительных карьер и неожиданных падений. Снова вспомним стихотворение Пушкина: ту его строфу, где он рассказывает о судьбе двух современников Петра – Федора Пушкина, казненного в 1697 году за участие в заговоре Циклера, и строптивого князя Якова Федоровича Долгорукого, который славился прямотой и независимостью, полагал, что «царю правда лучший слуга. Служить – так не картавить; картавить – так не служить», при случае смело возражал царю и даже однажды разорвал указ, собственноручно подписанный Петром, в конце жизни возглавил Ревизион-коллегию, контролировавшую доходы и расходы казны, и умер в почете и уважении, оплакиваемый своим государем.

Упрямства дух нам всем подгадил:

В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Но, видимо, Меншиков считал, что риск того стоит. В нем явно сильна была авантюрная жилка, а такие люди чувствовали себя как рыба в воде и в «бунташном» XVII веке и в новом, также тревожном и неспокойном XVIII веке.

2

Вероятно, Петр Алексеевич довольно долго не подозревал, что ему суждено стать великим реформатором. При своем рождении, он третий сын царя, правда от молодой и страстно любимой жены, но едва ли это могло «продвинуть» его вверх в череде наследования.

Петр лишился отца в четырехлетнем возрасте и вместе с матерью перешел под опеку старшего брата – царя Федора III Алексеевича. Молодой царь был весьма болезненным юношей, но он женат, его жена беременна и казалось, что корона «уйдет» по этой линии и Петру суждено будет провести всю жизнь в роли дяди царя.

Но сын Федора вскоре умер, потом скончалась и его мать, а через год отошел в мир иной и сам Федор. Следующими претендентами на престол стали два младших сына Алексея Михайловича – 15-летний Иоанн и 10-летний Петр. Иоанн – слаб здоровьем, а Петр – еще слишком молод, чтобы претендовать на трон. Иоанна поддерживала родня его матери – клан Милославских, Петра – Нарышкины. Обе партии готовы использовать мощную силу стрельцов как инструмент для достижения своих целей. Ситуация была нестабильной и грозила вот-вот «скатиться» в гражданскую войну.

Но кризис для одних – это всегда возможности для других. И на этот раз шанс сыграть свою игру выпал царевне Софье. Любимая сестра царя Федора, умная и решительная, она добилась того, чтобы ее назначили регентшей при двух малолетних царевичах.

Но Софья понимала, что ее отстранение от власти – всего лишь вопрос времени. Нарышкины распускали слухи, что «старший царь» Иоанн слабоумен и настаивали на том, что единственным наследником престола должен стать здоровый телом и духом Петр. В воздухе снова отчетливо запахло гражданской войной.

Петр же, казалось, не принимал участия в политической игре, он жил с матерью в подмосковных усадьбах Преображенское и Измайловское, и играл с «потешными ребятами» – полком подростков, которых собрал для него еще царь Федор. Но Петр хорошо помнил дни страшного бунта, когда стрельцы, взбудораженные Милославскими, ворвались в Кремлевский дворец с криками, что молодые цари убиты Нарышкиными. И Наталья Кирилловна вынуждена была им отдать на растерзание родного брата, чтобы утихомирить толпу. Возможно, он помнил,

что именно Софья уговаривала его мать отдать стрельцам Ивана Кирилловича Нарышкина и грозила, что иначе «нам всем пропасть из-за него». Страх перед бунтом, перед стрелецким самовластием сохранится в душе Петра на долгие годы и он никогда не сможет доверять московским боярам.

А пока вместе со своими «потешными полками» юный Петр постигает воинскую науку, запускает фейерверки, обшаривает амбары усадеб, находит и спускает на воду ботик «Святой Николай», некогда привезенный из Англии в подарок дяде Петра боярину Никите Ивановичу Романову. Вскоре к «Святому Петру» присоединяется еще один ботик «Фортуна», и скоро воды Измайловского пруда бороздит целая флотилия. Именно в те дни Петр всей душой полюбил корабли и мореплавание.

Среди «потешных ребят», которые позже составят Семеновский и Преображенский полки, элитную гвардию и ближайших сподвижников Петра, по-видимому, был и Алексашка Меншиков. Как удалось сыну простого пирожника попасть в царскую, хоть и «потешную» свиту? Документы ничего не говорят об этом и, как всегда бывает в таких случаях, на помощь приходит легенда. Некто Вильбоа, француз на русской службе, рассказывает сентиментальную историю о сметливом мальчике, отец которого «был крестьянин, получавший пропитание от продажи пирожков при воротах кремлевских, где завел он маленькую пирожковую лавочку». Юный Меншиков продавал пироги стрельцам и солдатам, с шутками и прибаутками, а из окна Кремлевского дворца за ним наблюдал царевич Петр. «Однажды, – писал Вильбоа, – когда он сильно кричал, потому что какой-то стрелец выдрал его за уши, уже не шутя, царь послал сказать стрельцу, чтобы он перестал обижать бедного мальчика, а с тем вместе велел представить к себе проказника продавца пирожков».

Самое раннее упоминание о Меншикове относится к 1694 году, когда Петр и Иван уже стали полновластными царями. Но скорее всего Меншиков был рядом с Петром в те тревожные дни, когда молодой царь, женившись на Евдокии Лопухиной и зачав ребенка, объявил о своем совершеннолетии и решительно отстранил Софью от престола. Софья попыталась снова поднять стрельцов, Петру пришлось бежать из Москвы в Троицкий монастырь, где он приготовился к борьбе не на жизнь, а на смерть. Но стрельцы не пошли против молодого царя, Петру удалось привлечь на свою сторону брата Иоанна. Для этого он воспользовался нехитрой лестью. Из Троицы Петр отправил Иоанну такое письмо: «Сестра наша царевна Софья Алексеевна государством нашим начала владеть своею волею, и в том

владении, что явилось особам нашим противное и народу тягость и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи… умышляли о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем… А теперь, государь братец, настоит время нашим обоим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли если в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужескими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем; на тоб и твояб, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она в дела вступать и в титлах писаться собою без нашего изволения: к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!» И Иоанн переходит на его сторону, покидает Москву и тоже уезжает в Троицкий монастырь.

Петр I

Этот союз обеспечил Петру политическую победу. Сторонников Софьи казнили или сослали, а саму царевну отправили в Новодевичий монастырь.

* * *

В 1694 году Петр практически полновластный государь России. Иоанн появляется на торжественных выходах, но не принимает участия в политической жизни страны. У него и его

царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой рождаются только девочки. Евдокия же Лопухина родила царю двух сыновей – Алексея и Александра. Правда, младший царевич умер во младенчестве. Но Алексей жив, и Петр надеется, что именно его потомство продолжит род Романовых.

Однако любовь к царице постепенно угасает. Царя все чаще начинают видеть в Немецкой слободе. Его влекут туда искусные ремесленники, рассказы купцов, много повидавших на своем веку, веселые собутыльники, а самое главное девушки, так не похожие на скромных боярских дочерей теремных затворниц, не умеющих ни ступить, ни слова молвить. Особенно – одна девушка. Веселая и бойкая Анна Монс.

А. Монс

Анна не случайно встретилась на пути Петра. Прежде она была любовницей Франца Яковлевича Лефорта, женевца и ближайшего помощника и советника Петра I. Князь Куракин пишет: «Помянутый Лефорт был человек забавный и роскошный или назвать дебошан французский. Днем и ночью он предавался удовольствиям, обедам, балам. И тут, в его доме первое начало учинилось, что его величество начал в дамами иноземными обходиться, и амур начал первый быть одной дочери купеческой, названной Анна Ивановна Монсова. Правда девица была изрядная и умная. Тут же в доме Лефорта началось дебошанство, пьянство такое великое, что невозможно описать, и что многим случалось оттого умирать. И от того времени и по сие число и доныне пьянство продолжается, и между великими домами в моду пришло. Помянутой же Лефорт с того времени пришел до такого градусу, что учинен был генералом от инфантерии, и потом адмиралом, и от пьянства скончался».

Однако Лефорт прославился не одними только дебошами, он один из тех, кто создавал и обучал «потешные полки» Петра. В Азовским походе командовал флотом, который спас русскую армию. Он инициатор Великого посольства и сам возглавил его. Влияние его на Петра заслужено и бесспорно. По-видимому, Меншиков считал, что это влияние слишком велико, и его необходимо уменьшить. Не то, чтобы он был заядлым славянофилом и выступал за традиционные русские ценности, против немецкого засилья, ничуть не бывало. Он считал, что в походе, рядом с царем становится слишком тесно. Друзей у царя будет много, это неизбежно, но лучший друг и ближайший советник может быть только один.

Ф.Я. Лефорт

Но Петр все сильнее привязывается к Анне, злые языки уже прозвали ее «Кукуйской царицей» (на ручье Кукуе стояла немецкая слобода). Поговаривали, что дерзкий молодой царь вот-вот разведется с царицей и женится на Анне.

О том, что случилось дальше, рассказывает уже знакомый нам «царев токарь» Андрей Нартов: «По кончине первого любимца генерала-адмирала Лефорта место его заступил у царя Петра Алексеевича граф Федор Алексеевич Головин, а по особливой милости – Меншиков, но он беспокоился еще тем, что видел себе противуборницу свою при его величестве Анну Ивановну Монс, которую тогда государь любил и которая казалась быть

владычицею сердца младого монарха. Сего ради Меншиков предприял, всячески стараяся о том, каким бы образом ее привесть в немилость и совершенно разлучить. Анна Ивановна Монс была дочь лифляндского купца, торговавшего винами, чрезвычайная красавица, приятного вида, ласкового обхождения, однакож посредственной остроты и разума, что следующее происхождение доказывает. Не смотря на то, что государь несколько лет ее при себе имел и безмерно обогатил, начала она такую глупость, которая ей служила пагубою. Она поползнулась принять любовное предложение Бранденбургскаго посланника Кейзерлинга и согласилась идти за него замуж, если только царское на то будет благословение. Представьте себе: не сумашествие ли это? Предпочесть двадцатисемилетнему разумом одаренному и видному государю чужестранца, ни тем, ни другим не блистающего! Здесь скажут мне, что любовь слепа: подлинно так, ибо она на самом верху благополучия девицу сию нелепой и необузданной страсти покорила. Ко исполнение такого намерения положила она посоветовать о том с Меншиковым и просить его, чтоб он у государя им споспешествовал. Кейзерлинг нашел случай говорить о том с любимцем царским, который внутренне сему радовался, из лукавства оказывал ему свое доброхотство, в таком предприятии более еще его подкреплял, изъяснял ему, что государю, конечно, не будет сие противно, если только она склонна; но прежде, нежели будет он о сем деле его величеству говорить, надлежит ему самому слышать сие от нея и письменно показать, что она желает вступить в брак с Кейзерлингом. Для сего послал он к ней верную ея подругу Вейдиль, чтоб она с нею обо всем переговорила, которой призналась Монс чистосердечно, что лучше бы хотела выдти за Кейзерлинга, которого любит, нежели за иного, когда государь позволить. Меншиков, получив такую ведомость, не упустил сам видеться с сею девицею и отобрать подлинно не только устно мысли ея, но и письменно. Сколь скоро получил он такое от нея прошение, немедленно пошел к государю и хитрым образом сказывал ему так: „Ну, всемилостивейший государь, ваше величество всегда изволили думать, что госпожа Монс вас паче всего на свете любить: но что скажете теперь, когда я вам противное доложу?“ „Перестань, Александр, врать“, – отвечал государь. – Я знаю верно, что она одного меня любит, и никто инако меня не уверит; разве скажет она то мне сама“. При сем Меншиков вынул из кармана своеручное ея письмо и поднес государю. Монарх, увидя во оном такую не ожидаемую переписку, хотя и прогневался, однако не совсем по отличной к ней милости сему верил. А дабы вящше в деле сем удостовериться, то его

величество, посетив ее в тот же день, рассказывал ей без сердца о той вести, какую ему Меншиков от нея принес; она в том не отрицалась. И так государь, изобличив ее неверностию и дурачеством, взял от нее алмазами украшенный свой портрет, который она носила, и при том сказал: „Любить царя – надлежало иметь царя в голове, которого у тебя не было; и когда ты обо мне мало думала и неверною стала, так не для чего уже иметь тебе мой портрет“. Но был так великодушен, что дал уборы, драгоценные вещи и все пожалованное оставил ей для того, чтоб она, пользуясь оными, со временем почувствовала угрызение совести, колико она против него была неблагодарна. Вскоре после того вышла она замуж за Кейзерлинга, но опомнясь о неоцененной потере, раскаивалась, плакала, терзалась и крушилась ежедневно так, что получила гектическую болезнь, от которой в том же году умерла. Такою-то хитростию и лукавством генерал-майор Меншиков, свергнув с себя опасное иго, сделался потом игралищем всякаго счастия и был первым государским любимцем, ибо при ней таковым еще не был. После сего приключения государь Петр Великий никакой уже прямой любовницы не имел, а избрал своею супругою Екатерину Алексеевну, которую за отличныя душевныя дарования и за оказанный его особе и отечеству заслуги при жизни своей короновал».

На самом деле все немного не так, Петр заподозрил Анну в неверности еще в апреле 1703 года, когда по пути в Шлиссельбурге в Неве утонул саксонский посланник Ф. Кенигсек. В его вещах нашли любовные письма от Анны и ее медальон. Эти письма по всей видимости написаны за пять лет до того, когда Петр на полгода уехал в Великое Посольство. Разгневанный Петр посадил Анну, ее сестру, бывшую в то время уже замужем за Федором Николаевичем Балком, и их мать под домашний арест, приказав Ромодановскому следить за ней и лишь через три года «дал позволение Монше и ея сестре Балкше в кирху ездить». Но Анну снова обвиняют в ворожбе, направленной на возвращение к ней государя; было арестовано до 30 человек, дом конфискован в казну, движимое имущество и драгоценности оставлены.

В то время Лефорта уже четыре года, как не было на свете, он скончался в марте 1699 года, вскоре после возвращения Великого Посольства. Но очевидно Меншиков считал Анну все еще опасной для себя и продолжал преследовать ее.

Анна искала защиты у прусского посланника Георга-Иоанна фон Кейзерлинга, тот пытался помочь девушке, но Меншиков зорко следил за тем, чтобы никто не «разжалобил» Петра и не вымолил у него прощения Анне. Об этом свидетельствует письмо

самого Кейзерлинга, которое он отправил в Пруссию своему государю в 1707 году из Люблина, где русская армия ожидала Карла XII. Кейзерлинг рассказывает, что, желая обратиться к царю с просьбой о помиловании Анны Монс и об устройстве на военную службу ее брата Вилима, он прежде всего заручился покровительством Меншикова. Но вот что произошло дальше: «Вчера же, перед началом попойки, я, в разговоре с князем Меншиковым, намекнул, что обыкновенно день веселья бывает – днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною привезенного Монса. Кн. Меншиков отвечал мне, что сам он не решится говорить об этом его царскому величеству, но советовал воспользоваться удобной минутой и в его присутствии обратиться с просьбой к царю, обещая свое содействие и не сомневаясь в успешном исходе».

Но когда обнадеженный Кейзерлинг исполнил свое намерение, оказалось, что Меншиков вовсе не собирается держать свое слово. «Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет».

Кейзерлинг нашел в себе смелость возражать царю, защищая честь Анны. Очевидно этого-то и надо было Меншикову, он прекрасно знал, как не любит Петр, когда ему открыто перечат.

«Князь Меншиков, – пишет Кейзерлинг, – вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я».

Прусский дипломат возмущенно отвергает эти обвинения, но дело его уже проиграно. «Тут царь удалился в другую комнату, князь же Меншиков не переставал забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмешками, которых наконец не в силах был более вынести, – жалуется Кейзерлинг. – Я оттолкнул его от себя, сказав: „Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как… и проч. и проч“. Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым».

Кейзерлинг пытается уйти, но, по-видимому, Александр Данилович считает, что его противник еще недостаточно посрамлен. «Затем вошел его царское величество; за ним посылал

князь Меншиков, – продолжает свой рассказ дипломат. – Оба они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жесткими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь. Я принужден был вернуться домой на кляче моего лакея, – свою карету я уступил перед обедом посланнику датского короля, рассчитывая вернуться в его экипаже, который еще не приезжал».

Кейзерлинг как прусский посланник потребовал извинений, и они были ему принесены, но дело было сделано: Анна Монс окончательно исчезла из жизни Петра. Позже она вышла замуж за своего заступника, однако прожили они вместе совсем недолго: через полгода после свадьбы он неожиданно скончался, и Анна еще долго судилась в братом мужа за наследство.

История эта показывает, что для того, чтобы «удержаться на плаву» в придворной среде Меншикову вовсе не требовалось умение читать и писать: достаточно только житейского опыта и беспримерной наглости, а того и другого у Александра Даниловича хватало с избытком.

Но чтобы оставаться нужным царю, необходимо иметь не только наглость, но и выдающиеся способности. Петр прежде всего был человеком дела, он на многое способен сам и многого требовал от своих помощников. А Меншиков, как нам уже известно и в чем мы неоднократно убедимся в будущем, действительно стал незаменимым помощником царя, человеком, которого Петр, по-видимому, искренне любил и которому прощал почти все. Который действительно стал его правой рукой и без помощи которого Петр не мыслил ни одного из своих проектов. В чем же секрет бывшего пирожника? Что такое он умел, чего не умел больше никто?

3

Историки, пишущие о Меншикове, с удивлением отмечают его уникальное качество: он всегда исполнял поручения, возложенные на него царем, какими бы сложными они ни были. Другие сподвижники Петра честнее, благороднее Меншикова, они лучше понимали замыслы своего царя и разделяли его идеи. Наконец, они были просто образованнее бывшего пирожника и при случае могли поделиться с Петром своими знаниями или удивить его искусностью в том или ином ремесле. Меншиков же, судя по всему – прирожденный организатор. Для него не существовало «допустимых» и «недопустимых» приемов: все приемы хороши, если вели к цели. Петр же работал наперегонки со временем, он постоянно боялся, что не успеет. Сознание того, что он может поручить что-то Меншикову и спокойно забыть об этом, это поручение в любом случае будет выполнено, вероятно, сильно поддерживало царя.

Далеко не всегда Меншиков действовал грубой силой. Вспомним, что он был неграмотен, а значит практически беззащитен в том бюрократическом государстве, которое строил Петр. Приходилось договариваться, заключать альянсы и компромиссы порой с людьми весьма незначительными.

Вот он, будучи комендантом Шлиссельбурга, просит своего олонецкого «коллегу» Ивана Яковлевича Яковлева прислать ему мастеровых людей. Тот не спешит выполнить его просьбы. Меншиков посылает ему укоризненное письмо: «Я на вас надеюсь, как на себя, вы, мои секретные друзи и любимые мною, не так в деле своем поступаете, как мне угодно, и волю мои не творите». Наконец плотники прибывают и Александр Данилович спешит сообщить губернатору: «Благодарствую вашу милость, что вы ко мне в Шлиссельбург плотников и работников выслали и тою высылкою меня повеселили, и за то ваше ко мне исправление любезный поклон до вашей милости отсылаю и за свое здравие по чарке горелки кушать повелеваю». Но конфликт на этом не исчерпан. Яковлев, видимо, недовольный тем, что Меншиков забрал у него плотников, посылает жалобу царю. Узнав об этом, Александр Данилович упрекает доносчика: «Ты разсуди сам себе, хотя бы то и так было, дельно ль приступил к донесению мимо меня, в чем надобно было тебе опасну быть, в чем я от тебя не чаял, но еще паче всякого остерегательства надеялся, а ты вместо того пакость чинишь и с такими бездельными словами докладываешь».

Кажется, перед нами совсем не тот человек, который

приказал спустить с лестницы прусского посла. Разумеется, Яковлев обладал гораздо меньшим влиянием, чем Кейзерлинг, у него нет таких высоких покровителей. Почему же Меншиков так любезен с ним? Кажется, сын пирожника превосходно умел «выбирать себе битвы». Покарать Анну Монс было для него буквально вопросом жизни и смерти. Конфликт же с Яковлевым не принципиальный: оба делали одно дело, и им волей-неволей прошлось бы сотрудничать, иначе оба бы пострадали. И Меншиков решил весьма вежливо напомнить Яковлеву об этих обстоятельствах.

Но как комендант Шлиссельбурга мог вести такую оживленную переписку, как мог он принимать и отсылать донесения, если не умел ни читать, ни писать? Конечно же, у него был целый штат секретарей, а это порождало новые проблемы. Канцелярских служащих так легко подкупить, превратить в шпионов, а то и уговорить их «подставить» своего повелителя. Чтобы избежать этого, Меншиков должен был уметь верно судить о людях и быть щедрее своих врагов. По всей видимости, это у него отлично получалось.

Один из самых доверенных его секретарей Алексей Яковлевич Волков. Он не только вел переписку Меншикова и верно хранил его секреты, но и проверял счета его имений, и кроме того, по собственным словам Волкова, «во время бывших баталий, акций и блокад неотступно при вашей светлости был, охраняя ваше здравие со всяким тщанием, и при всяких случаях служил по всякой возможности как советом, так и делом».

Безупречная служба принесла Волкову звание генерал-лейтенанта, стал обер-секретарем Военной Коллегии, получил орден Св. Александра Невского и обзавелся роскошными «палатами» в Москве (современный адрес: Большой Харитоновский пер., 21). Волков сохранял верность своему патрону даже во время его опалы. Позже Анна Иоановна возвратила ему все прежние звания.

Но, разумеется, Волоков не единственный секретарь Меншикова. В распоряжении Александра Даниловича находилась целая канцелярия, где трудились как русские, так и иностранцы. Это не только секретари, но и генерал-адъютанты, адъютанты, прапорщики и денщики – огромный человеческий механизм, который можно сравнить с орга́ном, на котором Меншиков виртуозно умел играть. Он всегда знал кому может довериться и насколько тот или иной человек заслуживает доверия. Это умение управлять и делало его незаменимым помощником Петра.

4

Вместе в Петром Меншиков участвовал в Азовском походе, ездил за границу в состав Великого Посольства, работал на верфях в Саардаме, посещал английский парламент. Вероятно врожденные способности позволяли ему легко учить иностранные языки. Позже вместе в Петром он усмирял взбунтовавшихся стрельцов и собственноручно рубил им головы.

С начала Северной войны Меншиков неразлучен с царем. Меншиков участвовал в осаде и взятии Нотебурга – шведской крепости у истока Невы, на острове Ореховом. Осада была тяжелой и кровопролитной, а после победы Меншиков назначается комендантом новой крепости, которую Петр переименовал в Шлиссельбург («город-ключ»). Меншиков находит место для Олонецкой верфи на реке Свири, где строили столь необходимый Петру военный флот. Уже в августе 1703 года с ее стапелей сошел фрегат «Штандарт».

Затем Александр Данилович участвует во взятии шведской крепости Ниеншанц и в первом морском сражении, выигранном русскими войсками. Дело было так: сразу после того, как крепость Ниеншанц сдалась, к устою Невы подошла шведская эскадра из девяти кораблей. Шведы еще не знали, что крепость им уже не принадлежит. Они приветствовали гарнизон двумя пушечными выстрелами. Русские также ответили им двумя выстрелами, и шведы ничего не заподозрили. Близко подойти к берегу большие корабли не могли. Тогда адмирал Нумерс, командовавший эскадрой, послал в Неву два небольших корабля, чтобы связаться с гарнизоном крепости. Ночью русские солдаты под командованием Петра и Меншикова – единственных, кто умел управлять лодками, спустились к устью Невы и напали на шведов. Корабли эскадры поняли, что дело не ладно и начали стрелять из пушек. Начался абордажный бой. Шведов на обоих судах было около 80; «но, – как писал Петр Апраксину, – понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, никогда бываемою викториею вашу милость поздравляю». В итоге корабли захватили и увели в Неву. Адмирал Нумерс, обескураженный этим нападением, увел свою эскадру подальше от берега. В память об этом сражении Петр велел отчеканить медали золотые – для офицеров, серебряные – для солдат, со своим портретом на одной стороне и надписью на другой – «„Небываемое бывает. 1703». За эту победу

бомбардирского капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова пожаловали Андреевскими кавалерами.

Из военного моряка Александр Данилович сразу же превратился в строителя, ему поручено наблюдение за возведением одного из бастионов новой крепости на Заячьем острове. По сей день этот бастион носит имя «Меншиков». Сама же крепость во всех документах носила название Санкт-Питербурх.

15 июля 1703 года Меншиков уже в должность петербургского губернатора писал Петру: «Городовое дело управляется, как надлежит. Работные люди из городов уже многие пришли и непрестанно прибавляются. Чаем, милостью божией, что то предреченное дело будет поспешествовать. Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит». Он же встречал в августе того же года 12 голландских торговых кораблей, которые пришли в город Ниен – предместья Ниеншанца. Узнав, что шведов здесь уже нет, капитаны захотели вести дела в русскими. Однако в тот раз корабли не смогли войти в Неву – им помешала эскадра Нумерса, все еще сторожившая берег. Но уже в ноябре 1703 года, когда эскадра наконец ушла в Выборг, новый голландский корабль привез в крепость соль и вино. Меншиков принял шкипетра весьма радушно и подарил ему 500 золотых“».

Всего в строительстве крепости принимали участие 20 000 человек и в середине сентября 1703 года оно закончилось и началось строительство укреплений на острове Котлин, которые возвели к весне следующего 1704 года.

Весной 1704 года русская армия вернулась под Нарву, где всего четыре года назад понесла сокрушительное поражение. Петр попытался взять город с ходу и для этого пошел на военную хитрость. Шведы ждали помощи из Ревеля, от отряда Шлипербаха. Тогда Петр приказал одеть часть воинов в синие шведские мундиры и двинулся на войско, осаждавшее Нарву. А.Д. Меншиков и А.И. Репнин притворно отражали нападение. Их цель – выманить шведов из укрепления и они добились своего: конный отряд выступил из крепости на помощь мнимому Шлипербаху.

В результате боя большая часть шведской кавалерии была изрублена, а пехота не без труда вернулась в крепость. Всего шведы потеряли в тот день около 300 человек, русские же – всего четырех. Осада Нарвы продолжалась весь июнь и июль и закончилась штурмом и взятием крепости. Меншиков, участвовавший в штурме, получил звание генерал-поручика и назначен губернатором Нарвы. Вскоре после этого сдался и шведский гарнизон, находившийся в Ивангороде.

* * *

Взятие Нотебурга, Нарвы и Дерпта (с 12-го на 13 июля 1704 года) нанесло серьезный удар по положению шведской армии на Балтийском море. Эта кампания принесла Меншикову еще одну, очень важную победу. Она связана не с ратными подвигами, а с пригожей лифляндкой Мартой Скавронской. Именно тогда она появляется в жизни Меншикова, а затем и в жизни Петра и на страницах русской истории.

О судьбе Марты еще при ее жизни ходили легенды. Одну из них рассказывает Юсто Юль, датский посланник в России. Вот что он пишет: «Упомянув о царской любовнице Екатерине Алексеевне, я не могу пройти молчанием историю ее удивительного возвеличения, тем более, что впоследствии она стала законною супругой царя и царицею. Родилась она от родителей весьма низкого состояния, в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, милях в шести от Пскова, служила в Дерпте горничною у местного суперинтенданта Глюка и во время своего нахождения у него помолвилась со шведским капралом Мейером. Свадьба их совершилась 14-го июля 1704 года. как раз в тот день, как Дерпт достался в руки царю. Когда русские вступали в город и несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, Екатерина в полном подвенечном уборе попалась на глаза одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать (ибо в России продавать людей – вещь обыкновенная), солдат силою увел ее с собою в лагерь, однако, продержав ее там несколько часов, он стал бояться, как бы не попасть в ответ, ибо, хотя в армии увод силою жителей дело обычное, тем не менее он воспрещается под страхом смертной казни. Поэтому, чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему девушку. Капитан принял ее с большою благодарностью, но в свою очередь захотел воспользоваться ее красотой, чтобы попасть в милость и стать угодным при дворе и привел ее к царю, как к любителю женщин в надежде стяжать этим подарком его милость и быть произведенным в высший чин. Царю девушка понравилась с первого взгляда и через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем сначала она была у него в пренебрежении и лишь потом, когда родила ему сына, царь стал все более к ней привязываться. Хотя младенец и умер, тем не менее Екатерина продолжала пользоваться большим уважением и быть в чести у царя. Позднее ее перекрестили, и она приняла русскую веру. Первоначально она принадлежала к лютеранскому исповеданию, но, будучи почти

ребенком и потому мало знакомая с христианской верою и со своим исповеданием, она переменила веру без особых колебаний. Впоследствии у нее родились от царя две дочери, обе они и теперь живы… Настоящего ее мужа, с которым она была обвенчана, звали, как сказано, Мейером. С тех пор, продолжая состоять на шведской службе, он был произведен в поручики, а потом его, вероятно, подвинули еще выше, так как он все время находился при шведских войсках в Финляндии. Этот рассказ о Екатерине передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями ее истории».

М. Скавронская

Другие рассказчики отрицают, что Екатерина была обвенчана, или называют в качестве ее мужа других людей, говорят, что ее захватили при штурме Мариенбурга, а не Дерпта, спорят, была ли она по национальности шведкой, литовкой или белоруской, но бесспорно одно: Петр искренне и глубоко привязался к Марте, а она верно служила интересам Меншикова. Вместе с «Данилычем» они составляли очень эффективный тандем и до поры до времени сохраняли статус ближайших и самых доверенных друзей Петра.

* * *

После взятия Нарвы Меншиков вел военные действия в Литве, сначала он начальник кавалерии при фельдмаршале Огильви, а затем, с 1706 года, стал главнокомандующим. В том же 1706 году вместе с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II он одержал победу над шведскими войсками близь польского города Калиш.

Это победа не только над врагами, но и над союзниками. Дело в том, что союзник этот оказался крайне ненадежным. В 1705 году Швеция и Польша заключили мирный договор, согласно которому большая часть польской торговли должна была проходить через шведскую Ригу, а русская транзитная торговля – запрещена. После того как шведская армия вторглась в Саксонию, Август вступил во шведами в тайные переговоры и заключил тайный Альтранштедтский мир (названный так по поместью Альтштат под Лейпцигом, где подписали этот секретный документ). В нем Август отказывался от польского трона в пользу ставленника Швеции Станислава Лещинского. Нужно было любой ценой попытаться удержать поляков в союзе с Россией.

Когда русская и саксонско-польская армии двинулись к Калишу, Август оказался в трудном положении. Он предупредил шведского генерала о нападении и просил его удалиться, но тот не поверил, решив, что это военная хитрость.

Позже Меншиков подробно описал ход битвы в письме британскому посланнику Ч. Витворту: «29 октября нового стиля мы на голову разбили неприятеля под Калишем. Шведскими войсками командовал генерал от инфантерии Мардерфельд; под его началом были 8 шведских полков, 4 пехотных и 4 кавалерийских, то есть около 8000 человек шведов, и 24 000

поляков, вверенных палатину киевскому. Из них большая часть убита или ранена. У меня было только 8000 драгун; в деле участвовал еще король польский с 4000 саксонцами; поляки же, бывшие при его величестве, во время самой битвы оставались в бездействии вместе с нашими калмыками и казаками, но оказали большую помощь в преследовании разбитого неприятеля. Атака началась в 4 часа пополудни, в 6 всё уже было кончено; и не наступи ночь так рано, не удалось бы уйти ни одному человеку, как умел уйти генерал-лейтенант Крассау с двумя эскадронами. Я захватил в плен главнокомандующего – генерала Мардерфельда, 6 полковников, 2 подполковников, 10 кавалерийских поручиков; далее из пехотных войск: 3 подполковников, 2 майоров, 7 капитанов, 30 поручиков, 17 прапорщиков, 4 адъютантов; кроме того, 294 унтер-офицера и 2000 рядовых, частью кавалеристов, частью пехотинцев. В плену у короля польского в Калише находится 17 кавалерийских и пехотных капитанов, 16 поручиков, 15 корнетов и 6 прапорщиков, а также несколько штаб-офицеров и 800 рядовых, палатин киевский, недавно возведенный новоизбранным королём в коронные гетманы, палатин трокский и многие другие знатные поляки, большинство которых сдалось в день калишской битвы. Мы также отняли у неприятеля всю артиллерию и обоз. О потерях саксонцев в этом сражении известий у меня нет, потери же русских очень незначительны; убитых 84 человека (в том числе и офицеры и рядовые), раненых 324 человека».

А сразу после битвы Петру в столицу полетело короткое донесение: «Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радошно было смотреть, как со обоих сторон регулярно бились… И сею преславною щастливою викториею вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Петр отвечал на это: «Неописанную привез нам радость о победе неприятельской, какой еще никогда не бывало, – и тут же добавил, – уже сей третий день мы празднуем». Похвалил Меншикова и Август, все еще изображавший верного союзника. Он писал Петру после сражения у Калиша: «Я был вполне всем доволен, и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство».

Шведская армия в Польше была полностью разгромлена. Правда, добиться лояльности Августа так и не удалось. Отслужив благодарственный молебен в Варшаве, подарив Меншикову Оршу в Литве и Полонное на Волыни и отослав русских на зимние

квартиры в Галицию, король освободил шведских пленных и отправился на встречу с королем Карлом XII в Саксонию.

Петр по своему обыкновению достойно наградил человека, исполнившего его волю и проявившего изобретательность такой наградой, которой, вероятно, в тайне желал Меншиков. Первым подарком стала трость, украшенная алмазами, крупными изумрудами и гербом Меншикова, стоившая 3064 рубля 15 алтын 4 деньги. Но этим царские милости не ограничились. Двумя годами ранее Александр Данилович получил диплом на достоинство графа Римской империи; теперь он возведен в сан князя Римской империи, а еще три года спустя, в 1707 году Петр возвел его в достоинство светлейшего князя Ижорского.

* * *

В конце декабря 1707 года шведская армия, 44 000 человек, перешла по льду Вислу и отправилась на восток. Карл вел ее на Москву. Петр не рисковал вступить со шведами в открытое противостояние, его армия просто разоряла земли, по которым должны были пройти шведы, портила дороги, разрушала мосты, и истощала силы армии короткими и неожиданными стычками. «Это был грандиозный и жестокий план, предусматривавший спасение страны через ее уничтожение», – пишет шведский историк Петра Энглунд.

Вскоре Меншиков доносит Петру, что рассказали ему пленные: «…рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут, чтоб король во гнев не поставил, ежели когда от него уйдут. Король же их утешал, дабы еще четыре недели потерпели, и тогда им в провианте никакого оскудения не будет, но в Москве все в излишке найдут».

Под Головчиным шведам удалось навязать русским «правильный бой», и они легко выбили противника из укрепления, потеряв в четыре раза меньше солдат, чем русские. Но были и отличия, на этот раз русская армия не побежала, она отступала организованно. Однако Петр, взбешенный новым поражением, жестоко покарал свое войско: командиров разжаловали в рядовых и заставили оплатить потерянные пушки и боеприпасы, солдат, раненных в спину, повесили.

Петр добился своего – видя, как с каждым днем падает боеспособность армии, Карл не решился идти на Москву, а двинулся на Украину, где надеялся пополнить запасы.

Меншиков участвовал в сражении близь деревни Лестной,

когда русские войска разгромили шедший с обозом корпус Левенгаупта, который спешил из Лифляндии на помощь основной армии. Александр Данилович возглавлял специальный корволант (от французского «Korps Volant» – летучий корпус) включавший в себя 7000 всадников и 5000 пехотинцев, посаженных на коней. Сражение продолжалось целый день, ночью остаткам корпуса Левенгаупа (примерно половине его) удалось ускользнуть, но весь обоз достался русским.

Шведы стремились к Батурину, где их ждал с продовольствием и амуницией гетман Мазепа. Но Меншикову удалось их опередить. Он штурмом взял город, разорил его и устроил резню в назидание другим. После этой акции устрашения Украина уже не осмелилась выступить против Петра единым фронтом. За это Петр I пожаловал князю принадлежавшее гетману Мазепе село Ивановское с деревнями.

В мае 1709 года Меншиков со своим отрядом спешит на помощь Полтаве, осаждаемой шведскими войсками еще с апреля. Крепость выдержала около двадцати попыток штурма, пока под Полтаву не прибыл с главной армией Борис Петрович Шереметев.

Всем становится ясно, что грядет генеральное сражение, в котором «выживет только один»: или русской или шведской армии суждено было навеки остаться под Полтавой. Карл назначил решающую битву на 27 июня (8 июля) 1709 года. Он планировал пройти передовые укрепления русских на рассвете, под прикрытием тумана, и, соединившись за редутами, ударить противнику в тыл. Но не всем отрядам удалось миновать редуты незаметно. Завязавшаяся стычка привлекла внимание Петра, и он послал Меншикова с пятью батальонами и пятью драгунскими полками ударить по правому крылу шведов. В результате Меншиков взял в плен генерала Шлипербаха и затем ударив по корпусу генерала Розана рассеял его. За время битвы под Меншиковым было убито три лошади. После битвы он преследовал Карла и смог взять в плен корпус Левенгаупта, прикрывавший отступление короля, при том, что корпус этот численно превосходил отряд Меншикова. Наградой герою был чин фельдмаршала – Меншиков второй человек в России, получивший его. Кроме того, теперь ему принадлежали два города на Украине, и он стал вторым после самого Петра землевладельцем в России.

После победы под Полтавой Меншиков вернулся в Польшу, воевал в Курляндии, Померании и Голштинии, вытесняя шведов с их последних укреплений на континенте. Получив от европейских монархов орден Слона (Дания) и орден Черного орла (Пруссия), пытался обеспечить себе и более значительное вознаграждение:

в 1711 году предлагал вновь посаженному на польский трон Августу взятку в 200 000 рублей, если тот поможет ему занять Курляндский трон. Но из этой затеи ничего не вышло. В феврале 1714 года Меншиков возвращается в Санкт-Петербург. Война окончена, теперь Петру снова требуется опытный администратор, который будет контролировать становление промышленности в новой столице. Прежде всего нужны работающие верфи и военные заводы, но и обеспечение быта горожан, придание столице имперского блеска – это тоже важные задачи.

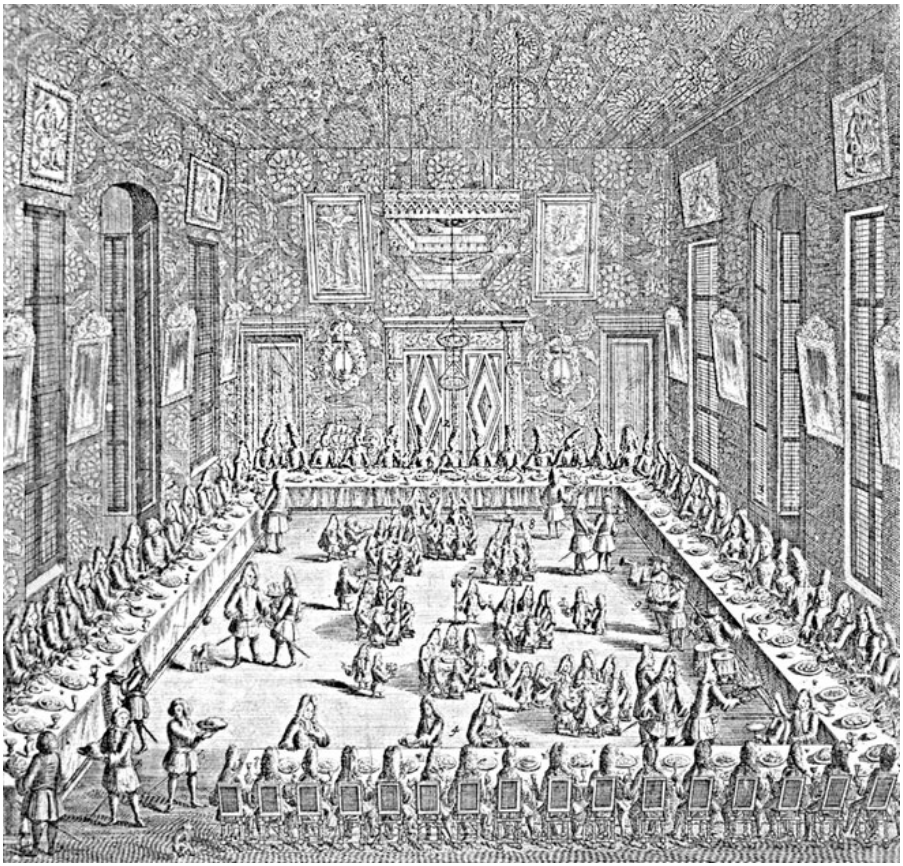
5

Пока Меншиков воевал на Украине, в Петербурге строился его дворец. Точнее сразу два: каменная резиденция губернатора и рядом деревянный Посольский дворец, который предназначался для проведения торжественных церемоний. Если дворцы Петра, что летний, что зимний, весьма скромные здания, предназначенные для жизни одной семьи, то дворцы Меншикова – это именно официальные здания, «лицо» города, украшенные со всей возможной пышностью.

Оба дома, как и Летний дворец Петра, окружала обширная усадьба: регулярный сад, украшенный фигурными клумбами, мраморная скульптура, декоративные пруды, лабиринт и другие садовые затеи, позади дворцов разбили фруктовый сад и огород, устройством сада занимался голландский садовник Ян Эйк.

К дворцу от Невы вел короткий канал с бассейном, чтобы гостям было удобнее высаживаться из шлюпок и яликов.

Именно в Посольском дворце 31 октября 1710 года праздновали свадьбу «государевой племянницы» Анны Иоановны и герцога Курляндского. Увеселения по этому поводу продолжались более трех месяцев. Одним из аттракционов для развлечения гостей стала еще одна свадьба, на этот раз шуточная. Жених и невеста были карликами и за большой стол в качестве гостей тоже посадили карликов. А настоящие гости сидели за большими столами по краям залы и веселились глядя на это гротескное зрелище. Карлики в начале XVIII веке были при дворах многих европейских вельмож, насмешки над ними не считались жестокостью, и часто для самих карликов подвизаться в роли шутов – единственный способ найти себе кров и пропитание. Сохранилась гравюра Алексея Зубова, запечатлевшая этот праздник.

Свадьба карлика Я. Волкова 14 ноября 1710 г. во дворце князя А.Д. Меншикова. Гравюра А. Зубова

Большое торжество отмечали в Посольском дворце 1 января 1712 года. Петр как раз вернулся в свою новую столицу из Ревеля и Меншиков устроил ему торжественную встречу. На льду Невы прямо перед Посольским дворцом возвели: «…арк триумфальный с тремя догами и витыми столпами, который украшали ветви масличные», на фронтоне арки фигура всадника в лавровом венце с лавровой ветвью, символ «Его Императорского Величества высокой персоны». В боковых арках были изображены аллегорические картины: северная звезда – символ России, грозовая туча – символ Швеции. Все изображения были подожжены, и когда они сгорели, на их месте зрители увидели крепость, с надписью «Бог укрепляет камень сей и значит сия крепость, Санкт-Петербург» – парафраз библейских слов, которые Христос сказал апостолу Петру: «Ты есть камень, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (от Матфея 16:18). Праздник завершился фейерверком. Царь и губернатор с семьей любовались «огненной потехой» с балкона каменных плат

Меншикова.

Подобные «огненные действа» не просто развлечение, но и «наглядная агитация». Предназначенные для жителей новой столицы, они должны были укрепить их уверенность в могуществе Петра и в божественной поддержке его замыслов. Петр, увлекавшийся фейерверками с детства, прекрасно понимал их «пропагандистский заряд». Понимал его и Меншиков.

Еще один праздник состоялся перед Посольским дворцом 27 июня 1717 года и был посвящен Гангутской битве, когда в плен взяли 18-пушечный фрегат «Элефант» и еще девять мелких судов. На этот раз Меншиков принимал победителя уже в новом каменном дворце. Аллею, ведущую к пристани ко дворцу, украшали триумфальные ворота, скульптурные композиции и картины, изображавшие различные эпизоды сражения.

Дворец Меншикова также поражал своей роскошью: золото, серебро, мрамор, дорогие сорта дерева, античные и итальянские скульптуры, венецианские зеркала, хрустальные люстры, гобелены и шелковые китайские обои. Часть этих интерьеров сохранилась до наших дней и любой может убедиться, что Меншиков умел жить с размахом.

Дворец А.Д. Меншикова. Современное фото

Вестибюль дворца или Большие сени украшали античные статуи, Большую палату – место для торжественных приемов – французские шпалеры XVII века, Морской кабинет, отделан изразцами, Китайский кабинет – затянут китайским шелком. Во дворце хранились богатейшие собрания живописи, скульптуры,

дорогих безделушек. Позже, уже после ареста Меншикова в описи его имущества, составленной петербургскими чиновниками, будут значиться усыпанные драгоценными камнями шпаги, трости, пряжки, запонки, орденские кресты и звезды, осыпанные бриллиантами и жемчугом, золотые орденские цепи, портреты в золотых рамах, отделанных алмазами, «персоны» Петра в золотых рамках, золотые табакерки, украшенные алмазами, бриллиантовые пуговицы, пояса с бриллиантовыми искрами и головные уборы – изумрудные перья с алмазами, какие в то время носили на шляпах, куски литого золота, желтые алмазы, красные лалы, изумруды, белые и лазоревые яхонты, нитки жемчуга, а кроме того «15 булавок, на каждой по одному бриллианту», или «2 коробки золота литого», «2 больших алмаза в серебре», «95 камней лаловых больших и средних и самых малых».

Был у Меншикова дом и в Кронштадте, на берегу док-канала.

Тщеславие и любовь к роскоши светлейшего князя уже ни для кого не были секретом. Многие знали, что он не чист на руку. Но пока Меншиков искусно использовал свои слабости для общего дела, Петр смотрел на его грешки сквозь пальцы.

Принимал Петра Меншиков и в своем загородном имении в Ораниенбауме, откуда лежал кратчайший путь морем в Кронштадт. Меншиков, получивший эту «дачу» – термин петровских времен, происходящий от глагола «давать» и обозначавший пожалованные земли, – знал, что Петр будет частым его гостем и постарался обустроить имение так, чтобы оно пришлось по вкусу царю. От моря ко дворцу вел канал, заканчивающийся большим «гаванцем». Далее простирался регулярный сад с цветниками и фонтанами и мраморной скульптурой, который заканчивался у Большого дворца, стоявшего на высокой земляной террасе. Был здесь и плодовый сад, где росли яблони, вишни и смородина.

Благодаря сохранившейся «Описи большого Ораниенбаумского дворца» мы можем в деталях представить обстановку, которая была здесь в начале XVIII века.

Прежде всего в описи упоминаются иконы, находившиеся в каждой комнате кроме проходных. Стены комнат украшены искусственным мрамором, деревянными панелями или шпалерами («по коже навожено золотом и серебром и разными цветами»), два последних вида отделки служат одновременно и для утепления помещений. Иногда упоминаются «цветники» между окон – т. е. изображения ваз с цветами. Полы «столярной работы» или выложены черными и белыми плитками мрамора. Отапливаются комнаты так называемыми каминами-печами – оригинальным изобретением русских мастеров, которое сочетало

в себе живой огонь, горевший в камине с эффективностью печи. Собственно это настоящие русские печи, топка у которых была устроена как камин. Отделывали их «плитками галанскими». Получался странный гибрид, который тем не менее был, вероятно, удобен в быту. В качестве освещения названы «два подсвешника зеркальных, заморских в рамах медных посеребрянных, старых» и «два подсвешника стенных медные посеребряны, на одном две картины живописные за стеклам в рамах резных золоченых француской работы». Из мебели перечислены многочисленные стулья и кресла, сидения которых «переплетены камышом» или обиты бархатом, дубовые и ореховые шкафы с фарфоровой и стеклянной посудой, кабинетцы (маленькие шкафчики для бумаг комбинированные с письменным столом), столы сосновые и столики круглые «китайской работы».

В спальне стояла «кровать аглицкая дубовая столярной работы, на кровати одеяло объяринное[4] холодное белое складено галуном желтым шелковым по краям и по середки, над кроватью гзымзы[5], обиты объярью малиновою и высподи выкладено галуном шелковым, над кроватью балдахин внутри обито белою объярью и галуном желтым шелковым складено, на кровати два пуховика двоеспальные, на одном наволока полосатая бумажная белая, на другом наволока белой байки, на оной же кровати простыня швабского полотна, подушка круглая, наволока байковая полосатая синея, восемь подушек на них наволоки камки красной».

Упомянута и ночная одежда: «шлафор[6] парчи золотной на нем травы бархату малиноваго подбит желтым атласом, туфли парчевые золотной парчи и с позумент серебряной ветхие, другие туфли сафьянные красные, на кравати шлафор парча золотная с травами по зеленому атласу, на горностаевом меху старой…».

Также в спальне находился «писпод[7] муравленой галанской работы, при кровати столчак дубовой точеной, петли и скобы медны позолочены, на трех ношках секрет оловяной[8] весом три фунта с полу».

На кухне – «стены убраны плитками галанскими, два поставца стенных за стеклами убраны ценинною посудою и запечатаны печатью… очаг кирпишной, над очагом и вниз стенки пол и столбы убраны плитками галанскими таган железной при очаге».

Также в описи упомянута «лахань медная на ножках зеленой меди, при ней две скобы медные ж, в чем посуду моют, весом дватцать четыре фунта».

Таков был дом, в котором всегда радушно встречали Петра. Государь мог приехать сюда после посещения Кронштадта и

отдохнуть вместе с близким другом, в кругу его семьи. И Петр по-настоящему ценил эту близость и дружбу. В письмах он обращается к Меншикову весьма фамильярно: «Мейн липсте камрат», «Мейн Херценкинд», «Mein Her Leutnant», а то и просто «товарищ». Меншиков же пишет: «Майн гер каптейн», «Мой господин капитан».

* * *

У Меншикова, как и у Петра I была большая семья, состоявшая в основном из женщин. Он женился на Дарье Михайловне Арсеньевой, дочери якутского воеводы и стольника Михаила Афанасьевича Арсеньева, род которого восходит к знатному татарину Ослану-Мурзе Челебею, выехавшего в Россию из Золотой Орды и принявшего крещение с именем Прокопия в 1389 году. Впервые Александр Данилович увидел ее в 1702 году при Дворе сестры царя Петра Натальи.

Была ли это «настоящая любовь», или просто желание «сойтись» с благородной женщиной, стоявшей гораздо выше «Данилыча» на сословной лестнице, мы, наверное, никогда не узнаем. Может быть, не знал этого и сам Меншиков. Он долго и романтично ухаживал за своей избранницей – почти каждый день обменивался с ней нежными письмами. «Вы для Бога как при мне, так и ныне, веселитесь и ничего не думайте, – желает он своей возлюбленной и шутливо грозит ей. – А буде вы станете о чем печалица, а веселится не учнете, о чем я, приехав, уведаю подлинно, то в то время на меня не прогневитесь – истинно лишены будете моей милости вечно». Нужно помнить, что переписка не была тайной – она шла через секретаря и царь в любой момент мог узнать о ней. По-видимому, он и знал, и ничего не имел против.

Д. М. Арсеньева

А у Дарьи Михайловны не было никаких причин лукавить, когда она писала своему «Данилычу»: «Только не могу больше блажить против милости твоей. Желаю сердешно видить тебя, радость свою, и неотлучно быть при милости твоей всегда». Она посылала ему подарки: то рубашку, то нарядные галстуки или новый камзол, то маленькое золотое сердечко, то кафтан и штаны, а то «дорожную кровать с постелею и одеялом», чулки, башмаки и так далее. «Не покручинься, свет мой, – писала она, – что подарки не корысны, ей, от любви сердешной послала к тебе, радости своему». А он отвечал ей, благодаря за присланные

ягоды: «Имели оные с любовью употреблять, понеже зело показались мне угодны». Такими же трогательными презентами обменивались Петр со своей Катеринушкой.

Меншиков постоянно писал Дарье Михайловне, как он благодарен ей за заботу. В одном письме: «А что ты, Дарья Михайловна, изволишь меня письмом своим остерегать и попечение имеешь, и за то я особо паки милости твоей благодарствую. Однакож ныне никакой опасности не имеем». А в другом: «За писания ваши я благодарствую, а паче за то паки благодарен, что изволите меня через свои письма опасать». Впрочем, эти романтические чувствования, не мешали Меншикову содержать многочисленных любовниц.

В конце концов Дарья Михайловна не устояла и успела родить от «Даниловича» внебрачную дочь, Александру, прежде чем тот повел свою избранницу под венец.

У Дарьи Михайловны было три сестры: небезызвестная нам Варвара Михайловна, будущая фрейлина Екатерины, Аксинья Михайловна и Авдотья Михайловна. Сестры Арсеньевы, как и Марта Скавронская, с которой те были хорошо знакомы, часто сопровождали Александра и Петра в боевых походах. Они были под Нарвой в 1704 году, в Витебске в 1705 году, 1706 году снова в Нарве и затем в Киеве. Там 18 августа 1706 Петр и обвенчал Александра и Дарью.

Дарья Михайловна еще некоторое время сопровождала мужа в боевых походах. Под Калишем, через два месяца после свадьбы, она находилась в обозе русской армии и Меншиков обещал ей «в баталии сам не буду», а потом просил прощения за то, что не сдержал своего обещания и поскакал в битвы. Когда же супруги разлучались, Меншиков в письмах клятвенно заверял жену, что «истинно по разлучении с вами ни единого случая не было, чтобы довольно вином забавица и с королевским величеством зело умеренно забавлялись, и в том не извольте сумлеваться». Очевидно Дарью Михайловну очень беспокоило бесконечное пьянство Меншикова и его венценосного приятеля.

Варвара продолжала жить с сестрой, для нее во дворце Меншикова отделали две комнаты, которые так и назывались «Варварин покой».

Кроме сестер Дарьи Михайловны в доме бывали, а иногда и жили сестры самого Меншикова Анна, Мария и Татьяна. Особенно теплые отношения сложились у Меншикова с племянницей Анной, дочерью сестры Марии. Он также покровительствовал братьям Дарьи Михайловны – Ивану и Василию и их семьям.

Из семи детей, родившихся у Меншиковых, выжили трое: сын

Александр и дочери Мария и Александра. Об их судьбе еще пойдет речь.

* * *

Но при Меншикове город украсился не только Посольским дворцом и личными покоями светлейшего. В Петербурге заработала Адмиралтейская верфь, и начиная с весны 1706 года регулярно спускала на воду новые военные корабли. На строительство крупных судов уходило несколько лет. Так, 54-пушечный линейный корабль 4 ранга «Полтаву» заложили в декабре 1709 года, а сошел со стапелей в июне 1712. Дома для работников верфи протянулись вдоль Большой и Малой Морских улицы.

В нижнем течении Мойки заложили еще одну верфь, где строились гребные суда – галеры, широко использовавшиеся для военных действий в шхерах Балтийского моря. Свой шхерный флот был у Швеции, появился он и у России. Позже эта верфь получила название «Новая Голландия». Для того, чтобы галеры могли выходить из верфи в Неву, прорыли специальный канал, ныне носящий название Адмиралтейского. За постройкой галер и транспортных судов также надзирал Меншиков и докладывал об успехах царю: «В нынешнюю кампанию будет у нас здесь готовых 20 галер», «ныне заложил вновь 20 галер», «приготовлением в отпуск кораблей всеми мерами стараемся», «положено сделать 300 соймов[9])».

Но для строительства кораблей нужен лес. Лесопильные мельницы вырастают вдоль реки Ижоры, спиленные бревна сплавляются по Неве и попадают прямиком в Адмиралтейство. За бесперебойную доставку бревен для кораблей и на остров Котлин, где возводились первые здания Кронштадта, отвечал лично Меншиков. Он также должен был организовать добычу камня для постройки кронштадских укреплений.

Кроме того, в городе для нужд верфи стоятся гонтовые заводы на Охте, кирпичные заводы на берегу Невы, несколько пергаментных заводов, изготавливающих картузы для зарядки корабельных пушек, восковой завод, где делаются свечи, и две бумажных мельницы. Причем частью гончарных заводов и пильных мельниц владел сам губернатор, и доходы с них шли в его карман.

Для производства смолы строится Смоляной двор. Так как при производстве велик риск развития пожара, его размещают на окраине города, вдали от Адмиралтейства, которое связано с ним

водным путем по Неве.

Рабочих на верфи собирают по всей России, 12 сентября 1705 года Меншиков подписывает указ, согласно которому надлежит «с посадов и уездов, великого государя с дворцовых и с патриарших, и с монастырских, и с помещичьих и с вотчинных крестьян выбрать плотников самых добрых, и не малолетних, и не старых и плотничьего дела умеющих 500 человек со всеми их плотничьими снастями и выслать в Санкт-Петербург на Адмиралтейский двор бессрочно».

Всего за период с 1706 по 1725 год на петербургских верфях построили 4 фрегата, 55 других крупных кораблей и более 200 галер. А еще один фрегат под названием «Самсон» Меншиков купил за границей и подарил на день рождения своему «герру капитану». Опробовав корабль, Петр написал Меншикову: «При сем пили за здоровье, кто сей корабль подарил, понеже зело хорош на ходу» – и заказал еще несколько в Англии и Голландии.

К военным предприятиям относился и Арсенал, построенный в 1711–1713 годах и объединивший в себе пушечно-литейный завод, хранилище всех оружейных запасов, в том числе и артиллерийских снарядов. Мастерские его располагались вдоль Литейной першпективы. Здесь, в частности, отливали огромные тяжелые жернова для Пороховых заводов, работавших на Охте, на Малой Невке, в район современных улиц Зеленина, название которых происходит от искаженного слова «зелье», т. е. порох, и в Кронверке. Мельницы приводились с движение водяными двигателями и конной тягой.

Но предприятия города работали не только для военных нужд. В 1717 году построена Шпалерная мануфактура, выпускавшая шпалеры и гобелены для петербургских дворцов и инициатор создания мануфактуры не кто иной, как Александр Данилович, который хорошо запомнил, как Петр «будучи в Париже, изволил смотреть всяких мануфактур, между которыми изволил видеть и шпалеры, и при том изволил говорить, дабы и у нас такая работа как наискорее завелась, и у нас еще ничего в зачине не бывало, понеже ни инструментов, ни шерсти, ни красильщиков нет». Меншиков тут же отдал распоряжение закупить в Париже необходимые инструменты. На Петербургских шпалерных мануфактурах вытканы, в частности, большие гобелены «Полтавская баталия», «Турецкая баталия с цесарцами» и еще множество больших и маленьких гобеленов, украсивших дворцы Петергофа и Стрельны.

В городе построили полотняные фабрики, завод для выделки пудры, плетеночную фабрику и две ветряные мельницы – одна для муки и крупы, другая – для взбивания масла. Постепенно

дворцовые фабрики стали работать и на «внешний рынок», т. е. продавать свои товары рядовым петербуржцам. Петербург быстро превращался из военной крепости в промышленный город. И контроль над этим процессом Петр поручил Меншикову. Конечно, губернатор, по своему обыкновению, откладывал себе в карман, но работа двигалась, и когда в 1722 году Петр решил ввести для Петербурга ремесленные цеха, какие были в европейских городах, то таких цехов оказалось 44: портновский, сапожный, шапочный, цех для рукавичников, пуговичников, шубников, медников, паяльщиков и котельщиков, слесарей, столяров, каретников, маляров и т. д.

А еще Меншиков отвечал за застройку не только Петербурга, но и Шлиссельбурга, Кронштадта и Петергофа. Задачи перед ним стояли разные – если Шлиссельбург и Кронштадт прежде всего военные крепости, то в Петергофе нужно построить царский дворец, не уступавший по красоте Версалю. Новых украшений требовала и столица – нужно укреплять и выравнивать берега реки, чтоб по ней удобнее было идти бурлакам, тащившим грузы, распланировать новые районы. Вероятно, порой Меншиков бывал небрежен или просто не успевал уследить за всем. Вот какую историю рассказывает Андрей Нартов: «Его величество, взяв с собою прибывшего из Парижа, в службу принятого, славного архитектора и инженера Леблона, при котором случае по повелению монаршему находился и Нартов с чертежом, который делал он, поехал в шлюпке на Васильевский остров, который довольно был уже выстроен и канавы были прорыты. Обходя сей остров, размеривая места и показывая архитектору план, спрашивал: что при таких погрешностях делать надлежит. Леблон, пожав плечами, доносил: „Все срыть, государь, сломать, строить вновь и другие вырыть каналы“. На что его величество с великим неудовольствием и досадою сказал: „И я думаю то ж“. Государь возвратился потом во дворец, развернул паки план, видел, что по оному не исполнено и что ошибки невозвратные, призвал князя Меншикова, которому в отсутствие государево над сим главное смотрение поручено было, и с гневом грозно говорил: „Василья Корчмина батареи лучше распоряжены были на острову, нежели под твоим смотрением теперешнее тут строение. От того был успех, а от сего убыток невозвратный. Ты безграмотный, ни счета, ни меры не знаешь. Черт тебя побери и с островом!“ При сем, подступи к Меншикову, схватил его за грудь, потряс его столь сильно, что чуть было душа из него не выскочила, и вытолкнул потом вон. Все думали, что князь Меншиков чрез сию вину лишится милости, однако государь после, пришед в себя, кротко говорил: „Я виноват сам, да поздно.

Сие дело не Меншиково, он не строитель, а разоритель городов“».

6

Рассказ об участии Меншикова в боях и о его губернаторстве в Петербурге изложен последовательно, потому что это удобнее для восприятия. Но на самом деле Александру Даниловичу приходилось поспевать и здесь и там. Император был очень доволен его службой. Однажды, когда Меншиков в очередной раз уехал из Петербурга, Петр написал ему: «…желаю, дабы Господь Бог ваше дело как наискоряя управил, и вас бы нам здесь видеть, дабы и вы красоту сего Парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть) в заплату трудов своих, с нами купно причастником был, чего от сердца желаю. Ибо сие место истинно, как изрядный младенец, что день, преимуществует».

Петру не раз случалось выслушивать жалобы на фаворита и журить его: «В чем зело прошу, чтоб вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу вас не оскорбитца о том, ибо первая брань лутче последней, а мне, будучи в таких печалех, уже пришло не до себя и не буду желеть никого… А что, ваша милость, пишешь о сих грабежах, что безделица, и то не есть безделица, ибо интерес тем теряется во озлоблении жителей; Бог знает, каково здесь от того, а нам жадного прибытку нет».

Тогда на защиту светлейшего вставала Екатерина Алексеевна. Письмо, процитированное выше, отправлено царем из злосчастного Прутского похода, в котором Екатерина сопровождала Петра. Оттуда она пишет Меншикову (точнее диктует письмо, так как Екатерина, как и светлейший, была неграмотна): «И доношу вашей светлости, дабы вы не изволили печалитца и верить бездельным словам, ежели с стороны здешней будут происходить, ибо господин шаутбейнахт по-прежнему в своей милости и любви вас содержат». Позже, когда армия Петра попала в западню, Екатерина спасла ее, отдав в качестве выкупа все свои украшения. В благодарность за этот поступок Петр провозгласил ее свой императрицей. Но Россия в результате неудачной кампании лишилась портов в Азове и в Таганроге.

Не слишком доволен остался Петр и распоряжениями Меншикова в Померании, светлейший должен был разделить земли, захваченные Швецией, между Данией, Пруссией, Голштинией. В интересах России надо было бы отдать большую часть Дании стратегическому союзнику, обладавшему мощным флотом. Меншиков же при разделе вовсе исключил Данию, чем смертельно обидел датского короля. Почему Александр Данилович поступил так? Может роль сыграла обида на датчан: Меншиков неоднократно жаловался Петру, что те не выполняют

своих обещаний, а может, щедрые подарки от прусского и голштинского двора? В любом случае Петр остался недоволен. Он послал срочный запрос Меншикову, выехавшему из Померании в Россию: «Я в великом удивлении есть, что ты не пишешь, оставили ль вы 400 человек королю датскому по обязательным пунктам. Ибо ежели и не оставили, то уже мы сами его потеряли, и Бог знает, что будет». Когда же Меншиков приехал, Петр заставил его написать (вернее продиктовать) длинное объяснение всех решений, принятых в Померании. Разумеется, «Данилыч» свалил всю вину на датского короля, покаявшись, впрочем, и в собственных ошибках, которые он объяснял неосведомленностью. В самом деле, донесения в военное время часто приходят с задержкой, и в конце концов Александру Даниловичу снова удалось вернуть доверие и расположение Петра.

В числе опаснейших врагов Меншикова оказался царевич Алексей, сын Петра от первого брака, некогда, как и вся семья находившийся под его опекой, когда Петр бывал в отлучке. Алексей много раз, «грозил одновременно и открыто всех любимцев отца искоренить». Случалось ему ссориться и с самим Александром Даниловичем. Однажды Меншиков весьма не лестно отозвался о жене царевича, принцессе Софии Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, назвав ее «высокомерной немкой». Царевич в ответ напомнил Меншикову о его низком происхождении. Меншиков заявил, что Шарлотта царевича не любит, так как он обращается с ней очень дурно и вообще ни в ком не может возбудить любовь. Алексей уверял, что жена его очень любит, а Меншиков судит о женщинах «по твоей родне, которая никуда не годится, так же, как и твоя Варвара». И добавил: «У тебя змеиный язык, и поведение твое беспардонно. Я надеюсь, что ты скоро попадешь в Сибирь за твои клеветы». Надо думать, что эта ссора далеко не единственная – Алексей действительно терпеть на мог своего бывшего опекуна.

Царевич понимал, что тучи вокруг него сгущаются и бежал за границу. Это еще усилило подозрительность Петра и он велел во что бы то ни стало вернуть сына, а после возвращения отдал его под суд. В расследовании активное участие принимал Меншиков. Петр писал ему: «Майн фринт! При приезде сын мой объявил, что ведали и советовали ему в том побеге Александр Кикин и человек его Иван Афанасьев, чего ради возьми их тотчас за крепкий караул и вели оковать». Александр Данилович сам брал под стражу и допрашивал приближенных и друзей царевича, в том числе Василия Владимировича Долгорукова, который немного раньше расследовал дело самого Меншикова, обвинявшегося в казнокрадстве и махинациях с военными подрядами на поставку

хлеба, которые Меншиков осуществлял по явно завышенным ценам. Тогда дело кончилось возвращением присвоенных денег и солидного штрафа, выплату которых Меншиков всячески откладывал. Теперь Меншикову выдался шанс поквитаться с не в меру, как он считал, ретивым следователем.

Царевич Алексей

В конце концов царевич умер в Петропавловской крепости, не выдержав пыток, а Кикин и многие другие обвиняемые казнены. Долгорукого ожидали лишение чинов и ссылка. Очевидно, с тех пор семья Долгоруких считала Меншикова своим заклятым врагом.

Обвиняли Меншикова и в захвате земель близь Почепа и в закрепощении украинских казаков. В тот раз за него вступилась

Екатерина. Но многие в окружении царя стали замечать, что Меншиков просто ненасытен в добывании новых доходов. Причем, он не делал разницы между честным предпринимательством, «серыми» схемами и откровенным грабежом и вымогательством. Он продавал за границу пеньку сало и кожи, владел и солеваренными заводами и рыбными промыслами на Волге и в Поморье, скупал лавки, харчевни и погреба в Москве и сдавал их в аренду. Но процесс над Меншиковым не пошатнул доверия царя к нему. В 1718 году вчерашнего подследственного назначили сенатором и одним из двух президентов Военной коллегии.

* * *

Звезда Меншикова померкла нежданно-негаданно. И случилось это во многом из-за его верной заступницы – Екатерины. Осенью 1724 года Петр узнал, что она изменяет ему со своим камердинером Виллимом Монсом, братом «той самой» Анны Монс, по просьбе которой Петр и взял молодого человека на службу. Гнев монарха был страшен. Монс лишился головы (ходили слухи, – впрочем, ничем не подтвержденные, – что позже ее заспиртовали и поместили в Кунсткамеру), Екатерина же утратила доверие Петра и больше не могла ходатайствовать перед ним за Меншикова, погрязшего в тяжбах, взяточничестве и казнокрадстве.

Но вот 28 января [8 февраля] 1725 года Петр умирает. У Меншикова нет времени предаваться скорби: он должен любой ценой удержаться у власти, иначе «почепское дело» покажется всего лишь забавой. И вот, заручившись поддержкой гвардии, он возводит Екатерину на трон и остается при ней, возглавив Верховный тайный совет.

Несчастная императрица, по-видимому, искренне любившая Петра, пытается заглушить горе вином, и Александр Данилович становится некоронованным правителем России. Следственное дело против него, разумеется, тут же прекратили, более того Меншиков добился пожалования памятного ему малороссийского города Батурина, которого в свое время тщетно добивался у Петра, ссылаясь на старые заслуги. На волне такого успеха, Меншиков предпринял еще одну попытку сделаться герцогом Курляндским, но ландстаг все же набрался смелости и отклонил кандидатуру безродного наглеца, несмотря на то, что ее поддерживала императрица Екатерина.

Екатерина I

Однако Екатерина пережила своего «старика», как называла она Петра, всего на два года. На престол по ее завещанию взошел малолетний Петр II. Регентом при нем назначили Меншикова. Он увез молодого человека в свой дом на Неве, распорядился строить для него рядом новый дворец и наконец обручил Петра со своей старшей дочерью Марией.

После этого обручения Меншиков словно уверился в своей неуязвимости и остатки сдержанности покинули его. Биограф светлейшего, специалист по истории петровской эпохи Николай Павленко пишет: «Все планы и помыслы князя сводились прежде всего к удовлетворению ненасытного честолюбия. Побуждаемый этой страстью, он радел не столько об „общем благе“ – мифическом понятии, которым пестрело законодательство петровского времени, сколько о благе личном и благе своей семьи и родственников.

Петр II

М.А. Меншикова

Милости сыпались как из рога изобилия. Он действовал так, будто все чины, звания и ордена государства были изобретены для Меншиковых. Ему мало было чина генерал-фельдмаршала, и он росчерком пера детской руки Петра II получил чин генералиссимуса». Также Александр Данилович стал полным адмиралом, хотя участвовал лишь в достопамятном захвате двух шведских кораблей на Неве. Золотой дождь обрушился также на детей и других родственников Меншикова.

7

До поры до времени Петр покорно исполнял все распоряжения своего наставника и будущего тестя. Но он не мог не видеть, что Меншиков относится к нему в лучшем случае как строгий дядька к избалованному воспитаннику, а вовсе не как почтительный подданный к своему государю. Современники рассказывали, что однажды, когда Петр отправил большую сумму денег своей сестре, Меншиков же вернул послов с полдороги, сказав, что царь еще слишком мал, чтобы распоряжаться такими суммами. Петр, узнав это, затопал ногами и сердито выговорил Меншикову и в отместку избил его сына.

Если бы даже Петр каким-то чудом не заметил высокомерия Меншикова, нашлось бы много желающих напомнить ему «кто есть кто», и какую роль сыграл Меншиков в гибели царевича Алексея. Прежде всего, тетя Елизавета, и братья Долгорукие, давно затаившие злобу на «Данилыча». Остерман, бывший учитель Петра и другие верховники тоже рады подставить подножку Меншикову.

Падение «полудержавного властелина» совершилось за три летних месяца. Меншиков старался держать Петра при себе. Летом 1727 года он уехал с малолетним царем и с дочерью, сыном и женой в Петергоф и всячески развлекал мальчика. Даже ездил с ним на псовую охоту, который Александр Данилович, как и Петр I не любил, зато Петр-внук обожал.

Но 19 июня 1727 года Меншиков тяжело заболел, он не вставал с постели и кашлял кровью. Остерман, бывший наставником Петра, устроил так, чтобы молодой человек сблизился с Долгорукими. Впрочем, это было не сложно: Иван Долгорукий был лишь немногим старше Петра, как и он, любил охоту и развлечения. Вскоре молодые люди стали неразлучны. Елизавета тоже настраивала племянника против Меншикова. И вот Петр заявил, что не намерен жениться раньше 25 лет. Это, разумеется, никак не входило в планы светлейшего. Он пытался переубедить Петра, но тот просто перестал допускать его к себе и специальным указом отнял у него право распоряжаться казенными деньгами. Затем 8 сентября по результатам работы следственной комиссии Верховного Тайного совета без суда Меншикова поместили под домашний арест. Просить о милости к мужу и отцу к Петру отправились Дарья Михайловна, ее сестра и сын. Но Петр не захотел их слушать. Тщетно родные Меншикова умоляли о заступничестве Остермана и Елизавету. Не помогло. 12 сентября Меншиков получил приказ, в котором сообщалось, что

он лишается всех чинов и званий, и должен ехать со своим семейством в Раненбург – маленькую крепость недалеко от современного города Липецка. Один из современников вспоминает: «Проезжая по улицам петербургским, он кланялся направо и налево из своей кареты и, видя в сбежавшихся толпах народа своих знакомых, прощался с ними так весело, что никто не заметил в нем ни малейшего смущения». Кавалькаду карет и повозок, увозивших семью Меншикова, нагнал курьер с приказом отдать все ордена. Александр Данилович в пути занемог, его везли на носилках, привязанных к лошадям.

В Раненбурге Меншиков сделал последнюю, довольно робкую попытку изменить свою судьбу: празднуя день рождения – раздал охране дорогие подарки. Начальник охраны, опасаясь доноса, решил сам доложить об этих дарах. Его тут же сместили с поста, Меншикова обыскали, арестовали все его имущество, привезенное в Раненбург, а потом отправили дальше на восток – в город Березов Сибирской губернии.

Меншикову оставалось жить всего два года. Он умер 12 (23) ноября 1729 года в Березове. Ему было 56 лет. Дарья Михайловна скончалась еще по дороге в Березов, в Казани, старшая дочь Мария, «порушенная» невеста Петра II, умерла от оспы. Из ссылки вернулись только сын Александр, который и продолжил род Меншикова, и младшая дочь светлейшего, вскоре вышедшая замуж.

Остается вопрос: почему Меншиков, так упорно цеплявшийся за власть, не спасовавший даже перед гневом Петра I, позволил Остерману обвести себя вокруг пальца? Может причина – болезнь, и у Меншикова уже просто не было сил сопротивляться. А может быть, Меншиков не сумел найти подход к Петру II. Его дед и тезка был страшен во гневе, но умел ценить рассудительных и инициативных людей, он прощал Меншикову любые грехи, пока тот его единомышленник и выполнял его задания, но у внука не было таких грандиозных планов, как у деда. Он хотел только, чтобы ему выказывали всяческое почтение и развлекали его. Остерман сумел дать Петру II то, чего он желал. Меншикову это оказалось не под силу. Опускаться до уровня глупого мальчишки он не смог или не захотел. И он проиграл. Удастся ли Остерману воспользоваться тем, что он приобрел в результате этой интриги?

Глава 2. Андрей Иванович Остерман

1

Карьера Остермана, хоть тоже была блистательной, все же не так поражала современников. Генрих Иоганн Фридрих Остерман – сын пастора из Вестфалии, стал вице-президентом Коллегии иностранных дел в чине тайного советника – IV класс Табели о рангах (в составлении которой он в свое время принимал участие), равный по чину генерал-майору пехотных войск. В Европе такой карьерный взлет был чем-то из области сказок, но в Россию «на ловлю счастья и чинов» ехали, обычно, люди не самые знатные и родовитые, в стесненных обстоятельствах, да к тому же, обладавшие некой авантюрной жилкой.

Уже в XIX веке Грибоедов в знаменитом монологе Чацкого будет описывать, как «французик из Бордо» собрал вокруг себя светское общество (прекрасно говорившее по-французски)…

И сказывал, как снаряжался в путьВ Россию, к варварам, со страхом и слезами…

Но веком раньше немецкий язык в России знали разве что при царском дворе, а слухи о «варварской Московии» были, пожалуй, еще страшнее. Причем, не все из них на поверку оказывались неправдой.

Например, в 1689 году, уже во время самовластного царствования двух царей, в Москве немецкого поэта, мистика и проповедника Кульмана Квирина постигла страшная участь. Он был… сожжен заживо. Причем произошло это не в результате разбойного нападения, а по решению суда. Квирин был протестантом, но не принадлежал ни к лютеранам, ни к кальвинистам – двум наиболее влиятельным учениям немецкого протестантизма, он создал собственное учение, что совсем не редкость в XVII веке в Германии. Его осудили за ересь, а за это в России, согласно Соборному уложению 1649 года, полагалось сжигать преступника «в срубе» вместе с его книгами. Приговор вынесла еще Софья, но Петр не счел нужным его отменять, как не счел нужным и отменить сам закон. Сожжения продолжались и в XVIII веке. К этой казни приговаривали колдунов, богохульников и богоотступников, переходивших в иную, не христианскую веру. Последний в России приговор к смертной казни через сожжение вынесли Андрею Козицыну в Яренске в декабре 1762 года. Его обвиняли в колдовстве. Однако ему повезло: императрица Елизавета Петровна объявила мораторий на смертную казнь, он был утвержден указами Сената от 30 сентября 1754 года и 14 октября 1760 года, и «колдун» отправился на каторгу.

Конечно, Остерман честный протестант, сын вполне респектабельного пастора, и ему не грозило преследование за ересь. Может быть он и вовсе не знал о печальной судьбе постигшей Кульмана. Но этот случай давал представление о том, какие опасности подстерегали европейца, который решался ехать в далекую северную страну.

Остерман появился в России в 1704 году. В недавно заложенном Петербурге тогда еще не было ни одного каменного дома. Петропавловская крепость строилась из камня, земли и дерева прежде всего как военное укрепление, и никто не исключал возможность, что ей еще доведется выдержать осаду шведов (не довелось).

В Москве же молодой немец мог видеть следы европейской культуры, причудливо сочетавшейся с традиционно русской. Причем, такая культура не ограничивалась пределами Немецкой слободы. Еще в период регентства Софьи в Москве стали появляться каменные церкви, в архитектуре которых причудливо сочетались элементы классических греческих ордеров и традиционно русское узорочье. Россия уже не боялась заимствовать у Европы, но пока еще полагала, что сможет придерживаться своего особого пути, не потеряв своей национальной идентичности.

Но Петр уже начинал строить новое государство: в первую очередь военное, промышленное и бюрократическое. Он полагал, что только такая страна сможет выжить на европейской арене, где государства играли жестко и с крупными ставками. В конце XVII – начале XVIII века в Европе полным ходом шло перевооружение и переустройство армии, подготовка к войнам нового типа, войнам эпохи огнестрельного оружия. Если бы Россия не включилась «с места в карьер» в эту гонку вооружений, ей на долгие столетия грозила бы судьбы сырьевого придатка. Но Петр I вывел на поля Европы современную и очень боеспособную армию, только что разгромившую шведов, которые считались одними из лучших вояк. И Россия мгновенно стала желанным союзником для любого европейского государства. Но для этого необходимо перестроить не только армию и военную промышленность, но и всю промышленность в целом, а в ней и добычу полезных ископаемых, транспортную систему, науку, образование и многие социальные структуры и механизмы государства. А чтобы совершить этот переворот быстро, Петру требовались иностранные специалисты. И он был готов предоставить им самые льготные условия, лишь бы они ехали в его страну.

Что же мог предложить России юный Генрих Остерман?

* * *

Прежде всего, протестантскую этику, которая вовсе не предполагала беззаветного служения и ожидания награды лишь на том свете. Наоборот, зримый успех и достаток, ощутимое влияние на окружающих людей, были в этой парадигме знаками благоволения божьего. Но давались он только путем честного и тяжелого труда. Только тогда человек мог быть уверен, что получает заслуженную награду от Господа, а не подачу-приманку от дьявола.

Понятно, как оценивать честность портного или сапожника. Он изготавливает заказанное в срок, не экономит на материале, не ворует, не завышает цены и не мухлюет при расчетах. Но с какими критериями подойти к дипломату? Неукоснительное следование законам этики может не лучшим образом сказаться на его работе, и тогда он может подвести своего «клиента», а клиентом является не только правитель и двор, но и все государство. Получается парадокс: для того, чтобы честно исполнять свои обязанности, человек вынужден сплошь и рядом идти на сделки со своей совестью. А сделав это раз или два, легко завести дурную привычку и кривить душой уже не ради великой цели, а ради собственных сиюминутных интересов. А это – прямая дорога в ад.

Характерно, что именно Мартин Лютер впервые стал использовать старинное немецкое слово der Beruf – призыв, призвание, в котором ясно слышится глагол rufen – звать, в значении «профессия». В современном немецком языке оно давно уже утратило богословский оттенок, и фраза «Er ist ein Backer fon Beruf» означает просто: «Он работает пекарем», а вовсе не «Он пекарь по призванию». Но скорее всего оттенок предназначения, божественного одобрения выбранной деятельности ясно слышался немцам в этом слове и не только в XVI веке, когда оно впервые произнесено в новом значении, но и два века спустя. Как же надлежит поступать хорошему христианину, тем более – хорошему лютеранину, если судьба подталкивает его к дипломатической карьере. Как же быть, если оказывается, что твое призвание – лгать и обманывать во имя твоего государства? Вопрос не из простых, и возможно, Остерман не нашел идеального решения. Но не въевшаяся ли с молоком матери протестантская этика причина того, что с удивлением отмечали все его биографы в последующих веках: Остерман, профессиональный лжец и хитрец, опытный и, судя по всему, увлеченный интриган, никогда не брал взяток и, по всей видимости, не было способа склонить его действовать против

интересов России? Подарки от иностранных послов он принимал только открыто, с ведения и одобрения своего императора, и эти подарки ни разу не заставили его изменить заранее принятый курс.

Над загадкой этого характера билось немало умов. Например, современник, испанский посол, герцог де Лириа писал об Остермане: «Он имел все нужные способности, чтобы быть хорошим министром, и удивительную деятельность. Он истинно желал блага русской земле, но был коварен в высочайшей степени, и религии в нем было мало, или, лучше, никакой, был очень скуп, но не любил взяток. В величайшей степени обладал искусством притворяться, с такою ловкостью умел придавать лоск истины самой явной лжи, что мог бы провести хитрейших людей. Словом, это был великий министр».

Дмитрий Александрович Корсаков, историк конца XIX века, пришел к таким выводам: «Вся жизнь Остермана – упорный и постоянный труд, все его нравственные соображения – хитрость, лукавство, коварство и интриги. С Россией он не был связан ничем: ни национальностью, ни историей, тем менее родственными традициями, которых не имел. Всегда сдержанный, методичный и последовательный, Остерман постоянно действовал наверняка. Он точно следовал пословице: „Семь раз смеряй, один отрежь“. На Россию смотрел, как на место реализации своих честолюбивых, но не корыстолюбивых целей. Остерман был „честный немец“ и оставил в истории свой образ дипломатической увертливости и придворной эквилибристики, он не запятнал своего имени казнокрадством и лихоимством; в частной жизни он был в лучшем смысле слова немецкий бюргер: человек аккуратный и точный, он любил домашний очаг, был примерный муж и отличный семьянин. Обладал обширным, но абстрактным умом и, имея глубокие познания в современной ему дипломатии, он считал возможным, согласно понятиям века, все благо государства устроить последствиям дипломатических и придворных конъюнктур».

А. И. Остерман

Другой историк XIX века Владимир Михайлович Строев писал: «В Остермане мы видим крайнего государственника, который на все, даже на страх божий, смотрел с чисто государственной точки зрения. Наряду с этим нельзя не отметить у него чрезвычайную скудность общих идей об вправлении государством. Все современники отмечали в нем чрезвычайную работоспособность, (в том числе не любивший его Миних), сдержанность, хитрость и жестокость. Подобно своему великому учителю, он, конечно, не задумывается принести в жертву своему государственному идеалу любую человеческую личность, когда это понадобится».

А в XXI веке историк и публицист Яков Гордин напишет: «Остерман был человеком глубоко незаурядным… своим

холодным умом он воспринимал страну как некий хитро устроенный автомат, еще не отлаженный, в котором надо заменять время от времени отдельные детали и целые блоки. Имея для этого многообразный набор изощренных инструментов, барон Андрей Иванович, вполне обрусевший, связанный женитьбой со старинными русскими родами, воспринимал Россию, как поле рациональной деятельности… Остерман не был кровожаден. Он был холодно, целенаправленно и целесообразно жесток…».

Вы заметили, как с годами растет понимание такой своеобразной личности, как Остерман? Возможно, дело здесь не только в накоплении знаний, но и в изменении «нравственной парадигмы» историков, расширении границ приемлемого. Гордин ни в ком случае не пытается обелить Остермана, но опыт прошедших двух веков позволяет ему глубже понять и оценить мотивы, которыми он руководствовался. Идея «государства, как машины» или «государства, как Левиафана», упорядочивающего в спасающего от «войны всех против всех», которая является естественным состоянием человека, сформулирована еще в XVII веке английским философом Томасом Гоббом. В XIX веке акцент стали делать на естественных правах, от которых не может отказаться человек, даже во имя процветания государства, иначе это государство тут же станет аморальным. Но XX век научил нас понимать, что жестокость и бесчеловечность XVIII века может померкнуть перед жестокостью и бесчеловечностью решений, принятых во имя охраны естественных прав человека.

Так или иначе, а Остерман не самый худший сын своего времени, и его действия безусловно подчинялись внутренней морали, возможно не стандартной, но четко расставлявшей границы между «можно» и «нельзя».

Но возможен и другой ответ: Остерман так фантастически честолюбив, что ему не доставляли удовольствия никакие материальные доказательства его могущества. Ему достаточно было сознания, что все подчиняются его власти, что он все держит в своих руках. А мздоимство и взяточничество могли, напротив, ослабить и погубить его, как в результате они погубили его «заклятого друга» Меншикова. Возможно, отказываться от взяток его заставляли осторожность и предусмотрительность. Каждый, как водится, может сам решить, какая из версий нравится ему больше.

* * *

Во-вторых, «орудием», если не «оружием» юного Остермана стало неплохое образование и, по всей видимости, уважение к знаниям, к учености. Его отец, пастор, происходил из семьи уже давшей родному городу несколько священников, адвокатов и правоведов и даже одного бургомистра. Может быть, пастор Йоганн Конрад Остерман и был беден, как уверяет первый биограф его сына, – русский историк, князь Петр Владимирович Долгоруков, – но все же не настолько, чтоб не оплатить сыну обучение сначала в городской гимназии, а затем и в Йенском университете. Созданное сравнительно недавно, в середине XVI века, как школа протестантских пасторов, это учебное заведение сохранило тем не менее все традиции средневековых университетов – четыре классических факультета: изящных искусств, теологии, права и медицины. Особенно представительный философский факультет, его профессора были известны во всей Германии. Но Генрих выбрал для себя иную специальность, правоведение, надеясь, по-видимому, стать еще одним из длинной череды уважаемых и респектабельных юристов по фамилии Остерман. Соблюдались в университете также негласные традиции, в частности традиция студенческих дуэлей и пьяных драк в кабаках. Во время одной из таких то ли честных поединков, то ли поножовщин, крепко выпивший Остерман умудрился тем не менее заколоть своего противника, оказавшегося дворянином из хорошей семьи, и теперь победителю пришлось бежать из родной Германии.

Долгоруков пишет, что Остерман с детства был таким, каким его знали позже в России: «С ранних лет нрав холодный и, по-видимому, бесстрастный, ум острый, дальновидный и тонкий». Такая рано развившаяся рассудительность плохо согласуется с дуэльной историей. Вероятно, Генрих вы работал с годами бесстрастный холодный ум, и возможно, дуэль послужила хорошим уроком: как можно из-за минутной запальчивости лишиться всего и похоронить свои планы.

К. И. Крюйс

Но как бы там ни было, а жизнь теперь нужно строить заново, и Остерман бежит от судебного преследования в Нидерланды, в город Амстердам. Там он познакомился с небезызвестным Корнелиусом Крюйсом и тот взял юношу на службу секретарем.

Личность Крюйса в своем роде замечательная. Сын портного, уроженец Норвегии, нанялся на голландский корабль в 14 лет, после смерти отца, в 25 лет стал капитаном торгового судна «Африка». Не брезговал он и каперством – захватом торговых кораблей неприятеля (в данном случае французских) по «лицензии» одной из воюющих сторон (в данном случае – Нидерландов). Позже сидел во французской тюрьме, служил в амстердамском адмиралтействе, едва не уволили за растраты, но тут как раз молодой русский царь нанял Крюйса для строительства своего военно-морского флота.

Это было в 1697 году, во времена Великого посольства. Крюйс съездил в Россию, работал на верфях в Воронеже и в Архангельске, и в 1702 году вернулся в Нидерланды, для вербовки морских офицеров и матросов. Тогда он и нанял Генриха Остермана. Почему вдруг морскому капитану понадобился секретарь? Дело в том, что Крюйс по приказу Петра привез с собой 150 юнцов, почти подростков, которых должен был

распределить на голландские корабли в качестве юнг и матросов. Но Крюйс задержался в пути и приехал в Голландию уже поздно осенью, когда большинство кораблей укомплектованы и готовились выйти в море либо уже ушли. К тому же многие из русских были слишком юны и не говорили ни на голландском, ни на каком другом иностранном языке, и капитаны просто отказывались брать их в команду. Крюйсу пришлось проявлять чудеса изобретательности, пристраивая русских – кого на китобойные суда, кого в учение к кузнецам, портным, плотникам, слесарям и другим ремесленникам. Самых способных он отдал в немецкие школы, и вообще заботился о юнцах, как о родных детях. Вся эта работа требовала заполнения большого количества бумаг, кроме того Крюйс ни на минуту не забывал о вербовке солдат и офицеров, так что расторопный и грамотный секретарь был ему необходим как воздух. И по-видимому, Крюйс остался доволен работой Остермана, потому что в 1704 году, когда пришло время возвращаться в Россию, пригласил его с собой. Остерман оказался в хорошей компании. Вместе с ним и Крюйсом в Россию приехали будущий великий полярный исследователь Витус Беринг, будущий адмирал Питер Бредаль, а еще художники, скульпторы и архитекторы, которым предстояло возводить и украшать новую столицу. Всего 450 человек и еще 177 человек прибыли годом позже.

Возможно, Остерман начал учить русский язык еще в Германии, улаживая многочисленные проблемы подопечных Крюйса. Возможно, он принялся за его изучение только в России. Бесспорно одно: через несколько лет он знал этот язык в совершенстве, что позволяло ему завоевывать друзей и не давало его врагам сговариваться за его спиной. Кроме родного немецкого и обязательной для будущего правоведа латыни, он также знал французский и итальянский языки, и был ценным приобретением, если не для русской армии, – а Остерман, кажется, никогда не желал сделать военную карьеру, то для русского двора.

2

Генрих был не первым Остерманом, отправившимся в Россию: несколькими годами раньше туда уехал его родной брат и теперь он служил учителем у дочерей Прасковьи Федоровны, вдовы старшего единокровного брата Петра, царя Иоанна. Возможно этим постом он также обязан Крюйсу и возможно именно он познакомил младшего брата с адмиралом.

По легенде именно Прасковья Федоровна стала называть Генриха Андреем Ивановичем. Но историки утверждают, что он принял это имя только перед женитьбой, т. е. в 1720 году. Как бы там ни было, но Остерман-младший вместе с Крюйсом вернулся в Россию, где вскоре на грамотного, расторопного и сметливого юношу обратил внимание Петр.

Теперь Остерман больше не работает на Крюйса. С 1708 года он служит в Посольском приказе «толмачем», получая 200 рублей в месяц – сумму вполне достаточную для безбедной жизни в Москве.

Через два года он отправляется в Польшу, Пруссию и Данию, чтобы известить их правителей о том, что русская армия взяла Ригу и побудить их принимать более активное участие в Северной войне.

В 1718 году вместе с русскими дипломатами и Борисом Петровичем Шереметевым и Петром Петровичем Шафировым, (главой посольской канцелярии и непосредственным начальником) он участвовал в подписании Прутского мира, спасшего русскую армию от полного уничтожения, но отнявшего у России только что захваченные порты на Азовском море. Сам Шафиров вместе с молодым графом Михаилом Шереметевым, старшим сыном Бориса Петровича, остался у турок в заложниках. Михаилу не суждено вернуться в Москву. Он проведет в заточении три года, сойдет с ума и умрет в Киеве, по дороге на родину.

Остерман же в феврале 1713 года отправился в Берлин к только что вступившему на престол прусскому королю Фридриху Вильгельму I. Он вез ему в подарок нескольких «великанов» – рослых русских солдат для отборной гвардии короля. Задача его была то же, что и в прошлый приезд: «перебить» предложения шведов и удержать Пруссию в союзе с Россией. Те же цели преследовал и сам Петр, встретившийся в том же феврале 1713 года с Фридрихом Вильгельмом в Ганновере. Тогда он писал Меншикову: «Здесь нового короля нашел я зело приятна к себе, но ни в какое действо оного склонить не мог, как я мог разуметь,

для двух причин: первое, что денег нет, другое, что много псов духа шведского, а король сам политических дел не искусен, а тогда дает в совет министрам, то всякими видами помогают шведам, к тому же не осмотрелся. То видев, я, утвердя дружбу, оставил». И в самом деле, Фридрих Вильгельм одновременно вел переговоры со Швецией, не забывая об интересах Пруссии. В этой сложной обстановке начинающему дипломату Остерману также удалось «утвердить дружбу» и уже в феврале следующего, 1714 года в Россию прибыл прусский посланник В.А. Шлиппенбах и подтвердил, что Пруссия признает права России на Карелию и Ингерманландию, а 1 (12) июня 1714 года между Пруссией и Россией был заключен оборонительный союз.

Ознакомившись с результатами переговоров Остермана в Берлине, Петр приказывает руководителю российской дипломатической службы графу Головкину заключить с Остерманом долгосрочный договор. Документ гласил:

«Понеже секретарь Остерман обязался до окончания Шведской войны в его Царского величества службе пробыть, того ради я ему сим именем Его Царского Величества обещаю:

1) что ежели по окончании помянутой войны он с состоянии не будет службу свою продолжать, тогда оного или где инде в службы Его Царского Величества употребить, или вовсе уволить и с милостивейшим абшитом[10] отпустит;

2) такоже в бытность его в службе Его Царского Величества везде свободную и пристойную квартиру или на то деньги дать, чтобы оную сам искать себе мог;

3) и понеже он, что до сего жалования надлежит, как прежде сего, так и ныне, себя единой милости Его Царского Величества предает, того ради я ему обещаю, что он в бытность его в России, всегда таким жалованием снабжен будет, которым он честно пропитаться может;

4) и обнадеживаю я его впрочем о Его Царского Величества милости и защищении во всяком случае.

В Ганновере февраль 20 дня 1713 года граф Гаврило Головкин».

В 1715 году Остерман получил звание Канцелярии Советника и отправился в Голландию, выполняя тайные поручения уже знакомого нам князя А.В. Куракина, руководившего внешней политикой России.

А в 1718 году уже самостоятельно вел переговоры со Швецией на Аланском конгрессе.

* * *

Со времен полного разгрома шведской армии под Полтавой прошло уже почти десять лет. Карл XII укрылся в Турции, но вскоре султан, приютивший беглеца, попытался продать его голову России и Польше. Карлу снова пришлось бежать и очень быстро – всего через две недели он уже в Померании, а потом вернулся в Швецию и теперь пытался хотя бы отчасти вернуть утраченное положение своей страны на европейской арене.

Со стороны России на Аланские острова прибыли уже знакомый нам Яков Виллимович Брюс, Павел Иванович Ягужинский и наш герой, со стороны Швеции – Георг Генрих фон Герц, барон фон Шлитц и Карл Юлленборг.

Карл XII

Переговоры начались 12 мая и тянулись до конца года. Судьба Карелии и Ингерманландии по сути была уже решена,

теперь обеим странам важно оставить за собой Эстляндию, Лифляндию и южное побережье Финляндии с Гельсингфорсом. По этому поводу Отсерман писал Петру: «Мы удивляемся, как он, Герц, и мыслить может, что ваше величество такой мир учинит, когда вы чрез XVIII лет счастьем и славою войну вели и оную с Божьей помощью и далее с меньшею силою вести можете, понеже, великая честь тех провинций всегда к российской стороне принадлежала и вашего величества наследные земли суть. И для того ваше величество причины имели назад возвратить искать: но ежели ныне вашему величеству теми одними провинциями удовольствоваться, то какое вам из сей долгой войны за такие великие иждивения награждение было и Санкт-Петербург вашему величеству никакой или весьма малой пользы будет, ежели Ревель и все другие провинции за вами останутся; но когда Ревель и Гельсингфорс в шведском владении останутся, то и весь фарватер от Санкт-Петербурга у них же в руках будет, и таким образом вам весьма полезнее в войне остаться, нежели такой неприемлемый мир учинить».

Кроме того, Карл стремился снова «протащить» на Польский престол Станислава Лещинского. Через своих послов король даже предлагал Петру вместе выступить против Дании. Но Петр, хоть был и не в восторге от датского короля, это предложение отверг. Курьеры так и сновали между Петербургом и Стокгольмом, возвращались в столицы и послы, для переговоров со своими правителями, но компромисс так и не нашли. В конце концов Остерман предложил Петру: «Король шведский, – человек, по-видимому, в несовершенном разуме; ему – лишь бы с кем-нибудь драться. Швеция вся разорена, и народ хочет мира. Королю придется с войском куда-нибудь выступить, чтоб за чужой счет его кормить; он собирается в Норвегию. Ничто так не принудит Швецию к миру, как разорение, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведский, судя по его отваге, должен быть скоро убит; детей у него нет, престол сделается спорным между партиями двух германских принцев: гессен-кассельского и голштинского; чья бы сторона ни одержала верх, она будет искать мира с вашим величеством, потому что ни та, ни другая не захочет ради Лифляндии или Эстляндии потерять своих немецких владений».

Остерман как в воду глядел: 30 ноября (11 декабря) 1718 года Карла убили во время похода в Норвегию, бывшую тогда под протекторатом Дании. Он погиб от шальной пули при осаде крепости Фредрикстен, а возможно стал жертвой заговора шведской аристократии, недовольной продолжением войны. После его гибели министры новой королевы Ульрики-Элеоноры

пытались возобновить переговоры, но они оказались не готовы идти на уступки. Остерман в Стокгольме был на личной аудиенции королевы и после этого заявил шведским министрам, что «они будут тужить о том, что нынешние добрые диспозиции[11] его царского величества к миру пропустили и на предложенных от него резонабельных[12] кондициях[13] миру не учинили». В итоге «побряцав оружием» стороны разошлись, так и не достигнув соглашения.

* * *

И снова пророчество Остермана сбылось.

Петр твердо решил, дождаться, когда его старые враги станут сговорчивее. 20 сентября 1719 года царь писал князю Куракину: «Ныне на Аланд к нашим министрам прислали агличане посол, который в Швеции, и Норрис ко мне письма по обычаю их варварской гордости с угрозами, с которых наши министры просили копии, и когда получили и видя такую мерзость, не приняли… Того ради накрепко можешь обнадежить, что мы ни на какие их угрозы не посмотрим и неполезного миру не учиним, но, что бы ни было, будем продолжать войну, возлагая надежду на правосудца бога против таких проклятых обманщиков».

Менее, чем через год русский шхерный флот высадился в Вестерботнии у города Умеа и сжег его. 17 мая 1721 года еще один десант сжег соседний с Умеа город Гефле.

И наконец 27 июля (7 августа) 1720 года в Балтийском море около острова Гренгам (южная группа Аландских островов) вновь сошлись два флота – русский и шведский. Это было последнее крупное сражение Северной войны.

Русский флот под командованием Михаила Михайловича Голицына в составе 61 галеры и 29 лодок столкнулся со шведской эскадрой, в которую входили 52-пушечный линейный корабль, 4 фрегата и 9 малых судов. Обладая большей маневренностью и меньшей осадкой, галеры отступили на мелководье, заманили туда же шведские корабли и взяли на абордаж все четыре фрегата, после чего оставшаяся часть эскадры бежала с поля боя. Эта победа поставила выразительную точку в истории безраздельного шведского влияния на Балтийском море.

Теперь у шведов не оставалось выбора, и в мае 1721 года в финском городе Ништадте (современный Уусикаупунки) возобновить переговоры.

Со стороны России в них участвовали Яков Брюс и Остерман, со стороны Швеции – Юхан Лилльенстедт и Отто Стремфельд.

Хотя исход переговоров стал ясен с самого начала, каждая страна стремилась заключить договор на самых выгодных для себя условиях и выкладывала на стол все явные и скрытые козыри, которые у нее были. Со стороны России таким козырем являлось, разумеется, «право победителя», со стороны Швеции – негласная поддержка Англии, Нидерландов и Дании, стремившихся не допустить новых игроков на Балтийскую арену. Воевать со всей Европой Петр был не готов, поэтому обеим сторонам пришлось идти на уступки, чтобы договор стал в самом деле «договором о мире», а не началом новой войны. Обе страны воевали уже более 20 лет и изрядно истощили свои ресурсы. В большей мере это касалось, разумеется, Швеции, где царил настоящий голод, так как все работоспособные мужчины были мобилизованы, но и Россия не могла бесконечно продолжать войну.

Наверное удобнее всего будет изложить ход переговоров в виде таблицы: она покажет, какие вопросы были принципиальны для каждой из сторон, где им пришлось пойти на уступки и каким путем был достигнут компромисс.

Что происходило в Ништадте с мая по август 1712 года, отражено в таблице.

Дата	Россия	Швеция
11 мая 1721 г.	**Требует**: вечное владение Ингрией с городом Выборгом и Эстляндией с Ревелем, Карелии, расположенной к северу от Ладожского озера. **Предлагает**: выкуп за Лифляндию и остров Эзель в размере 2 000 000 руб.	**Требует**: оставить Швеции Выборг. **Предлагает**: передача России Ингерманландии, части Карелии и Эстляндии. Уступить Лифляндию за компенсацию.
Июнь 1721 г.	**Требует**: герцог Голштинский, сын старшей сестры Карла XIII и будущий зять Петра, имеет больше прав на Шведский престол, чем младшая сестра Карла Ульрика-Элеонора. **Предлагает**: выкуп за Лифляндию и остров Эзель в размере 2 000 000 руб.	**Требует**: русский царь не будет поддерживать герцога Голштинского в его претензиях на шведский престол. Швеция должна иметь право закупать зерно в провинциях, попавших под власть России. Оставить за Швецией остров Эзель, снабжающий шведов хлебом. Сохранение прав шведов, владеющих поместьями на территории Ингерманландии и Лифляндии и Эстляндии. **Предлагает**: Ингерманландию с городами по течению Нарва, Выборг, часть Лифляндии с Ригой, Денамюнде и Дерптом, за компенсацию 3 000 000 руб.

Дата	Россия	Швеция
Июль 1721 г.	**Требует**: шведы дают обязательство, что«ни в которое время, вечно и ни под каким претекстом [предлогом. — *Е. П.*]» на отошедшей России территории «вступаться и назад требовать не будут, но наипаче обязуются и обещают, что царское величество и его секцессором [наследников. — *Е. П.*] российского престола при спокойных оных владении содержать будут». **Предлагают**: Россияне поддерживают притязания герцога Голштинского на шведский трон.	**Требуют**: компенсация за все территории, отходящие России. Сохранение эстляндскими и лифляндскими дворянами привилегий, данных им Урсулой-Элеонорой в 1619 г.: дворянство сохранило свое самоуправление, сословные органы. Компенсация владельцам имения на всех землях, отходящих к России. **Предлагают**: выбор.
Август 1721 г.	**Требуют**: отмена привилегий, данных Ульрикой-Элеонорой лифляндским и эстляндским баронам. **Предлагают**: компенсация только владельцам имений в Лифляндии и Эстляндии.	**Требуют**: право ежегодно беспошлинно закупать и вывозить из России хлеба на 50 000 руб. Все привилегии, предоставленные остзейскому дворянству шведским правительством. **Предлагают**: согласны снизить компенсацию за Лифляндию и остров Эзель до 1 500 000 руб.

Дата	Россия	Швеция
21 августа 1721 г. предписание Ништадт-ского мирного договора	Швеция уступает России «в совершенное, непрекословное, вечное владение и собственность в сей войне, через его царского величества оружие от короны Свейской завоеванных провинций: Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан, с городами и крепостями: Ригой, Днаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами Эзель, даго и Меном и всеми другими от курляндской границы по лифляндским, эстляндским и ингерманландским берегам и на стороне Оста от Ревеля в фарватере к Выборгу на стороне Зюйда и Оста лежащими островами, со всеми так на сих островах, как в вышеупомянутых провинциях, городах и местах обретающимися жителями и поселениями и генерально со всеми принадлежностями, и что ко оным зависит высочествами, правами и прибытками во всем ничего в том не исключая, и как оными корона свейская владела, пользовалась и употребляла».	Россия выплачивает Швеции 1 500 000 руб. Швеция сохраняет за собой право беспрепятвенной закупки хлеба Риге, в Ревеле и Аренсбурге на сумму 50 000 руб. ежегодно. Швеции возвращается Финляндия. Исповедание веры на данных территориях свободно.

Уинстон Черчилль скажет двумя веками позже: «Лучшим доказательством справедливости соглашения является то, что в полной мере оно не устраивает ни одну из сторон». Эти слова в полной мере можно отнести и к Ништадскому миру.

3

Северная война заняла большую часть жизни Петра. Он начал ее 28-летним молодым, полным сил человеком, а закончил, когда ему исполнилось 49, за четыре года до смерти. После заключения мира Сенат обратился к Петру с просьбой принять титул Отца Отечества и Императора. Это стало знаком уважения и благодарности Петру за проделанную им великую работу, но не только. Это также был политический акт. Со «званием» императора Петр, к примеру, получил право награждать дворянство титулами, которого не было у русского царя. Кстати, одним из первых награжденных стал сам Остерман, получивший из рук нового императора баронский титул. Но самое главное – Россия торжественно объявляла себя преемницей Византийской империи, православным центром всего мира.

Еще когда полным ходом шли переговоры со Швецией, Петр решил покрепче привязать к России дипломата, потенциал которого он уже оценил. Он нашел ему невесту: Марфу Ивановну Стрешневу, внучку Родиона Стрешнева, «дядьки» Петра I, которая к тому же по женской линии приходилась дальней родней Романовым. Помолвка Марфы и графа Остермана состоялась 18-го декабря 1720 года, во дворце Петра, а свадьба 21-го января 1721 года.

Зная характер Остермана, зная то, что этот брак еще один проект Петра, что шафер и жених преследовали очень конкретные, прагматичные цели, и, наконец, глядя на портрет 40-летней Марфы Ивановны – статной, полногрудой, но далеко не красавицы, мы можем предположить, что в семейной жизни Андрей Иванович был сухарем и «хорошим дипломатом» – не более того. Что жена если и ладила с ним – то по обязанности, слишком различался их образ жизни, слишком далеко друг от друга были культуры, в которых они выросли, и слишком мало было в Остермане качеств, которые могли бы покорить девичье сердце. Поэтому мы можем поверить в строки Пушкина:

Привычка свыше нам дана,
Замена счастию она.

М.И. Стрешнева

Но, рассуждая таким образом, мы очень сильно ошибемся.

«Батюшка мой дорогой, любимый мой друг Андрей Иванович! – пишет мужу Марфа Ивановна, – я в мыслех моих цалую ручки и ножки и дорогую любимую шейку твою и прошу Бога, чтоб дал мне тебя видеть поскорее и в добром здоровьи, а тебя прошу пожалуй мой любимой друг по всякой возможности стараться, чтоб ты был здоров и чтоб не было так, как в Риге и в Ревеле, уже меня наше разлученье и твое слабое здоровье настращало, но куль не увижу тебя, моя радость, то мне кажется, что ты все нездоров, я чаю, что мой друг сегодни или вчера приехал в Москву, я прошу тебя, свет мой, пожалуй отпиши ко мне все-ли ты, мой друг, в дороге был здоров и получил-ли ты мои прежния письма два которыя я тебе писала». Сладкие слова могут быть данью приличиям и моде, но беспокойство о здоровье неподдельное.

Из письма следует, что Остерман хорошо знал русский обычай, которому неукоснительно следовали Петр и Меншиков, находясь в путешествии, посылать своим любезным маленькие подарочки – местные «специалитеты». Марфа Ивановна благодарит супруга за «посланные для меня гостинцы новогородские, а особливо благодарствую, мой любезный друг, что ты меня бедную любишь и помнишь».

Она сообщает ему о здоровье родных и предупреждает: «Ты, мой батюшка, пожалуй не печалься, ты как здравии своем не крепок и по мне мой любимый друг не печалься, я слава Богу и сын наш здоровы». И о своих заботах по хозяйству: «Пива варить сегодня начали; отпиши, мой батюшка, сколько вар варить, мне кажется, что 5 вар варить надо англинскаго полпива, велю 2 четверти сварить». Просит передать поклон своей матери и завершает письмо так: «Любимой мой друг дорогой батюшка Андрей Иванович, живи весело и будь здоров и меня, бедную, люби всегда и я тебя до смерти буду любить верная твоя Марфутченка Остерманова».

Кажется Остерман и его супруга действительно «сошлись характерами» – оба бережливы, и даже скуповаты, оба – не любители шумных развлечений, но зато – любили хорошо поесть без навязчивой роскоши, но вкусно, обильно и добротно. Оба писали друг другу письма, полные нежности и заботы.

Из Москвы они переезжают в Петербург, где для Остермана уже возводится дом на набережной Невы. Их дети – члены большой семьи Петра. Крестными старшего сына, названного Петром, являются: государыня Екатерина Алексеевна, великие княжны Анна и Елизавета и светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Восприемницей второго сына Федора – царевна Анна Петровна. В 1724 году в семье родилась дочь, а в 1725 году – сын Иван.

Как мы видим, семейное счастье получилось очень бюргерским, или, может быть, старосветское. Но так ли важно, немецкий привкус был у этого счастья, или старо-московский? Главное, что и Остерман и его жена готовы это счастье беречь и хранить.

* * *

Меж тем Петру оставалось жить совсем немного. Меншиков, положение которого пошатнулось, спешно сколачивал при Дворе «свою партию». Начинается «Почепское дело» и расследование ведет не кто иной, как вернувшийся из турецкого плена Шафиров.

И тут Остерман неожиданно начинает поддерживать Александра Даниловича в его борьбе против Шафирова. Отчего вдруг Остерман закладывает такой «вираж»? Историки теряются в догадках. Если бы он поступил наоборот – поддержал Шафирова в борьбе против Меншикова, этот поступок был бы вполне понятен. Верность старым друзьям и покровителям всегда в почете. Подкупить Остермана, как мы знаем, невозможно. Или, может быть, он был из тех, кому просто никто не платил достаточно, а Меншиков заплатил? Но тогда где следы этой суммы, которая должна быть не маленькой? Или у Остермана накопились претензии к Шафирову, а дело Меншикова оказалось просто поводом? Или «приманкой» стала должность вице-канцлера, которую занимал Шафиров, и которая в итоге досталась Остерману, возможно, не без протекции Меншикова?

Так или иначе, а именно Шафиров попал под суд, лишился чинов, титула и имения и приговорен к смертной казни. Петр I заменил ее ссылкой, по легенде помилование осужденному прочитали прямо на эшафоте, после того, как палач занес топор над его головой. (Другая легенда гласит, что в точно такой же ситуации окажется Остерман в 1740 году, его тоже приведут на эшафот, он положит голову на плаху, топор будет занесен над ним, и только тогда он услышит, что казнь заменяется ссылкой.) Шафирова отправили в Сибирь, но позже Петр позволил ему остаться в Нижнем Новгороде. Правда, в ссылке ему суждено будет провести совсем немного времени: уже через три года его помилуют, он вновь вернет себе баронский титул, получит чин действительного статского советника, станет президентом коммерц-коллегии, которая и поручила составление истории Петра Великого. Потом уедет послом в Персию, будет там действовать с большим успехом, вернется и снова будет трудиться на дипломатической службе бок о бок с Остерманом до самой своей кончины в 1739 году. Петру Павловичу предстоит увидеть еще много перемен на российском престоле и вокруг него.

4

Нам уже известно, что когда Петр умер, Меншиков возвел на трон Екатерину, а потом попытался «взять под крыло» и Петра II, но у него ничего не вышло. Известно также то, какую роль сыграл в падении Меншикова Остерман, который стал воспитателем юного царя. Потом лихорадка унесла и Петра II, и прямая мужская линия наследования, начавшаяся с Михаила Федоровича Романова, прервалась.

После удаления Меншикова из столицы Остерман стал едва ли не самой важной фигурой в Верховном тайном совете. К его советам прислушивались, его расположения искали, его решения определяли политику России. Английский резидент Клавдий Рондо писал осенью 1728 года: «Всеми делами занимается исключительно Остерман, и он сделал себя настолько необходимым, что без него русский двор не может сделать ни шагу. Когда ему неугодно явиться на заседание Совета, он сказывался больным, а раз барона Остермана нет – оба Долгоруких, адмирал Апраксин, граф Головкин и князь Голицын в затруднении; они посидят немного, выпьют по стаканчику и принуждены разойтись; затем ухаживают за бароном, чтобы разогнать дурное расположение его духа, и он таким образом заставляет их согласиться с собой во всем, что пожелает».

Здоровье Остермана действительно позволяло желать лучшего, не случайно Марфа Ивановна беспокоилась о нем, и почти в каждом письме с тревогой спрашивала о его самочувствии. Как опытный дипломат, Андрей Иванович научился использовать даже свои недуги: если он чувствовал, что от него ждут решения, принимать которое было не в его интересах, он объявлял себя больным и запирался дома.

Конечно, не все его проекты удавались. Так, он предполагал, что будет небесполезно обвенчать Елизавету Петровну с ее племянником, но из этой затеи ничего не вышло: слишком заманчива роль «государевой невесты», слишком много было на нее претенденток.

Но со смертью Петра перед верховниками встала новая проблема: очевидного и бесспорного наследника мужского пола не было, на трон нужно продвинуть одну из женщин: или Елизавету, или кого-то из дочерей старшего брата покойного Иоанна. Анна Петровна умерла в 1728 году в Киле, но там рос ее сын, правда еще совсем младенец, а это открывало большой простор для интриг.

Хакобо Франсиско Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-

Херик, английский аристократ, служивший Испании и бывший послом в России, писал: «Едва только члены Тайнаго Совета увидели, что Царь Петр должен непременно умереть, они собрались с главными вельможами во дворец и начали говорить о наследстве престола. Тут было четыре партии.

Первая партия Долгоруких, думавшая возвести на трон обрученную Царскую невесту и составившая на сей предмет завещание, которое хотели заставить умирающего Монарха подписать. Было уже поздно, ибо он лишился тогда чувств. Видя, что противники были теперь сильнее, Долгоругие отказались от своего намерения.

Вторая партия была Царицы Евдокии, бабушки Царя, которой сообщники ея предлагали корону, но она отказалась, говоря, что старость и болезни ея к тому не допускают.

Третья была Принцессы Елисаветы, дочери Петра Великаго, а четвертая состояла из приверженцов сына Герцога Голштейнскаго, мать котораго была старшая сестра Принцессы Елисаветы. Но обе сии партии были так слабы, что не могли ничего сделать.

Некоторые из членов семейства Голицыных, бывшаго в упадке во все время правления Долгоруких, подняли тогда голос и решились привести в исполнение странную мысль, установив в России ограниченное правление, подобное Английскому. Князь Димитрий Голицын, член Совета, человек весьма умный, первый заговорил о том и был поддержан фельдмаршалом, своим братом, Долгорукими, которые к ним присоединились, и большею частью собрания, не смевшаго им противоречить. Решились избрать на царство Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, дочь Царя Иоанна, старшаго брата Петра Великаго, с тем, что она подпишет условия, составленныя Советом. После сего решения ожидали кончины юнаго Царя, которая последовала, как я уже говорил, 30-го, в час по полуночи, а в 5-ть часов, члены Совета собрались снова во Дворец, а равно Сенат, члены разных мест, генералы и полковники, находившиеся в Москве.

Когда все были в сборе, князь Димитрий Голицын начал говорить, ибо Великий Канцлер страдал жестокою простудою; он сказал, что если Богу угодно было лишить их Царя Петра II-го, то необходимо избрать достойнаго ему преемника, Монарха Великой Российской империи. Поелику вдовствующая Герцогиня Курляндская одарена великими добродетелями, то они не могут сделать лучшаго выбора. Все отвечали общим кликом: „Да здравствует!“ и приказ был передан генералам, об объявлении о том войску. Немедля назначили трех депутатов для посылки в Митаву, объявления новой Царице ея избрания и сопровождения

ея в Москву».

По сути этот выбор единственно возможный, Анна царская дочь и «честная вдова», она не привела бы на трон иностранного принца или короля. С другой стороны, своим воцарением она была бы обязана верховникам, и они считали, что это дает им возможность расширить свои права. Мы уже знаем, что они ошиблись. Прибыв в Москву Анна, опираясь на поддержку московских бояр, не вошедших в Верховный совет, и гвардии, разорвала подписанные в Митаве «Кондиции» (условия) и объявила себя самодержицей. Она не стала омрачать свое венчание на царство казнями, но всех верховников под тем или иным предлогом в ближайшем будущем вывели из игры: казнили, оправили в крепость или в ссылку, всех, кроме Остермана.

* * *

Как же удалось Андрею Ивановичу избежать опалы? Он присутствовал на совете верховников и его даже уговорили помочь составить «Кондиции», «яко зднающий лучше штиль». Остерман отказывался, говоря, что иностранец «в таком важном деле выступить на может». В конце концов его видимо заставили составить документ, но свою подпись под ним Остерман не поставил, потому что, согласно воспоминаниям английского резидента Финча, «внезапно почувствовал такой сильный припадок подагры в правой руке, что оказался не в состоянии держать перо в руках».

В то время, когда верховники «тягались» с Анной, он оставался у себя дома. Новой императрице пока не было до него дела. Но, вероятно, Остерман не сомневался, что его час придет: если не самой Анне, то тем, кого она приведет к власти, понадобится его опыт дипломата и управленца, отлично знающего как пружины международной политики, так и рычаги российского государственного механизма.

Анна Иоанновна

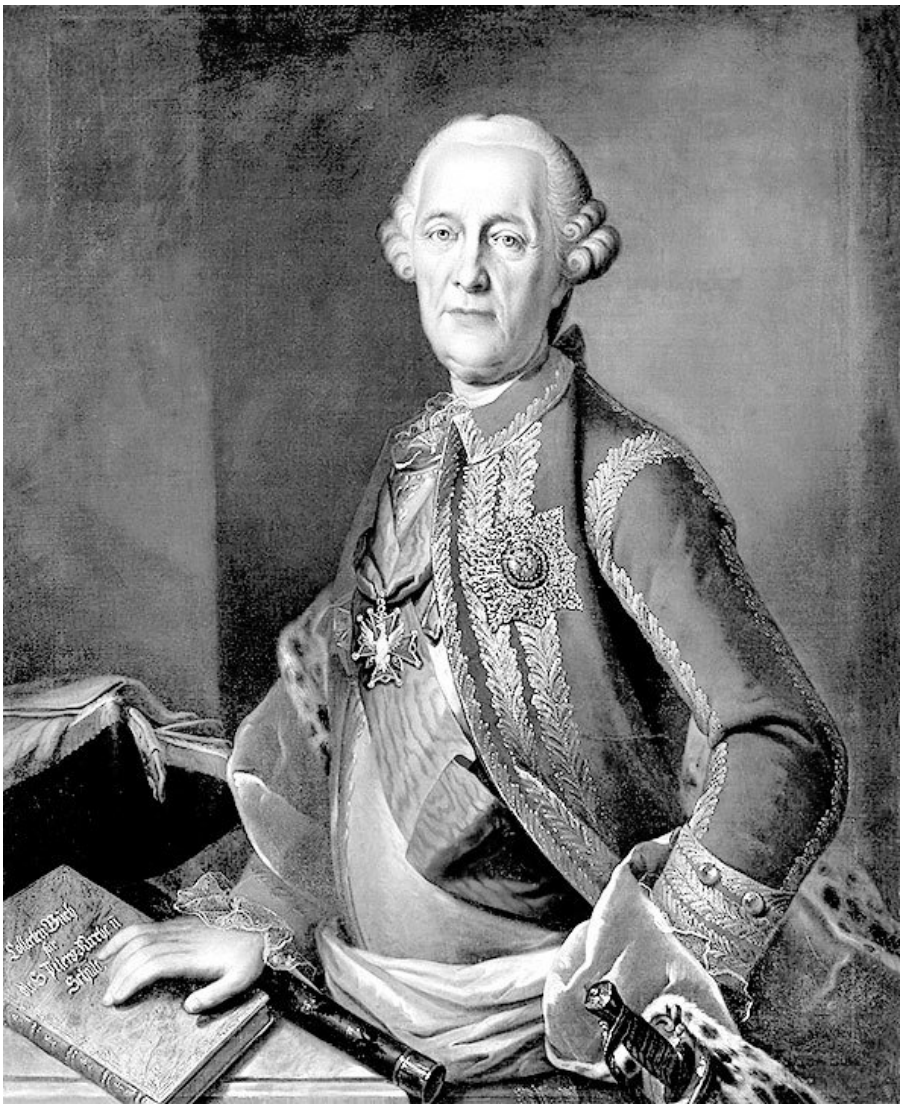
Э.И. Бирон

Из Митавы Анна привезла своего любимца, бывшего секретаря, Эрнеста Иоганна Бирона. Бирон и его жена много лет составляли самый ближний круг людей, с которыми общалась Анна, сначала в Курляндии, а потом в России. Влияние Бирона на императрицу было огромно, но он не умел, да и кажется, не хотел править, а лишь помогал продвигать идеи тем, кто высказывал ему почтение и умел быть благодарным. Своих политических амбиций у него не было, и он был далек от мысли влиять на политический курс России, как во внутренних, так и в международных делах. Кроме того Бирон, хоть и начал учить русский язык, но еще не мог сносно изъясняться на нем.

Еще один «петровский немец», перешедший на службу Анне – Иоганн Бурхард Миних, прославился как полководец и военный инженер, но не обладал способностями дипломата и государственного деятеля. Миних всегда недолюбливал Остермана, видимо отчасти потому, что они были слишком разными: Миних был жизнелюбом, храбрецом, отчаянным рубакой, не щадившим, однако, не только своей жизни, но и жизни своих солдат, Остерман – осторожным аккуратистом.

Одним словом, никто не мог заменить Андрея Ивановича в

правительстве Анны, никто не мог выполнять его обязанности. Вместо разогнанного Верховного совета Анна учредила кабинет министров, обязанности и права которого определял не кто иной, как Остерман.

И. Б. Миних

Так, правление Анны Иоанновны стало звездным часом Андрей Ивановича. Историк и писатель Евгений Петрович Карнович даже предложил заменить термин «бироновщина» на «остермановщина», поскольку именно Остерман являлся главным государственным деятелем Аннинской России. Императрица оценила заслуги Остермана: он возведен в графское достоинство

и получил богатые поместья в Лифляндии, прежде принадлежавшие князю Меншикову.

Разумеется, Бирон и Миних не могли не заметить все усиливающееся влияние на императрицу. Если в начале, по словам Клавдия Рондо, эти трое «действовали совсем заодно, и одни вправляли русскими делами», то потом Миних попытался потеснить Остермана. Рондо рассказывает, что когда в 1732 году Миниха возвели в фельдмаршалы, он: «…стал обращаться со всем генералитетом надменно. Он заключил несколько трактатов, крайне невыгодных для ее величества, так что исправлять ошибку призвали Остермана, который обвинил Миниха во вмешательстве в дела, о которых он не имел понятия, что еще более обострило его вину. Они теперь принимают меры погубить друг друга». Разумеется, из этой схватки Остерман вышел победителем, тем более что Бирон тоже не был заинтересован в присутствии Миниха в столице: неунывающий фельдмаршал открыто добивался расположения Анны Иоанновны. В 1734 году по предложению герцога Бирона Миниха направили осаждать Данциг (ныне – Гданьск), где в это время засел уже знакомый польский король Станислав Лещинского. После кровопролитных боев Данциг был взят, но Двор оказался недоволен долгой осадой и, главное, тем, что Лещинскому удалось бежать из города. На польский трон вновь посажен ставленник России и Австрии саксонский курфюрст Август. После чего Миних понял, что в столице ему делать нечего и попросил у императрицы отправить его на начавшуюся войну с Турцией, для того чтобы вернуть России Азов и Очаков.

* * *

Анна Иоанновна правила десять лет. Второй раз замуж она не вышла, детей у нее не было, поэтому вопрос престолонаследия вновь стоял на повестке дня. Елизавета в качестве возможной наследницы даже не рассматривалась, голштинского принца тоже никто не хотел видеть на престоле. Оставалась племянница Анны Леопольдовны, Елизавета Екатерина Кристина, которая маленькой девочкой приехала в Россию из Мекленбурга. Но передать ей престол означало бы передать престол и ее мужу, кем бы он ни был. Такое решение не могло не вызвать протестов. И вот войска приводят к присяге… несуществующему еще сыну Елизаветы Екатерины, крещенной в православие и получившей при крещении имя Анны в честь тетки. Теперь осталось только родить этого ребенка. Но кто станет его отцом?

Бирон, в приступе обычно не свойственной ему наглости, предложил в женихи Анне своего сына. Но императрица, разумеется, выбрала одного из европейских принцев: Антона Ульриха, герцога Брауншвейг-Люнебургского, второго сына герцога Фердинанда Альбрехта Брауншвейг-Вольфенбюттельского.

Жених сразу не понравился невесте, и, что было важнее, не понравился гвардии – став командиром одного их полков, он попытался навести там дисциплину, а это всегда вызывало недовольство. Но так или иначе, а выбора не осталось ни у тетки, ни у племянницы, ни у Антона Ульриха, престолу был нужен наследник и состоялась пышная свадьба.

Здесь императорской семье повезло: Анна Леопольдовна скоро забеременела и родила сына, так что ее тетка успела полюбоваться на племянника и наследника перед смертью. Но вот Анна Иоанновна скончалась 17 [28] октября 1740 года.

Первоначально регентом при малолетнем Иоанне VI назначили Бирона. Но Антон Ульрих и Анна Леопольдовна с помощью вернувшегося в столицу Миниха быстро отделались от бывшего фаворита. Был отдан приказ о его аресте, бравый вояка просто завернул опешившего Бирона в ковер и вынес его из дворца. Бирона судили и отправили в ссылку. Но и новым регентам не суждено править долго. Вскоре они поссорились с Минихом (здесь не обошлось без влияния Остермана), а «дщерь Петрова» решила, что и для нее наступило время выйти на политическую сцену. Гвардия под предводительством Елизаветы Петровны свергла их с престола и отправила вместе в младенцем-императором в Холмогоры.

Как отразились все эти события на судьбе нашего героя?

Возможно, будь он здоров, он смог бы что-нибудь предпринять. Но его, как и Меншикова, в самый критический момент свалил недуг, на этот раз не вымышленный, а настоящий, бич аристократии XVIII века – подагра. А впрочем, заговор Елизаветы зрел много месяцев до этого, и, Остерман то ли ничего об этом не подозревал, то ли не мог убедить Анну Леопольдовну отнестись к этому серьезно. Многие политики того времени недооценивали хорошенькую хохотушку, которая казалась слишком глупой и беспечной, чтобы быть опасной. Известие о визите Миниха к Елизавете немного насторожило Андрея Ивановича, но, разделавшись с фельдмаршалом, он посчитал, что опасность уже позади. И не он один! В марте 1741 года французский посол доносил своему королю, что Остерман еще никогда «достигал такой высоты, как теперь. Можно без всякого преувеличения сказать, что он действительно царь всея Руси».

Анна Леопольдовна

Антон Ульрих

После переворота 25 ноября (6 декабря) 1741 года Остермана приговорили к смертной казни через колесование, но Елизавета заменила ее ссылкой. Возможно, он чувствовал вину и корил себя за то, что поддался искушению властью, и рассматривал наказание, как справедливое возмездие. Возможно напротив – досадовал только на то, что не угадал опасности и не принял вовремя меры. Так или иначе, Андрей Иванович отправился в тот самый Березов, где умер Меншиков и скончался там 20 [31] мая 1747 года. Жена сопровождала его в ссылку, после его смерти ей позволили вернуться в Москву.

Старший сын Остермана, Федор Андреевич, сделал военную

карьеру, участвовал в Прусской войне, показал себя храбрым офицером, был награжден орденами, после ухода в отставку стал сенатором.

Младший сын стал дипломатом и возглавил Вольное экономическое общество. Детей у обоих братьев не было, поэтому детям их сестры, вышедшей замуж за графа Толстого, разрешили носить двойную фамилию Остерман-Толстой.

Глава 3. Шуваловы

1

В XVIII веке самой надежной карьерной лестницей для молодого дворянина была служба в армии или во флоте. Даже не проявляя чудес сообразительности и храбрости, можно было, не торопясь, подниматься в чинах и в конце концов «выйти в генералы». А уж если выпадал шанс принять участие в войне и там отличиться, то – вот он долгожданный орден и карьерный взлет. Нужно, конечно, иметь везение, чтобы не нарваться на пулю, но где же можно обойтись без везения!

Служба при Дворе была более «нервной», и пожалуй, даже более опасной. Молодой дворянин мог взлететь высоко, в один день перепрыгнув через несколько ступеней карьерной лестницы, а мог попасть в опалу вместе с членом императорской семьи, которому служил. Мог оказаться замешанным в заговоре, который сулил либо быстрый карьерный взлет, либо столь же быстрое падение, и привести в безвестность, в ссылку или даже на плаху. Одним словом: придворная служба – азартная игра для самоуверенных любителей риска.

Мы не знаем, насколько азартен был скромный служилый дворянин, офицер Семеновского полка Иван Максимович Шувалов, когда устраивал двух своих сыновей пажами ко Двору Екатерины I. Возможно, он вовсе не загадывал на будущее, а просто пользовался представившейся возможностью, и думал, что что-нибудь из этого да выйдет. В таком случае – он не ошибся.

Юные братья-пажи, носившие популярные в ту эпоху имена Петр и Александр, попали в свиту герцога Голштинского и его супруги – Анны Петровны. Кстати, историки до сих пор спорят, кто из братьев был старше, но по всей видимости, они были погодками, и в год свадьбы герцога и Анны Петровны им исполнилось по 14 и 15 лет.

Герцог задержался в Петербурге. Он стал членом Верховного тайного совета и ждал обещанной поддержки своих претензий на шведский престол, или хотя бы военной помощи в отвоевании у Дании Шлезвига. Не дождавшись ни того, ни другого, вынужден вернуться в Голштинию в августе 1727 года. Братья отправились с ним и Петр даже попытался поступить в университет Киля, но то ли домашнего образования не хватило, то ли помешала скоропостижная кончина Анны 4 (15) мая 1728 года от послеродовой горячки.

Братья вернулись в Петербург, где попали ко Двору младшей дочери Петра – Елизаветы. Положение ее тогда было незавидным, Анна Иоанновна подозревала, что девушка может попытаться

захватить власть и, вызвав ее в Петербург, держала при себе.

Джейн Рондо, жена уже знакомого нам Клавдия Рондо, видевшаяся с Елизаветой в столице, писала о ней в Англию, своей подруге: «Вы узнаете, что я часто бываю у принцессы Елизаветы и что она удостоила меня своим посещением, и восклицаете: „Умна ли она? Есть ли в ней величие души? Как она мирится с тем, что на троне – другая?“. Вы полагаете, на все эти вопросы ответить легко? Но я не обладаю Вашей проницательностью. Она оказывает мне честь, часто принимая меня, а иногда посылает за мной. Сказать по правде, я почитаю ее и в душе восхищаюсь ею и, таким образом, посещаю ее из удовольствия, а не по обязанности. Приветливость и кротость ее манер невольно внушают любовь и уважение. На людях она непринужденно весела и несколько легкомысленна, поэтому кажется, что она вся такова. В частной беседе я слышала от нее столь разумные и основательные суждения, что убеждена: иное ее поведение – притворство. Она кажется естественной; я говорю «кажется», ибо кому ведомо чужое сердце? Короче, она – милое создание, и хотя я нахожу, что трон занят очень достойной персоной, все же не могу не желать, чтобы принцесса стала по крайней мере преемницей».

Елизавета Петровна

Елизавета не одной Джейн Рондо внушила такое желание. Очень скоро вокруг нее сложился заговор, центром которого являются сама принцесса, ее лейб-медик Иоганн Германн Лесток и тогдашний ее фаворит Алексей Григорьевич Разумовский. Им удается выйти «на контакт» с французским посланником маркизом де Шетарди, которого не устраивает проавстрийская политика Остермана, а значит, и России. Маркиз де Шетарди снабдил заговорщиков деньгами, и Елизавета щедро одаривала ими офицеров Преображенского полка. Она часто бывала в казармах, участвует в крестинах детей офицеров и убеждается, что они будут ей верны. И не прогадала – преображенцы буквально на руках внесли ее в Зимний дворец, отправили в ссылку Анну Леопольдовну с мужем и детьми и провозгласили Елизавету императрицей.

Братья Шуваловы принимали участие в заговоре, но были «на вторых ролях», носили записки Елизавете, сопровождали ее в

казармы Преображенского полка. Да это и не удивительно: они еще слишком юны, чтобы представлять собой серьезную политическую силу. Но Елизавета не забыла их и, став императрицей, оставила в своем ближнем кругу.

Петр Иванович назначен подпоручиком лейб-компанейского полка (что приравнивалось к чину генерал-майора в армии), а 24 декабря 1741 года произведен в действительные камергеры. В начале 1742 года он награжден орденами Св. Анны и Белого Орла, а в день коронации 25 апреля 1742 года – орденом Св. Александра Невского.

* * *

В том же 1842 году Петр Иванович женился на близкой подруге Елизаветы Мавре Егоровне Шепелевой. Невесте было 34 года, жениху – 31. По-видимому, эта женщина являлась, по крайней мере на первых порах, одним из важных двигателей карьеры своего мужа, поэтому о ней стоит рассказать подробнее. Мавра Егоровна, происходившая из весьма родовитой семьи, попала ко двору одиннадцатилетней девочкой, став камер-юнгферой цесаревны Анны Петровны. Молва приписывала ей роман то ли с Бироном, то ли с мужем Анны Петровны, герцогом Голштинским.

По воспоминаниям современников, Мавра была некрасива, но обладала живым характером и веселым нравом. Екатерина II, тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна, лишь недавно приехавшая в Петербург и ставшая женой наследника российского престола, называет Мавру Шувалову: «…одной из самых любезных дам империи», и «воплощением болтливости». Отмечает ее «насмешливый тон» и всегдашнюю «улыбку на устах». Возможно именно эти качества привлекли к ней Елизавету, которая тоже в молодости была хохотушкой.

П.И. Шувалов

М.Е. Шепелева

Мавра пользовалась ее доверием и, по-видимому, оказывала на нее большое влияние. Об этом свидетельствует и такой эпизод, рассказанный Екатериной. Однажды, когда Елизавета заболела, «при дворе праздновали свадьбу одной из ее фрейлин. За столом я сидела рядом с графиней Шуваловой, любимицей императрицы. Она мне рассказала, что императрица была еще так слаба от ужасной болезни, которую вынесла, что она убирала голову невесте своими брильянтами (честь, которую она оказывала всем своим фрейлинам), сидя на постели только со спущенными ногами с постели, и что поэтому она не показалась на свадебном пиру. Так как графиня Шувалова первая заговорила со мной об этой болезни, я выразила ей огорчение, которое мне причиняет ее

состояние, и участие, какое я в нем принимаю. Она мне сказала, что императрица с удовольствием узнает о моем образе мыслей по этому поводу». То ли Елизавета послала Шувалову узнать о настроении невестки, то ли Мавра Егоровна сама решила показать, что может быть полезна Екатерине, но так или иначе, понятно, что она прекрасно знала придворную жизнь, полную компромиссов и временных альянсов, хорошо сознавала свое влияние и не стеснялась пользоваться им.

Разумеется, многие ее не любили. Казимир Валишевский, один из первых биографов Елизаветы, приводит в книге «Дочь Петра великого» множество весьма нелестных отзывов современников о «Маврушке»: «Мавра Егоровна не была приятной подругой жизни, согласно свидетельству ее современников; „она была зла, как диавол, и соответственно корыстна“, утверждает один из них, добавляя, что ничто не могло сравниться с ее уродством, „это ведьма огурец“; Шерер говорит о ее „зловонном рте“ – опуская другие отталкивающие подробности, – а Лопиталь следующим образом определяет в 1757 году ее негласные обязанности: „Находясь день и ночь при императрице, она доставляет ей мимолетные и тайные наслаждения“». Вполне возможно Лопиталь имеет в виду умение Мавры Егоровны чесать императрице пятки – молва приписывала именно этому умению высокое положение «Маврушки» и ее мужа.

* * *

Что же пишет Валишевский о самом Шувалове: «Когда Мавра Егоровна умерла в 1759 г., все думали, что тотчас же померкнет блестящее положение ее мужа, и, если верить Щербатову, России пришлось бы только порадоваться этому. Автор знаменитого сочинения о повреждении нравов того времени нарисовал чрезвычайно нелестный портрет Петра Ивановича и составил длинный список его недостатков. Злоупотребления властью, взяточничество, хищения всякого рода, составившие одно время П.И. Шувалову славу самого богатого человека в России, нагромождены в нем до бесконечности. То Шувалову присуждают за восемьдесят тысяч рублей несколько заводов в полном ходу – Благодатских, причем, извлекая из них двести тысяч рублей годового дохода, он жалуется на разорение, выпрашивает уменьшения покупной платы до сорока тысяч и затем перепродает заводы правительству за семьсот тысяч рублей. То, добившись учреждения банка для мелкого кредита, он забирает через подставных лиц всю наличность его. Он ратует за отмену

закона, воспрещавшего замужним женщинам продавать или закладывать свои имения без согласия мужей, – только для того, чтобы купить за бесценок землю некоей графини Головкиной, разошедшейся с мужем. Но Щербатов – писатель, все видевший в черном цвете и заразившийся недостатком, свойственным всем laudatores temporis acti. Допуская даже истинность всех этих поступков, нельзя признать за ними индивидуального характера в эпоху и в стране, где они, к сожалению, были всеобщи».

Валишевский ссылается на сочинение князя Михаила Михайлович Щербатова – историка и публициста XVIII века и его книгу «О повреждении нравов в России». Валишевский считает, что Щербатов слишком суров по отношению к Шувалову. На какие же заслуги Петра Ивановича может сослаться он, чтобы оправдать его перед судом истории?

Валишевский пишет: «С другой стороны, они не помешали Петру Шувалову способствовать осуществлению большого дела, заслуживающего одобрения во многих отношениях. Как законодатель, он связал свое имя с попыткой составления нового Уложения, неудачной, как и многие до и после него, но тем не менее составлявшей значительный шаг вперед. Как администратор, он упразднением внутренних таможен, последовавшим по его настояниям, отвел себе почетное место в экономической истории своей страны».

Действительно, став сенатором, Петр Иванович ощутил в себе страсть к прожектерству. В современном русском языке это слово звучит как устаревшее и содержит в себе оттенок иронии, современные словари описывают «прожектера» как человека, «увлеченного неосуществимыми, необоснованными проектами». Но в XVIII веке никакой иронии в этом слове не было. Прожектерство поощрял сам Петр, он видал в нем живую заинтересованность в судьбе государства, заботу о его нуждах, умонастроение настоящего гражданина и верноподданного. И не была таковой, если часть проектов оказывалась несбыточной, или не могла быть реализована «здесь и сейчас». Петр хорошо сознавал: для того чтобы добыть крупицы золота, приходится промывать много простого песка. Сознавала это и его дочь. И возможно в том, что удавшиеся проекты Шувалова теперь часто «приписывают» Елизавете (в форме «Елизавета устранила внутренние таможни» и т. д.), есть некоторая доля справедливости. Без согласия, а то и без активной поддержки государыни ни одному проекту Шувалова не дали хода.

Но прежде, чем мы познакомимся с прожектами Шувалова, два слова о том, что представлял собой Сенат при Елизавете. Он учрежден при Петре I как высший орган государственной власти

и законодательства. При этом Петр вовсе не собирался делиться с сенаторами своей самодержавной властью. Ему просто требовались чиновники высшего ранга, управленцы, которые могли бы выполнять приказы и самостоятельно решать задачи, поставленные монархом. При Екатерине I и Петре II Сенат утратил звание «правительствующего» и подчинялся Верховному тайному совету, а при Анне Иоанновне – кабинету министров. Но при Елизавете подчеркнуто стремившийся восстановить все учреждения петровского времени Сенат снова стал верховным органом империи, не подчиненным никакому другому учреждению. Теперь в его ведении находились военная и морская коллегия, суды, администрация на местах. Сенат мог принимать законы без личного утверждения императрицы.

Петр Шувалов стал сенатором в 1744 году, ему 33 года, и он, вероятно, чувствовал, что для него пришло время «состояться» на государственном поприще.

* * *

Свой первый «прожект» Петр Иванович предложил в 1745 году, и он касался подушной подати – закон о ней был принят еще Петром и обязывал каждую «душу мужского пола» платить налог в размере 80 копеек в год. Сумма не слишком большая и на местах ее собирали хорошо. Были, конечно, «злостные неплательщики» (которые по большей части просто не могли выплатить такую сумму) и для их поиска приходилось применять войска, но главная проблема не в них. Основная трудность состояла в том, что подать собиралась в основном медными монетами, которые перевозили в Петербург на возах, упакованными в деревянные бочки, а при такой системе учет их весьма затруднителен. Большое количество денег «застревало» на местах, «уезжало» не туда, куда отправлялось, а порой и просто терялось. Сделать что-то с денежной системой Шувалов не мог, но он предложил ряд мер по наполнению казны. Например – введение единой цены на соль. При «свободном рынке» эта цена колебалась от 3 до 50 копеек за пуд, в зависимости от места и времени года. Шувалов предлагал ввести единую цену для всей страны: 30 копеек за пуд, что дало бы казне доход свыше 600 000 рублей. Но этот проект отклонили: сенаторы помнили о соляных бунтах времен Алексея Михайловича и считали, что такое повышение цены на продукт первой необходимости будет плохо принято народом. Шувалов вернулся к этому два года спустя и предложил восстановление соляной и винной монополии

государства, контроль над продажей табака. Он указывал, что уравнение цен на соль до 35 копеек за пуд обогатит казну и в то же время позволит снизить прямые налоги.

За эти два года Шувалов успел продвинуться по карьерной лестнице. Неутомимая Мавра Егоровна выхлопотала мужу чин генерал-адъютанта, в соответствии с которым Шувалов должен доносить до Сената указы государыни и назначать гвардейцев в графское достоинство Российской империи и присвоила роду герб с изображением единорога и девизом «За верность и ревность[14]».

Теперь влияние Шуваловых при Дворе усиливалось, «прожектам» Петра Ивановича чинилось все меньше препон. Возможно поэтому, а возможно потому что недостаток денег ощущался все острее, в 1749 года принята единая цена на соль по всей России – 35 копеек за пуд. Винная же монополия определяла цену вина до 50 копеек за ведро. Эти меры не пользовались популярностью в стране, но они позволили российской экономике восстановиться после очередной войны со Швецией (1741–1743 гг.) и подготовиться к участию в Семилетней воне (1757–1763 гг.).

При этом он не забывал и о своих интересах. В июле 1748 года Шувалов получил на откуп сальные промыслы у Архангельска и на Коле, сроком на 20 лет, с отпуском из казны 6000 рублей на заготовку сала и моржовой кожи, Грунландские китоловные промыслы и тюлений промысел на Ладожском озере. Но и казне от этого была прибыль. Под властью Шувалова эти предприятия стали приносить доход, превышавший прежний в пять раз.

В 1752–1753 годах Шувалов внес в Сенат, пожалуй, самый важный свой проект – об упразднении внутренних таможенных сборов и еще 16 других видов сборов, обременявших крестьянскую и купеческую торговлю. В стране должны были остаться только портовые и пограничные таможни. Конечно, казна теряла доход от внутренних сборов, но, по мнению Шувалова, эти потери должны с лихвой окупиться: развитая внутренняя торговля могла принести больший доход казне.

Его доводы услышали и 20 (31) декабря 1753 года Елизавета Петровна подписала указ «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». Теперь товары облагались налогом 13 % «в портовых и пограничных Таможнях с привозного и отвозного товара». Такой порядок был выгоден прежде всего российским промышленникам и купцам, торгующим на внутреннем рынке. Сохранился также налог 10 % на вывоз пушнины из Сибири, а вот в Сибирь теперь все товары

поставлялись без налога, что способствовало оживлению торговли в этом регионе.

Еще один важный для общественной жизни России закон приняли по инициативе Шувалова в 1753 году. Это тот самый указ, даровавший замужним женщинам контроль над имуществом, который так возмутил князя Щербатова. Французский историк Мишель Ламарш-Марезье, напротив, видит в этом указе огромный шаг в направлении равноправия женщин, сделав который, Россия надолго обогнала Европу. Она пишет в книге «Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России»: «Как ни странно, за исключением Щербатова, современники обошли указ 1753 года молчанием. Какой разительный контраст с Западной Европой: если там законодатели принимали акты об имуществе замужних женщин лишь после продолжительных и бурных обсуждений в обществе, то в России преобразование женских прав собственности не вызвало никаких комментариев со стороны элиты. Однако впоследствии российские ученые начали очень высоко оценивать правовое положение женщин в своем отечестве, отмечая странное противоречие между архаичными политическими и экономическими институтами России и сравнительной эмансипированностью русских дворянок. Почти всюду в Западной Европе даже в XIX в. замужние женщины долго дожидались, пока их признали способными контролировать собственное имущество». Русские дворянки, напротив, уже с 1753 г. свободно распоряжались своим состоянием и становились активными участницами рынка купли-продажи земли и крестьян». Таким образом, если даже Шувалов «протолкнул» этот закон, руководствуясь только эгоистическими соображениями, он все равно принес много добра своим соотечественницам.

А деятельность Петра Ивановича «ради общего блага» между тем продолжалась. В апреле 1755 года Елизавета Высочайшим указом назначила его главным межевщиком и главным присутствующим в Межевой канцелярии, которая становилась независимой от Сената. Надлежало установить точные границы отдельных владений, принадлежность всех спорных земель и размер податей, которые должны выплачивать владельцы. Эта титаническая работа так и не была закончена при Елизавете, она продолжилась при Екатерине, которая придумала для этой кампании девиз «Каждый при своем». В эпоху Елизаветы и Екатерины землемера с деревянным циркулем (тогда его называли «сажень») и картами часто можно было встретить на просторах России, а полностью межевание завершилось только в середине XIX века.

Еще один из очень важных проектов Шувалова: составление нового «уложения», т. е. законодательства. По плану Шувалова, поручив отдельным департаментам разобрать касающиеся его указы, затем надлежало собрать плоды их трудов в один свод. Елизавета Петровна подписала соответствующий указ и в Сенате была образована комиссия для составления уложения. Однако и эту безусловно важнейшую работу также довели до конца только в середине XIX века, благодаря деятельности Сперанского.

А Шувалов меж тем затевал все новые «прожекты». Он обращает внимание Сената на то, что большое количество денег лежит без движения на Монетном дворе, в то время как торговля страдает от ограниченного числа денег в обороте. Граф предлагал использовать эти деньги для создания купеческого банка, откуда купцы могли бы брать займы. Однако займы нужны не только купцам, но и дворянству. В итоге Сенат подал императрице доклад об учреждении двух первых российских банков – Дворянского заемного банка с капиталом в 750 000 рублей и Купеческого заемного башка – в 500 000 рублей. Это были те самые банки, которые, по мнению князя Щербатова, Шувалов создал для того, чтобы их ограбить. Тем не менее они продолжали успешно работать до конца XVIII века, только в 1782 году Купеческий банк поглощен Дворянским, а еще через четыре года Дворянский банк ликвидирован, а его капиталы передали в единый Государственный заемный банк.

В январе 1755 года Петр Иванович предложил чеканить новую медную копеечную монету, по расчету 8 рублей из пуда, всего на сумму 3 500 000 рублей. По мысли Шувалова эти деньги должны облегчить и оживить мелкую розничную торговлю. Согласно его расчетам правительство должно было получить выгоду, так как покупало медь по 5 рублей за пуд, а выпускало ее в виде монет по 8 рублей за пуд, в то время как население не несло никаких убытков.

* * *

В 1755 году Петр Иванович стал генерал-фельдцейхмейстером, что давало в его управление инженерный корпус и всю артиллерию. Здесь перед ним открылся новый простор для деятельности.

Еще шестью годами ранее на собрании при Дворе, Сената, Иностранной коллегии и Военной коллегии Шувалов добился принятия постановления об увеличении числа армии «прибавкой на всякий полк 450 чел. гранодер и знатного числа мушкатер, и

так полк вместо одной гранодерской роты получил три, которые составляли 600 ч., а мушкатерские увеличены ж, а потом из рот гранодерских от всякого полку по одной отделено и сочинены гранодерских четыре полка».

Получив в 1750 году дивизию, Шувалов обратил внимание на то, что у солдат хромает строевая подготовка: каждый полк проделывал по-своему воинские приемы, выполнял их плохо, нижние чины мало упражнялись и учились воинскому делу, офицеры «весьма слабо должности свои исполняли и об нужнейшей вещи, касающейся до маршированя и обращения корпусами, худое понятие имели». Меж тем в XVIII веке умение держать строй и быстро выполнять команды необходимо не только для парадов. Кремневые ружья заставляли тратить много времени на перезарядку. Отрабатывая все движения до полного автоматизма, король Пруссии Фридрих Великий резко увеличил скорострельность, превратив своих солдат фактически в «живые пулеметы». Чтобы улучшить подготовку солдат, Шувалов приказал взять из каждой роты по рядовому, а из каждого полка – по офицеру и барабанщику, научил их правильным приемам и вернутл на службы, как инструкторов. Обучение барабанщика было важно, так как он отбивал ритм, которому подчинялись солдаты, что позволяло всему полку действовать как единое целое. В 1753 году Шувалов продемонстрировал заново обученную дивизию в Москве Военной коллегии и генералитету и в 1755 году ему разрешили взять в Петербург один пехотный и один кавалерийский полк и обучить их по собственному способу. После этого ему поручили организовать подобное обучение и во всей армии. Для такого переобучения, естественно, требовались деньги, и именно поэтому Шувалов предложил свой проект с чеканкой медных монет.

Шестого апреля 1756 года императрице подали доклад, составленный под руководством Шувалова, в котором говорилось, что ввиду наступающей войны «великая надобность и польза есть в содержании в исправном и порядочном состоянии артиллерии и принадлежащего к оной знатного артиллерийского и инженерного корпуса и протчаго». Спорить с этим выводом, разумеется, было невозможно, и 31-го мая 1756 года Петра Ивановича назначили фельдцейхмейстером артиллерии. Взявшись за дело с присущей ему энергией, он за четыре года довел артиллерийский «парк» до 741 орудия. Для этого пришлось запретить употребление меди на какие-либо иные изделия, кроме пушек.

Шувалов также предложил вооружить армию новым видом артиллерийских орудий, средним между пушками и гаубицами.

Они могли стрелять как ядрами (как пушки), так и бомбами (как гаубицы), были легче пушек и обладали большей меткостью, чем гаубицы. Это орудие изобрели в 1757 году артиллерийские офицеры М.В. Данилов и С.А. Мартынов, но так как на стволах стоял знак единорога – герб Шувалова, то они вошли в историю, как «шуваловская пушка» или просто «единорог». Именно под этими именами они служили русской армии более 100 лет.

Еще одним нововведением Шувалова стали так называемые «близнята», состоящие из двух легких гаубиц, расположенных на одном общем лафете. Они стреляли 6-фунтовыми гранатами, картечью и зажигательными каркасами.

При всей той несомненной пользе, которую принесли осуществленные проекты Петра Ивановича Шувалова, при Дворе его не любили, считали мздоимцем и интриганом, что, конечно, отчасти правда. Шувалов никогда не стеснялся наживать богатство и завоевывать влияние всеми доступными законными и не очень законными методами. Но нужно отдать Шувалову должное: он добивался богатства и влияния для того, чтобы реализовать свои прожекты, «для общего блага», а не использовал свои идеи, чтобы сколотить капитал и добиться высокого положения при Дворе.

Конечно, врагам Шувалова было безразлично, какими побуждениями он руководствуется, им в принципе не нравилось, что он представляет собой силу, с которой приходится считаться. Однако неприязнь к его брату, Александру Ивановичу, была еще сильнее.

2

Как вы уже знаете, Александр Иванович был то ли старшим, то ли погодком Петра Ивановича и одновременно – человеком совсем иного склада.

Вот как описывает его Екатерина II: «Этот Александр Шувалов, не сам по себе, а по должности, которую он занимал, был грозою всего двора, города и всей империи: он был начальником Государственного инквизиционного суда, который звали тогда Тайной канцелярией. Его занятия, как говорили, вызвали у него род судорожного движения, которое делалось у него на всей правой стороне лица, от глаза до подбородка, каждый раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью».

Екатерине пришлось близко познакомиться с этой семьей. Александр Шувалов был назначен гофмаршалом к ее мужу великому князю Петру Федоровичу и представлял императрицу при «малом дворе», передавал ей все просьбы великого князя и княгини, и все распоряжения государыни – им. Его жена стала одной из придворных дам Екатерины, та невзлюбила и ее и мужа, и поэтому в мемуарах она, не стесняясь, отвешивает им «комплименты» вроде таких: «Я была в карете с женою графа Александра Шувалова, с самой скучной кривлякой, какую только можно себе представить», «Я могла бы видеть графа Александра Шувалова и его жену, но это были существа такие пошлые и такие скучные, что я всегда была в восторге, когда они отсутствовали», «Надо правду сказать, Шуваловы были, вообще, люди крайне трусливые, и этим-то путем можно было ими управлять»… и так далее.

Не менее беспощадна она к жене и дочери Александра Ивановича: «Мы смеялись над ним, над его женой, дочерью, зятем чуть ли не в их присутствии; они подавали тому повод, потому что нельзя было себе представить более отвратительных и ничтожных фигур. Госпожа Шувалова получила от меня прозвище „соляного столпа“. Она была худа, мала ростом и застенчива; ее скупость проглядывала в ее одежде; юбки ее всегда были слишком узки и имели одним полотнищем меньше, чем полагалось и чем употребляли остальные дамы для своих юбок; ее дочь, графиня Головкина, была одета таким же образом; у них всегда были самые жалкие головные уборы и манжеты, в которых постоянно в чем-нибудь да проглядывало желание сберечь копейку. Хотя это были люди очень богатые и не стесненные в средствах, но они любили по природе все мелкое и узкое,

истинное отражение их души».

А.И. Шувалов

А вот что пишет об Александре Шувалове Валишевский: «Старший брат Петра Ивановича, Александр, неугомонный в своей роли организатора и начальника Тайной канцелярии, был лишь исполнителем высочайших повелений».

Каким же был этот человек на самом деле?

* * *

В юности, находясь в звании камер-юнкера при цесаревне Елизавете, Александр заведовал конюшенными и исполнял другие хозяйственные поручения. Вероятно, уже тогда будущая императрица присмотрелась к двум молодым людям, своим сверстникам, и у нее сложилось мнение о том, как можно будет их использовать в будущем.

24-го декабря 1741 года, вскоре после переворота, который привел Елизавету на трон она поспешила отблагодарить верных ей людей. Вместе с Алексеем Разумовским, Михаилом

Воронцовым и Петром Ивановичем Шуваловым, Александр Иванович получил чин действительного камергера, орден Св. Александра Невского и затем назначен лейб-кампании подпоручиком и его попечению был поручен бывший конный завод Бирона. А надо сказать, что герцог был страстным лошадником, собирал лучших жеребцов и кобыл со всей России и покупал их за границей, не жалея средств.

Но вскоре для Александра находится и другое дело. Он получил довольно скромный чин подпоручика. Но где?! В лейб-компанской роте Преображенского полка, отвечавшей за личную охрану императрицы. В 1746 году братья Шуваловы возведены в графское достоинство. Позже Александр Шувалов получил чин генерал-адъютанта и генерал-аншефа (1751 г.), а также – орден Св. Андрея Первозванного (1753 г.).

С 1742 года Александр Иванович принимает участие в делах Тайной канцелярии, а с 1746 года 36-летний Шувалов возглавляет ее, сменив на этом посту графа Андрея Ивановича Ушакова. Одним из первых важных поручений, которое дала ему новая императрица – обустройство в Холмогорах Брауншвейгского семейства: Анны Леопольдовны, Антона Ульриха и двоих детей – Ивана Антоновича, коронованного русского императора Ивана VI и новорожденную принцессу. Вначале Елизавета намеревалась просто выслать их из России, но вероятно кто-то из приближенных надоумил ее, что младенец является императором, избранным на царство в полном соответствии с законом Петра I о престолонаследии, и давать такой козырь в руки владык иностранных держав будет неблагоразумно. И Александр стал тюремщиком этой семьи, само существование которой угрожало стабильности государства.

Судопроизводство при Елизавете, как и при ее отце, также как и при его предках проводилось методом сыска. Инициатором судебных процессов выступала сама Тайная канцелярия, созданная в 1718 году и стоявшая выше всех государственных учреждений кроме императорского Кабинета и Сената. Канцелярия размещалась прямо в Петропавловской крепости. Заседания ее проходили в первом Комендантском доме. Подследственные помещались в стенах крепости – в казематах или «казармах» «у Кронверских», «у Васильевских», «у Невских» и «у Петровских ворот»; в Алексеевском равелине и на гарнизонной гауптвахте, более знатные – в домах обер-коменданта и гарнизонных офицеров. Канцелярия проводила розыск путем обысков, допроса свидетелей (указ вводил смертную казнь за лжесвидетельство) и пыток. После рассмотрения доказательств, по большинству голосов судей (суд был коллегиальным)

выносился приговор, который облекался в письменную форму, подписывался судьями и скреплялся аудитором. По мысли Петра это должно обезопасить судебный процесс от «ябед и волокит». Таким образом, состязательное начало было вовсе устранено из судопроизводства, подсудимый не имел защитника и мог попытаться оправдать себя лишь на допросах, давая показания следователям.

Доктор исторических наук Игорь Владимирович Курукин, автор книги «Повседневная жизнь тайной канцелярии», характеризует деятельность Шувалова так: «Александр Иванович следователем оказался старательным, но не более. Не было в нем истовости и въедливости, да и готовности взять на себя любое дело, что отличало прошедшего суровую петровскую школу Ушакова. Шувалову не нужно было выслуживаться – он принял Тайную канцелярию, уже будучи осыпанным милостями придворным и генералом. На следствиях он присутствовал реже своего предшественника – больше времени проводил во дворце „на дежурстве“, особенно после того, как был назначен состоять при наследнике престола, великом князе Петре Федоровиче и его жене – будущей Екатерине II… Доклады, выписки, экстракты, допросные речи – все эти документы Тайной канцелярии делаются при нем менее пространными и более скудными по содержанию».

* * *

Александр, как и его брат, вовсе не был бессребреником. Подарки от императрицы он с благодарностью принимал, не упускал и выгодных покупок. Указом 13 февраля ему пожалованы Истицкие и Угоцкие железные заводы в Малоярославецком и Боровском уездах и единовременно дворцовая Вышгородская волость в Верейском уезде. Куркин пишет: «он (А.И. Шувалов. – *Е. П.*) не забывал ей (Елизавете. – *Е. П.*) напомнить об отсрочке уплаты своего 70-тысячного долга казне или попросить о приписке дворцовой волости в Медынском уезде к собственным металлургическим заводам».

Требовала его забот и политика. В 1753 году под влиянием давнего врага Шуваловых, канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина императрица приняла решение о создании Конференция при Высочайшем дворе. Разумеется, всякие аналогии с Верховным тайным советом или с кабинетом министров при Анне Иоанновне в высшей степени неуместны, однако цель создания всех этих организаций по сути одна –

высшее дворянство хотело участвовать в управлении страной, если не официально, но по факту ограничив самодержавную власть монарха. Формально Конференция должна давать лишь советы монарху, но в реальности могла действовать самостоятельно от имени императрицы: издавать законы, давать указания и распоряжения Сенату, Синоду, коллегиям и так далее.

Шуваловы вошли в «присутствие» Конференции одними из первых – 14 марта 1756 года. Петр Иванович, разумеется, тут же воспользовался новыми возможностями для продвижения своих проектов. Александр же Иванович посещал заседания Конференции как глава Тайной канцелярии. Он мало выступал, если и вносил предложения, то, в основном, продиктованные его братом, и тем не менее «держал руку на пульсе».

А это было необходимо: Елизавета не в восторге от поведения своего племянника Петра Федоровича, Екатерина же уже в 1750-х годах мечтала отстранить мужа от престола и стать регентшей при малолетнем Павле. Елизавета, хоть и недолюбливала Екатерину, как водится, обожала внучатого племянника и могла согласиться на этот проект, по крайней мере так временами казалось придворным.

И вот в 1758 году были раскрыты сношения между главнокомандующим Апраксиным, Бестужевым и великой княгиней Екатериной. Стареющий Бестужев чувствовал, что власть ускользает из его рук, юная Екатерина боялась за свое будущее – это и привело к их сближению. Конечно, такого случая разделаться со старым врагом Шуваловы не могли упустить. Следствие над Апраксиным и Бестужевым было поручено комиссии из трех лиц: фельдмаршала Трубецкого, А. Бутурлина и Александру Ивановичу. 27 февраля 1758 года канцлера лишили графского достоинства, чинов и знаков отличий, сослали в выбранное им самим имение в Можайский уезд. Ссыльный канцлер дал имению новое имя – Горетово. Из ссылки он вернулся только после того, как на российский престол взошла Екатерина II.

Казалось теперь никто и ничто не может угрожать братьям. Даже смерть императрицы не поколебала их положения. Петр III придерживался правила «враг моей жены – мой друг» и осыпал Шуваловых милостями.

Но нам уже известно, что правление Петра Федоровича было очень недолгим, а свергшая его Екатерина на дух не переносила Шуваловых, и особенно – Александра Ивановича. Еще будучи только невесткой Елизаветы, она не скрывала своего к ним отношения: «Я не пренебрегала никаким случаем, когда могла бы выразить Шуваловым, насколько они расположили меня в свою

пользу; я выказывала им глубокое презрение, я заставляла других замечать их злость, глупости, я высмеивала их всюду, где могла, всегда имела для них наготове какую-нибудь язвительную насмешку, которая затем облетала город и тешила злобу на их счет; словом, я им мстила всякими способами, какие могла придумать; в их присутствии я не упускала случая отличать тех, кого они не любили».

Впрочем, новое царствование, и так начавшееся с таинственной гибели законного императора, нельзя было начинать с репрессий. Екатерина обошлась с Шуваловыми милостиво, она подарила Александру Ивановичу 2000 душ крестьян и отправила его в отставку. Петр Иванович умер в том же 1762 году, когда Екатерина пришла к власти. Александр Иванович пережил брата на девять лет. Последние годы жизни он провел в усадьбе Косицы Верейского уезда Московской губернии с семьей – женой Екатериной Ивановнаой – в девичестве – Кастюриной, той самой «скучной кривлякой», которая так досаждала Екатерине. Он скончался 8 (28) декабря 1771 года.

3

Единственным членом семи Шуваловых, кто заслужил благожелательный отзыв Екатерины, их кузен Иван Иванович Шувалов. Венценосная мемуаристка пишет о нем: «В начале сентября императрица отправилась в Воскресенский монастырь, куда мы получили приказание приехать ко дню ее именин. В этот день она назначила своим камер-юнкером Ивана Ивановича Шувалова. Это было событием при дворе; все шептали друг другу на ухо, что это новый фаворит; я радовалась его возвышению, потому что, когда он еще был пажом, я его заметила, как человека много обещавшего по своему прилежанию; его всегда видели с книгой в руке».

Иван Иванович был почти на два десятилетия младше своих двоюродных братьев. Он появляется при Дворе в результате протекции Петра и Александра. В 1742 году 15-летний миловидный мальчик начал придворную службу в чине камер-пажа. Семь лет спустя он получил чин камер-юнкера.

Вот что рассказывает об Иване Ивановиче его племянник и первый биограф князь Федор Николаевич Голицын: «Семейство его было посредственнаго достатка. Отецъ его, Иван Максимович Шувалов, служил с большим усердием Петру Великому в военной службе и получал неоднократно знаки Его Величества к себе благоволения; но будучи уже в глубокой старости, не дождался настоящаго возраста своего сына, котораго Провидение приготовляло соделаться полезным и отличным гражданином. Сановитость, благонравие и способности молодаго Шувалова привлекли к нему внимание двух его почтенных сродников: Петра и Александра Ивановичей Шуваловых; они, способствуя вступлению на престол блаженной и вечно-достойной памяти Императрицы Елизаветы Петровны, занимали уже важныя должности, и предпочли определить своего молодаго сродника вместо военной службы ко двору в пажи, имея, может быть, в виду какия-нибудь дальнейшия соображения. Здесь остановимся на минуту, чтобы отдать должную похвалу редким достоинствам графа Петра Ивановича Шувалова, бывшаго наконец фельдцейгмейстером. Ибо надобно признаться, что пространный разум его, могущий обнять вдруг многия части в правлении, нз всего ему вверенного наипаче артиллерию нашу привел в большое совершенство, что и не мало способствовало к победам, одержанным над королем прусским. Молодой Шувалов, определясь ко двору в самой первой молодости, уже вел себя так похвально между своими резвыми товарищами, что был

обыкновенно против других чаще употребляем на разныя посылки к министрам иностранным, ибо продолжал свое к языкам прилежание, и считался в сем молодом корпусе из самых лучших. Зато и произведен в камер-пажи, по Имянному Указу и без старшинства, и получил первый знак Ея Императорскаго Величества к себе милости, а именно золотые часы. Не долго быв камер-пажем, пожалован в камер-юнкеры, и уже приказано ему было тогда жить во дворце, с котораго времени по самую кончину Августейшей своей благодетельницы он из дворца не выезжал, и, возвышаясь довольно скоро, так что двадцати семи лет он был уже генерал-порутчиком, генерал-адъютантом, камергером и орденов св. Александра Невскаго и польских кавалером, – он ни мало не токмо не возгордился от такого необыкновеннаго благополучия, но быв разумен и добродетелен, оба сии дарования начал употреблять на пользу сограждан своих и отечества».

И.И. Шувалов

Характерно, что племенник-биограф видит основные достоинства дяди в том, что тот был «полезным и отличным гражданином». Он видит в нем то же гражданское рвение, на которое так открыто проявлял Петр Иванович. Как же Ивану Ивановичу Шувалову удалось послужить своему отечеству?

* * *

Императрица Елизавета, взойдя на русский престол в возрасте тридцати двух лет, отказалась от мысли о замужестве. По крайней мере, о замужестве официальном. Ходили слухи, что она тайно обвенчалась со своим фаворитом Алексеем Разумовским, называли разные места венчания, рассказывали, что у Елизаветы и Разумовского были дети, по крайней мере, одна дочь. Позже эта сплетня попортит Екатерине немало крови, когда в Европе появится авантюристка, называющая себя княжной Таракановой и выдающая себя за дочь Елизаветы и Разумовского.

А пока императрице прискучила ее многолетняя связь в Разумовским и она обратила внимание на юного Шувалова. Но почти одновременно с Шуваловым интерес у Елизаветы вызывает другой юноша: двадцатилетний Никита Афанасьевич Бекетов. Елизавета увидела его на спектакле, поставленном учениками Сухопутного кадетского корпуса. Она устроила ему назначение генерал-адъютантом к графу Разумовскому, потом дала чин полковника, а императрица пожаловала его богатыми поместьями. Молодому человеку стал покровительствовать Бестужев, желавший ослабить влияние Шуваловых. И вот уже императрица уезжает на лето в Петергоф без Ивана Шувалова, но в сопровождении Никиты Бекетова. Что делать?

Рассказывает Екатерина Алексеевна: «В этом году случилось событие, которое дало придворным пищу для пересудов. Оно было подстроено интригами Шуваловых. Полковник Бекетов, о котором говорилось выше, со скуки и не зная, что делать во время своего фавора, который дошел до такой степени, что со дня на день ждали, кто из двоих уступит свое место другому, то есть Бекетов ли Ивану Шувалову, или последний первому, – вздумал заставлять малышей певчих императрицы петь у себя. Он особенно полюбил некоторых из них за красоту их голоса, и так как и он сам, и его друг Елагин были стихотворцы, то он сочинял для них песни, которые дети пели. Всему этому дали гнусное толкование; знали, что ничто не было так ненавистно в глазах императрицы, как подобного рода порок. Бекетов, в невинности своего сердца, прогуливался с этими детьми по саду: это было вменено ему в преступление. Императрица уехала в Царское Село дня на два и потом вернулась в Петергоф, а Бекетов получил приказание остаться там под предлогом болезни. Он там остался в самом деле с Елагиным, схватил там горячку, от которой чуть не умер, и в бреду он говорил только об императрице, которой был всецело занят; он поправился, но остался в немилости и удалился, после чего был переведен в армию, где не имел никакого успеха. Он был слишком изнежен для военного ремесла».

Теперь Шувалов один царствует в сердце Елизаветы. В 1753 году Савва Чевакинский начинает строить для молодого фаворита роскошный дворец на Итальянской улице близь Невского проспекта (современный адрес – Итальянская ул., 25). Дворец построен в стиле елизаветинского барокко, однако по мнению И. Грабаря этот дом «был первым зданием в России, в котором уже чувствовался некий, – правда едва уловимый – поворот от Растрелли к классицизму». Императрица Екатерина в свих записках говорит, что «снаружи этот дом, сам по себе большой, был похож по своему убранству на манжеты из алансонских кружев, – до того был украшен орнаментами».

Дом № 25 по Итальянской улице. Современное фото

Надо думать, что проект здания составлялся не без участия его будущего владельца, который будучи человеком елизаветинской эпохи мыслями устремлялся в будущее, разделял идеалы просветителей и старался служить Просвещению уже «здесь и сейчас».

24 октября 1754 года хозяин справил в доме новоселье с балом и маскарадом.

В связи с этим маскарадом появилась ода Ломоносова, которую он посвятил своему покровителю:

Европа что родит, что прочи части света,Что осень, что зима, весна и кротость лета,Что воздух и земля, что море и лесаВсё было у тебя, довольство и краса.Вчера я видел все и ныне вижу духом,Музыку, гром и треск еще внимаю слухом.Я вижу скачущи различны красоты,Которых, Меценат, подвигл к веселью ты.Отраду общую своею умножаешьИ радость внутренню со всеми

сообщаешь.Красуемся среди обильных райских рек.Коль счастлив, коль красен Елисаветин век!

Михаил Васильевич не случайно сравнивает Шувалова с древнеримским филантропом Меценатом. Иван Иванович не раз оказывал помощь и самому Ломоносову.

В октябре 1752 года Михаил Васильевич представил в Сенат прошение: «Желаю я, нижайший, к пользе и славе Российской империи завесть фабрику для делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, что еще поныне в России не делают, а привозят из-за моря великое количество ценою на многие тысячи».

Для строительства мозаичной фабрики и стекольного завода Михаил Васильевич и просил дать ему не далее 150 верст от Санкт-Петербурга поместье с лесом и 200 душ крестьян.

Иван Иванович устроил встречу Ломоносова и императрицы на куртаге 23 февраля 1753 года. Ломоносов изложил свою просьбу Елизавете Петровне и получил в свое полное распоряжение мызу Усть-Рудицы с прилежащими к ним деревнями.

Так возникла усть-рудицкая «Фабрика делания разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких галантерейных вещей и уборов». Стеклярус, произведенный этой фабрикой, был использован в оформлении волшебного интерьера Стеклярусного кабинета в Китайском дворце великой княжны Екатерины Алексеевны в Ораниенбауме, смальты – для мозаичного портрета Петра I.

Для того чтобы познакомить общество с различными способами применения стекла и, как бы мы сейчас сказали, «сформировать потребительский спрос» на стеклянные изделия, Ломоносов пишет стихотворное «Письмо о пользе стекла» длиной в 440 строк и адресует его своему покровителю Ивану Ивановичу Шувалову. Однако настоящим адресатом письма было все светское общество. В этом стихотворении Ломоносов в частности пишет:

Коль пользы от стекла приобрело велики,Доказывают то финифти, мозаики,Которы в век хранят геройских бодрость лиц,Приятность нежную и красоту девиц,Чрез множество веков себе подобны зрятсяИ ветхой древности грызений не боятся.

Этой фабрике суждено стать прародительницей знаменитого Императорского фарфорового завода, которые после 1917 года стал носить имя Ломоносова, и чья продукция уже почти три века известна всей Европе. Шувалов не «перводвигатель» этого проекта, но без его покровительства он никогда бы не был

осуществлен.

* * *

Сила влияния Ивана Шувалова и его семейства все возрастает. Он скромно отказывается от графского титула, который получают его дяди, но принимает орден Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира и Александра Невского, Св. Анны и Белого орла. В 1773 году он получает чин действительного тайного советнике, а пять лет спустя – обер-камергера. Ивану Ивановичу даровано право прямого доклада императрице, минуя все инстанции – немаловажная привилегия, которой он умело, без злоупотреблений пользовался. Он готовит многие указы и объявлял Сенату или губернаторам повеления императрицы. Как же он распорядился властью, которую приобрел?

Два наиболее ярких и важных начинания Ивана Шувалова вам, наверное, хорошо известны. Он основал Московский университет – первый университет в России и Академию художеств в Петербурге.

Проект университета составил для Шувалова Михаил Васильевич Ломоносов, использовав европейский опыт, прежде всего устройство университета в Марбурге, где когда-то учился сам. В университете было три факультета: философский – аналог средневекового «тривиума» и более позднего бакалавриата – дававший начальное гуманитарное образование и юридический и медицинский, на которых студенты получали специализацию и возможность продолжить обучение и на философском факультете. В отличие от университетов Европы, в Московском университете не было богословского факультета, будущие священники получали образование в рамках церковных учебных заведений.

12 (25) января 1755 года в День святой Татьяны по православному церковному календарю Елизавета подписала указ об основании Московского университета. По легенде Иван Иванович выбрал именно этот день в память своей матери, которую звали Татьяной. Позже день 12 января стал праздником для студентов Москвы, а позже – всей России. В университет с первых его дней принимали студентов всех сословий, кроме крепостных крестьян. Ломоносов уже в своей записке особенно подчеркнул этот момент: «В университете тот студент почтеннее, кто больше научился; а чей он сын, в том нет нужды». Из 26 русских профессоров, преподававших во второй половине XVIII века, только трое были дворянами.

Вначале университет располагался на Красной площади в доме Главной аптеки (теперь на этом месте находится Государственный исторический музей). При Екатерине II университет переехал на Моховую улицу.

Сразу же после открытия университета, в апреле 1756 года, при нем на Моховой улице открыли типографию и книжную лавку. Тогда же университет начал издавать дважды в неделю первую в стране неправительственную газету «Московские ведомости», а с января 1760 года – первый в Москве литературный журнал «Полезное увеселение».

На все это требовались деньги, которыми щедро снабжал свое детище Иван Иванович. Он же позаботился о том, чтобы в том же 1756 году при университете открылась общедоступная библиотека, которая на протяжении почти 100 лет была единственной в Москве.

А 6 (17) ноября 1757 года в Петербурге открылась Академия художеств. И снова именно Шувалов пригласил из-за границы педагогов, набрал первых учеников и в 1758 году подарил академии свою художественную коллекцию, собрание книг по искусству, положив этим начало библиотеке и будущему музею.

Среди первых выпусков академии были художник-портретист Федор Рокотов, скульптор Федот Шубин, архитекторы Василий Баженов и Иван Старов.

Князь Голицын пишет: «Приобретши доверенность Монархини, во время своего случая употреблять все свои минуты к соделанию как общественной, так и частной каждому выгоды. Одним словом, скажем простым изречением, жил токмо, дабы творить другим добро. Здесь представляется для человека здравомыслящаго преважная картина. – Молодой человек, в посредственном состоянии возросший, возведенный вдруг на высшую степень доверенности от своего Монарха, не токмо ее во зло не употребляет, но устремляет единственно всю сию власть для благоденствия государства, для исполнения всех тех спасительных, намерений, которыя Государыня Императрица Елизавета Петровна ежечасно, можно сказать, изъявляла к счастию своего народа. При таковой милостивой Монархине надлежало ко всеобщему благополучию встретиться такому благонамеренному вельможе».

* * *

После смерти Елизаветы политическая система Шуваловых стала постепенно сходить на нет. Петр Иванович и Александр

Иванович пытались наладить отношения с Петром III – им не хотелось покидать политическую сцену.

По иному решил Иван Иванович. Уже в 1763 году он уезжает за границу, возможно выполняя ряд дипломатических поручений, и собирая новые коллекции для Академии художеств. В Россию он возвращается в 1777 году и избирается почетным членом Императорской академии наук и действительным членом только что учрежденной Императорской Российской академии, которой руководила Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова, дочь бывшего политического соперника Шуваловых Романа Воронцова.

Умер Иван Иванович 15 (26) ноября 1797 года в Петербурге и погребен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Женат он никогда не был, детей не имел.

Еще в 1745 году Михаил Васильевич Ломоносов делает первый перевод на русский язык тридцатой оды Горация «К Мельпомене» (Exegi monumentum aere perennius…). Позже этот наиболее, пожалуй, известный из текстов Горация переводили многие русские поэты, начиная с Державина, Батюшкова и Пушкина. И каждый вносил в перевод что-то свое, поминал свои заслуги, то, что он сам считал для себя важным. Так поступил и Ломоносов. Но начальные ее строки могли бы послужить эпитафией Ивану Ивановичу:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.

Глава 4. Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова

1

К концу XVIII века в женщинах-дворянках уже не осталось ровным счетом ничего от «теремных затворниц» эпохи Алексея Михайловича. И от веселых, сообразительных и хитрых дам петровской и елизаветинской эпохи. Теперь в моде женщина, выкроенная по лекалам просветителей, четко знающая «что такое хорошо и что такое плохо», сама выбиравшая себе жизненный путь и спутника жизни. Историк и литературовед Юрий Лотман в знаменитом эссе «Мир женщины» рассказывает: «Женщина этой поры не только была включена, подобно мужчине, в поток бурных изменений жизни, но начинала играть в ней все большую и большую роль. И женщины очень менялись».

У всех этих женщин было нечто общее – они много читали, причем читали они книги совершенно определенного содержания. Те самые сочинения французских философов-просветителей, которые сводили с ума всю Европу, или русские книги, столь же нравоучительного содержания.

В романе Джейн Остин «Гордость и предубеждение», написанном в начале XIX века, компания аристократов, собравшихся с загородном поместье, от нечего делать обсуждает образ идеальной женщины:

«– По-настоящему образованным может считаться лишь тот, кто стоит на голову выше всех окружающих. Женщина, заслуживающая это название, должна быть хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка – иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину.

– Всем этим она действительно должна обладать, – сказал Дарси. – Но я бы добавил к этому нечто более существенное – развитый обширным чтением ум.

– В таком случае меня нисколько не удивляет, что вы знаете только пять-шесть образованных женщин. Скорее мне кажется странным, что вам все же удалось их сыскать.

– Неужели вы так требовательны к собственному полу и сомневаетесь, что подобные женщины существуют?

– Мне они не встречались. Я никогда не видела, чтобы в одном человеке сочетались все те способности, манеры и вкус, которые были вами сейчас перечислены».

Джейн Остин – писатель-реалист, ее любимые героини твердо стоят на земле и интересуются не только содержимым книг, но и окружающим их миром, а главное – человеческим обществом,

нравами и характерами. Хотя при случае и они не прочь уединиться с книгой.

Но совсем недавно, в XVIII веке «развитый обширным чтением ум» считался совершенно необходимым для спасения души, как мужской, так и женской. Софья, идеальная «разумная девица нового времени» (на что указывает ее имя), героиня пьесы Фонвизина «Недоросль», появляется на сцене с книгой.

«Софья (одна, глядя на часы). Дядюшка скоро должен вытти. (Садясь.) Я его здесь подожду. (Вынимает книжку и прочитав несколько.) Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! (Прочитав опять несколько.) Нельзя не любить правил добродетели. Они – способы к счастью».

Что читает Софья? Не роман, но и не научный трактат. Какой-то сборник правил поведения на все случаи жизни, похожий на «Юности честное зерцало» – книгу, составленную по приказу Петра I для просвещения российских недорослей. Нашлось там место и для поучения девицам. Список же девичьих добродетелей по мнению автора таков: «Охота, и любовь к слову, и службе Божеи, истинное познание Бога, страх Божии, смирение, призывание Бога, благодарение, исповедание веры, почитание родителем, трудолюбие, благочиние, приветливость, милосердие, чистота телесная, стыдливость, воздержание, целомудрие, бережливость, щедрота, правосердие, и молчаливость, и протчая».

А что читали реальные девушки и молодые женщины XVIII века?

* * *

Вот какую историю рассказывает о своих юных годах в Петербурге Екатерина II – в столицу приезжает из Швеции дипломат, граф Карл Юлленборг (Екатерина пишет – Гюлленборг), и он советует молодой великой княгине, как с пользой проводить то немногое свободное время, которое у нее остается: «Прибыв в Петербург, он пришел к нам и сказал, как и в Гамбурге, что у меня философский склад ума. Он спросил, как обстоит дело с моей философией при том вихре, в котором я нахожусь; я рассказала ему, что делаю у себя в комнате. Он мне сказал, что пятнадцатилетний философ не может еще себя знать и что я окружена столькими подводными камнями, что есть все основания бояться, как бы я о них не разбилась, если только душа моя не исключительного закала; что надо ее питать самым лучшим чтением, и для этого он рекомендовал мне „Жизнь знаменитых мужей“ Плутарха, „Жизнь Цицерона“ и „Причины

величия и упадка Римской республики“ Монтескье.

Я тотчас же послала за этими книгами, которые с трудом тогда нашли в Петербурге, и сказала ему, что набросаю ему свой портрет так, как себя понимаю, дабы он мог видеть, знаю ли я себя или нет. Действительно, я изложила на письме свой портрет, который озаглавила: „Портрет философа в пятнадцать лет“, и отдала ему. Много лет спустя, и именно в 1758 году, я снова нашла это сочинение и была удивлена глубиною знания самой себя, какое оно заключало. К несчастью, я его сожгла в том же году, во время несчастной истории графа Бестужева, со всеми другими моими бумагами, боясь сохранить у себя в комнате хоть единую. Граф Гюлленборг возвратил мне через несколько дней мое сочинение; не знаю, снял ли он с него копию. Он сопроводил его дюжиной страниц рассуждений, сделанных обо мне, посредством которых старался укрепить во мне как возвышенность и твердость духа, так и другие качества сердца и ума. Я читала и перечитывала несколько раз его сочинение, я им прониклась и намеревалась серьезно следовать его советам. Я обещала это себе, а раз я себе обещала, не помню случая, чтобы это не исполнила. Потом я возвратила графу Гюлленборгу его сочинение, как он меня об этом просил, и, признаюсь, оно очень послужило к образованию и укреплению склада моего ума и моей души».

Екатерина II

А вот рассказ о юности другой современницы Екатерины, и, кстати, ее тезки: «Мой дядя ничего не жалел, чтобы дать нам лучших учителей, и по тому времени мы были воспитаны превосходно. Нас учили четырем языкам, и по-французски мы

говорили свободно; государственный секретарь преподавал нам итальянский язык, а Бехтеев давал уроки русского, как плохо мы ни занимались им. В танцах мы показали большие успехи, и несколько умели рисовать.

С такими претензиями и наружным светским лоском кто мог упрекнуть наше воспитание в недостатках? Но что было сделано для образования характера и умственного развития? Ровно ничего. Дядя не имел времени, а тетка – ни способности, ни призвания.

Я по природе была гордой, и эта гордость соединялась с какой-то необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца; потому одним из пламенных моих стремлений было желание быть любимой всеми, кто окружал меня, и притом так же искренне, как я любила их. Это чувство, когда мне исполнилось тринадцать лет, до такой степени укоренилось во мне, что я, добиваясь расположения тех людей, которым мое юношеское и восторженное сердце было горячо предано, вообразила, что я не могу найти ни взаимного сочувствия, ни ответа на свою любовь; вследствие этого я скоро разочаровалась и считала себя одиноким существом.

В таком странном настроении духа мое разочарование в дружбе послужило на пользу моему воспитанию, по крайней мере в той степени, в какой это было необходимо развитию моего рассудка. Около этого времени я заболела корью; по силе указа, изданного по этому случаю, было запрещено всякое сношение с двором тех семейств, которые страдали оспой, из опасения заразить великого князя Павла. Едва возникли первые симптомы моей болезни, меня послали за семьдесят верст от Петербурга в деревню.

Во время этого случайного изгнания я находилась под надзором одной немки, жены русского майора. Эти люди, одинаково холодные, не вызвали во мне никакого юношеского расположения к себе. Я не питала к ним ни малейшей симпатии, а когда болезнь ослабила мое зрение, я лишилась последнего утешения – читать книги. Моя первоначальная резвость и веселость уступили место глубокой меланхолии и мрачным размышлениям обо всем, что окружало меня. Я сделалась серьезной и мечтательной, неразговорчивой и никогда без предварительно обдуманного плана не удовлетворяла своей любознательности.

Как только я могла приняться за чтение, книги сделались предметом моей страсти. Бейль, Монтескье, Буало и Вольтер были любимыми авторами; с этой поры я стала чувствовать, что время, проведенное в уединении, не всегда тяготит нас, и если

прежде я искала с детским увлечением одобрения со стороны других, теперь я сосредоточилась в самой себе и стала разрабатывать те умственные инстинкты, которые могут поставить нас выше обстоятельств… Я просиживала за чтением иногда целые ночи с тем умственным напряжением, после которого следовала бессонница, и на взгляд казалась до того болезненной, что мой почтенный дядя беспокоился за мое здоровье, в чем приняла участие и императрица Елизавета. По ее приказанию много раз посетил меня первый ее медик, Бургав; он с особенным вниманием занялся мной и нашел, что общее здоровье еще не повреждено и болезненное мое состояние, возбудившее опасения со стороны моих друзей, происходило больше от нравственного нерасположения, чем от физического расстройства. Вследствие этого мнения стали осаждать меня тысячами вопросов, но я не призналась в истине, да едва ли и сама могла понять ее; но если бы я и сумела объяснить, то скорей возбудила бы упреки, чем симпатию и участие к себе. Говоря об особенностях своего ума, я должна также упомянуть о той гордости и раздражительности, которые, не встретив осуществления романтических видений фантазии, заставили меня искать это воображаемое счастье внутри себя. Таким образом, я решила таить свои чувства, и в то время, когда мое лицо покрывалось бледностью и видимым изнеможением, что я приписывала слабости нервов и головным болям, мой ум постепенно мужал среди своих ежедневных трудов…

Все иностранцы, артисты, литераторы и посланники, посещавшие дом моего дяди, подвергались пытке от моей неугомонной любознательности. Я расспрашивала их о чужих краях, о формах правления и законах; и сравнения, выводимые из ответов, пробудили во мне горячее желание путешествовать. Но в это время у меня недоставало духу пуститься в такое предприятие. Между тем, мрачные предчувствия скорби и горя, обыкновенные спутники нежных темпераментов, рисовали передо мной все мое будущее, и я содрогалась при созерцании тех зол, с которыми не в силах была бы бороться. Шувалов, любовник Елизаветы, желавший прослыть меценатом своего времени, узнав, что я страстно люблю читать книги, предложил мне пользоваться всеми литературными новинками, которые постоянно высылались ему из Франции. Это одолжение было источником бесконечной радости для меня, особенно когда я на следующий год после своего замужества поселилась в Москве; в здешних книжных лавках было не многим больше того, что я уже перечитала, и некоторые из этих сочинений имела в своей собственной библиотеке, состоявшей почти из 900 томов; я употребила на эту

коллекцию все свои карманные деньги. Энциклопедия и словарь Мореры были приобретены в том же году; никогда никакие самые изящные и ценные игрушки не доставляли мне и половины того удовольствия, которое я чувствовала при этом приобретении. Любовь моя к брату Александру во время его путешествия дала мне случай завести с ним правильную переписку. Каждый месяц два раза я уведомляла его обо всех новостях придворных, городских и военных; этой корреспонденции я обязана образованием своего слога, хотя и не могу судить о его достоинствах».

Эту женщину и сейчас можно увидеть в Петербурге. Она сидит у ног своей императрицы на памятнике в сквере Александринского театра. На ее коленях книга, которую он внимательно читает. Это – Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова.

2

Екатерина Воронцова, потомок одного из славных дворянских родов, многие члены которого были выдающимися государственными людьми. Воронцовы считали своим родоначальником варяжского воина Сигмундера, который в 1027 году приехал на Русь из Скандинавии и событие это было отмечено в Киево-Печерском патерике. Члены семьи Воронцовых были приближенными царя – воеводами и стольниками еще со средних веков. Дед нашей героини, Илларион Гаврилович Воронцов, при Петре и Анне служил воеводой в различных восточных провинциях, но попался на взятке и был отправлен в Сибирь. Потом ему позволили вернуться. У него было три сына – Роман, Михаил и Иван и дочь Дарья.

Братья Воронцовы поддержали Елизавету, участвовали в перевороте и после победы получили заслуженные награды. Особенно близок к новой императрице оказался старший брат – Михаил Илларионович. Не забыли и отца: он был осыпан чинами и наградами, стал действительным статским советником, получил орден Св. Александра Невского, служил в Московской конторе Правительствующего Сената и в возрасте 70 лет уволен со службы в чине тайного советника (IV класс Табели о рангах), умер в почете в 1750 году.

Его старший сын Михаил, участвовавший в аресте Анны Леопольдовны, и попал в «фавор», женился на Анне Карловне Скавронской, дочери графа Карлы Самойловича Скавронского, родного брата Марты Скавронской, жены Петра и позже – русской императрицы Екатерины I. Елизавета любила свою кузину, приблизила ее к себе, а после переворота сделала статс-дамой, а потом – обер-гофмейстериной. Братья Воронцовы получили титул графов Священной римской империи – обычный путь для получения графского достоинства нетитулованным дворянином в XVIII веке. Из четырех рожденных в семье Михаила детей выжила только старшая дочь Анна.

Второй брат, Роман, был в числе тех, кто увозил из Петербурга Анну Леопольдовну, ее мужа и детей, позже женился на богатой купеческой дочери, Марфе Ивановне Сурминой. Все пятеро его детей – два сына и три дочери благополучно пережили младенческий возраст и выросли. За Романом тянулась слава взяточника и большого чудака, например, он настолько боялся кошек, что приходилось прятать их, когда он проезжал через город. А за то, что был нечист на руку, получил прозвище «Роман, большой карман». Впрочем, неизвестно, насколько эта слава

заслужена, возможно, это только слухи, пущенные недоброжелателями, а разумеется, при Дворе у братьев Воронцовых их было достаточно.

Михаил Илларионович покровительствовал детям брата: на его деньги сыновья Романа Илларионовича ездили учиться за границу, он же после смерти Марфы Ивановны, когда Роман Илларионович завел себе вторую, «не венчанную» жену – англичанку Елизавету Брокет, взял на воспитание в свой дом обоих племянников и племянницу, ту самую Екатерину Романовну. Благодаря его связям она попала ко Двору и на короткое время стала задушевной подругой молодой великой княгини, а затем и императрицы Екатерины Алексеевны.

Ее старшие сестры Мария и Елизавета Романовна, воспитывались у третьего брата – Ивана Илларионовича, сенатор, действительный камергер, президент Вотчинной коллегии в Москве, и стали фрейлинами раньше, чем Екатерину взяли ко Двору. Елизавета Романовна к тому же была любовницей великого князя Петра Федоровича, супруга Екатерины. Конечно, эта связь очень обижала будущую императрицу и в записках она не скрывает недоброжелательного отношения к Елизавете. Она пишет: «Императрица взяла ко двору двух графинь Воронцовых, племянниц вице-канцлера, дочерей графа Романа, его младшего брата. Старшей, Марии, могло быть около четырнадцати лет, ее сделали фрейлиной императрицы; младшая, Елисавета, имела всего одиннадцать лет; ее определили ко мне; это была очень некрасивая девочка, с оливковым цветом лица и неопрятная до крайности. Они обе начали в Петербурге с того, что схватили при дворе оспу, и младшая стала еще некрасивее, потому что черты ее совершенно обезобразились и все лицо покрылось не оспинами, а рубцами».

Однако Петр III любил ее очень сильно, в этом сходятся все мемуаристы. Отрекаясь от престола, он просил непременно оставить при нем его любовницу, слугу-арапа и скрипку, на которой любил, но по мнению Екатерины, совершенно не умел играть. После смерти Петра III Екатерина милостиво выдала любовницу своего покойного мужа за полковника, потом статского советника Александра Ивановича Полянского и удалила ее от Двора.

* * *

В 1758 году юная Екатерина выходит замуж за князя Дашкова. Это брак по любви, в котором вскоре родился сын.

Однако Дашковой мало было быть только женой и матерью. Дочь сенатора и сестра государственного советника сближается с супругой императора, и помогает ей взойти на престол. В день переворота Екатерина Дашкова практически безотлучно находилась при императрице, однако позднее братьям Орловым удалось оттеснить княгиню от престола и поссорить «Екатерину Малую» (такое прозвище получила Дашкова при Дворе) с «Екатериной Великой».

«Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и очень желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести вследствие своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста, и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, однако все лица имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщили ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности. И.И. Шувалов, самый низкий и самый подлый из людей, говорят, написал тем не менее Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменила правительство этой Империи; выведите, пожалуйста, из заблуждения этого великого писателя.

Приходилось скрывать от княгини пути, которыми другие сносились со мной еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала, а за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли», – писала Екатерина Понятовскому.

В 1769 году овдовевшая Екатерина Романовна, почувствовав охлаждение своей царственной подруги, уехала за границу, для то го чтобы дать образование своим детям. Она посещает Германию, Англию, Францию, Швейцарию, Пруссию. Ее принимают при иностранных дворах, где она демонстрирует себя как образованную и независимо мыслящую русскую женщину.

Например, когда в 1770 году Дашкова приезжает в Париж и встречается с Дени Дидро, тот упрекает княгиню за то, что в России до сих пор существует рабство. Дашкова ответила французскому философу, что «свобода без просвещения породила бы только анархию». Она утверждает, что крепостные – люди по большей части темные и необразованные, им просто не выжить без мудрого руководства просвещенных помещиков, и он сравнивает крепостных со слепыми, живущими на вершине крутой скалы: они счастливы, пока не подозревают о грозящей им опасности, но стоит им прозреть, и им придется проститься со счастьем и душевным покоем. По словам Дашковой, Дидро,

услыхав притчу о «слепцах», «вскочил со стула, будто подброшенный неведомой силой. Он зашагал большими шагами и, плюнув в сердцах проговорил одним духом: „Какая вы удивительная женщина! Вы перевернули представления, которые я вынашивал в течение двадцати лет и которыми так дорожил!“». Кажется, Екатерина Романовна немного преувеличивает, или Дидро оказался настоящим французом и не мог не польстить даме.

Е. Р. Воронцова-Дашкова

В другой раз Екатерина Романовна и ее брат русский посланник в Англии Семен Романович Воронцов встречаются за ужином с Бенджамином Франклином – одним из отцов-основателей американского государства, участвовавшим в составлении Декларации независимости. На этот раз у нее есть «независимый эксперт»: ужин организовывал полномочный представитель российской империи во Франции князь Иван Сергеевич Барятинский. Подробностей этой встречи не

сохранилось, но Барятинский замечает в письме Остерману, что русские гости имели с весьма почитаемым в Европе представителем Нового Света «продолжительную беседу, живую, искрометную, веселую и вместе с тем совершенно серьезную, в которой прежде всего затрагивались темы политико-философские».

3

В Россию Екатерина Романовна вернулась только в 1782 году, оставив сына учиться в Эдинбургском университете. Екатерина II вновь обратила на нее внимание. Вероятно, до нее дошли рассказы о беседах Дашковой с французскими просветителями и о том, как она отстаивала честь своей родины и своей императрицы в Европе. Такая преданность должна быть вознаграждена. Екатерина Великая знает, что Екатерина Малая тщеславна, что она гордится своим умом и образованностью, и находит способ удовлетворить это тщеславие. Через некоторое время императрица назначает Дашкову директором Академии наук, обширное хозяйство которой было к тому времени сильно расстроено. Этим назначением императрица делает имя заодно и себе: хотя философы-просветители много писали о женском уме и о женских правах, но нигде в Европе женщина еще не занимала подобный пост.

От Екатерины Романовны ожидали прежде всего, что она, как рачительная хозяйка, приведет в порядок счета Академии, сильно пострадавшие от ее предшественника – профессора Сергея Герасимовича Домашева. Она в самом деле расплатилась с долгами, снизив цену на книги, печатаемые в Академии, и, распродав большое количество изданий. На вырученные деньги она смогла принять в гимназию 50 учеников – будущих студентов университета и 40 подмастерьев, обучающихся искусству (Академия наук и Академия художеств были в то время единым учреждением).

Затем княгиня представила императрице проект учреждения Российской академии главным предметом, которой поставлено очищение и обогащение русского языка, утверждение общего употребления слов. Задачей новой академии стало составление российской грамматики, российского словаря, риторики и правил стихосложения. Княгиня открыла при Академии три бесплатных общедоступных курса: математики, геометрии и естественной истории, учредила переводческий департамент. Под ее руководством Академия издает 6-томный словарь русского языка, труды Ломоносова и других русских ученых, а также журнал «Собеседник любителей российского слова», с которым сотрудничают Державин, Фонвизин и Княжнин.

* * *

Интересны статьи и открытые письма, опубликованные в «Собеседнике», в которых Дашкова излагает свои взгляды на воспитание. Так, например, в сочинении, которое так и называется «О смысле слова воспитание», она делает краткий набросок взглядов на воспитание четырех поколений россиян:

«Прадеды наши называли воспитанием то, когда они выучат детей своих псалтыри и считать по счетам; после чего просвещенному своему сыну в награждение дарили киевского тиснения часовник; но учили притом к царю верности, к закону повиновению, твердого наблюдения данного слова или обещания; а как сами других областей не знали, так и деток своих из Отечества, кое они ценили выше других государств, не пускали.

Сие воспитание едва воспитанием назваться может, ибо должность гражданина и право естественное юношеству было неизвестно. Они без зазору еще могли пребывать суровыми мужьями и отцами, немилосердыми господами, и отличные природные дарования невидимы исчезали; они и нужны не были, ибо без просвещения к исполнению только того, что от них требовалось, малейшее количество ума достаточно было. Но в оном воспитании незнание, а не развращение видимо было; что, по моему мнению, предпочтительно или по крайней мере не столь бедственно: ибо неуча научить можно скорее, нежели развратного исправить. Путешествие же по чужим государствам невежде, не приуготовленному к тому воспитанием и не имеющему в сердце своем вкорененной к Отечеству и родителям любви, только к пагубе послужить удобно. Напротив того, путешествия с намерением просвещаться, перенимать хорошее, а убегать порицательного, с приуготовленными уже к тому знаниями молодому человеку конечно весьма полезны быть могут.

Деды наши воспитание понимали уже несколько иначе. Ябеда[15] их поощрила детей своих учить уложению[16]. Скоро потом артикул[17], с сказкою Бовы королевича читался. Наконец, и арифметикою не все пренебрегали.

Но и сие воспитание конечно не выполняет смысла, который слово воспитание в себе содержит. Однако воспитанники тогдашние не стыдились еще быть русскими.

Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян. В их век просвещение, дошедшее к нам от французов, казалось им, так изобильно водворилось в Отечестве нашем, что знатный один господин в тысяча семьсот пятьдесят не помню котором году, с восторгом говоря приехавшему вновь сюда, доказывал ему о просвещении тогдашнем тем, что завелись уже в

России marchandes de mode[18], французские обойщики, швейцары, и наконец, – о дивное дело! – что установлена и лотерея; хотя барыш, с оной получаемый, не в помощь бедных, больных или престарелых употребляем был. Тогда танцмейстеры, французские учители или мадамы, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в Отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большей части бывали.

Нередко случалось слышать, особливо в замоскворецких съездах или беседах, как-то на родинах, именинах или крестинах:

– Что ты, матушка, своей манзели даешь?

– Дарага, праклятая, дарага! да что делать; хочется воспитать своих детей благородно: сто восемьдесят рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на месяц ей даю.

– И матушка! я так своей больше плачу: двести пятьдесят рублей на год, да домашних всяких припасов даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моет кружево мое и чепчики мне шьет; да и Танюшу выучила чепчики делать. Нынче, матушка, уж и замуж дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умеет; а постричь ее ведь нельзя же. Как быть! да я и сама таки люблю французское благородство и надеюсь, что дочь моя в грязь лицом не ударит. Учителями же бывали не только парижские лакеи, но и таковые, которые уже и в России ливрею носили.

Воспитание сие не только не полезным, но и вредным назваться может: ибо лучше бы было Танюше не уметь чепчиков шить, кружева мыть и по-французски болтать, да не иметь и тех гнусных в голове и сердце чувствований, кои подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает. Она бы могла быть лучшею женою, матерью и госпожою, если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была, и если бы она имела любовь к Отечеству вместо пренебрежения, кое мамзелюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветреность и небрежение в себе показывала: тогда бы можно было заключить, что родители ее правильнее о слове воспитание понятие имели, нежели Танюшино поведение подает повод думать.

Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали. Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове воспитание, прибавя к разврату, который учители и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, окроме веселия, без рассудка, без нужного примечания, и погружая себя в

Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком домой беспоправочны возвращаются. А как пребывание в Париже, по их мнению, им дает поверхность над теми, кои в нем не были, и как притом число не бывших в Париже почти можно считать как 1 противу 1000, то по мере сей пропорции и высокомерятся, во всяком случае отличаются такою надменностию, что и в собраниях, для коих они только себя и прочили, несносными себя делают. Не в поле, не в совете или служении Отечеству они себя отличить и посвятить хотят: танцы, клавикорды или скрипка, разговоры о театрах и действующих на оных – вот благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают. Наглость и надменность, обыкновенные спутники незнания, и в сообществах быть вожделенными им препятствуют; ибо они так надоедают, перебивая у всех речь, говоря о всем решительным образом, пренебрегая все то, что здесь видят, а решения свои свыше всякой апелляции считая, для того, что они были в Париже, почему, обнажив наконец свою ветреность и ничтожество, перестают скоро быть званными или желаемыми и в самых тех собраниях, где, кажется, другого намерения нету, как только время проводить или, лучше сказать, потерять оное. Дочери наши стараются мотовством своим прославиться. Petite santê и vapeurs[19] есть щит и шлем, коими они защищаются или под коим они укрываются, когда им родители или рассудительный муж представлять станут что-либо вопреки того, что, они думают, французская manière de vivre[20] узаконяет. Романы читать, на клавикордах и арфе бренчать есть главное их упражнение. Родители хороших правил детям своим не вперяют, к размышлению их не приучают; чему же дивиться, когда так мало браков совершаются или что совершившиеся скоро разрываются. Основательно мыслящий молодой человек для того жениться опасается, чтоб с женою он не получил и долгов, на оплату коих имения его недостаточно быть может; легкомысленный парижский россиянин не женится для того, что c'est du bon ton[21] быть холостым, и для того, что не хочет умножить трудностей, коими он уже обременяется, увертывался и обманывая своих кредиторов. И наконец, для того, чтобы не терять на воспитание детей и домостроительство своего времени, которое он на театральные действия употребляет; оного бы недоставало ему для учения роли, кои он в комедии или драме с такою славою и с собственным удовольствием представляет, если б он должность мужа женатого на себя предпринял.

Но сколь ни велико усердие мое, чтоб слову воспитание

прямой смысл здесь вывесть, а чрез то самое внимание родителей к полезному воспитанию детей обратить: как издатель «Собеседника» не мог я себе дозволить дальнейшего здесь распространения, чтоб чрез то не исключить из сей книги другого роду сочинений, кои, может быть, некоторым читателям приятнее покажутся; почему, сократив сие, прибавлю здесь только некоторые аксиомы, коих, по мнению моему, всякому родителю, или вождю юношества, знать надлежит.

Воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается.

Воспитание ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают.

Воспитание не в одних внешних талантах состоит: украшенная наружность вкусом или действиями, кои от танцмейстера, от фехтмейстера и прочее получаются, без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство, кое становится с летами ненужным и конечно мужу зрелого ума не инако как для редкого употребления в сообществе пригодным.

Воспитание состоит не в приобретении только чужих языков, ниже в науках одних; ибо и ремесленный человек, определяя сына своего к какому-нибудь также ремеслу, если только что оному его выучит, а не даст ему чрез воспитание крепости и силы, могущей переносить труды телесные, и не вперит ему как поучениями, так и примером своим любви к трудам, к трезвости, верности и порядку; он не может надеяться зреть его благополучным: ибо он не влиял в сердце сына своего того основания, на коем единственно благосостояние созидаться может, и не доставил ему также той бодрости тела, которая для трудов весьма нужна. Кольми паче возвышенное состояние, которое с собою приносит власть и способы добродетельствовать, и силу делать притеснение и обиды зависимым и подчиненным, требует такового воспитания, в коем бы человеколюбие, справедливость и добродетель твердое основание имели, а здоровье, утвержденное благоразумным физическим воспитанием, соделывало питомца храбрым, к войне и трудам способным и во нраве своем благоприятным и равным.

Почему заключить можно, что слово воспитание прямого, к несчастию нашему, определенного смысла у нас еще не имеет. Разум оного обширен, пространен и содержит в себе три главные части, которых союз выполняет его существо; то есть совершенное воспитание состоит из физического воспитания, из нравственного и, наконец, из школьного или классического. Первые две части всякому человеку необходимо нужны, третия же некоторого звания людям нужна и прилична, но притом не лишняя никому и

украшает и самую высшую степень знатности, в коей таковые приобретенные красоты ума с большим блеском оказываются и сияют. Просвещение в вельможе несчетную пользу обществу приносит, поелику подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или таканье, но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении».

Примечательно еще и то, что в этой статье Дашкова говорит о себе в мужском роде и величает себя «издателем „Собеседника“», очевидно, она опасается, что отношение и к журналу и к статье будет совсем иным, если она публично объявит о своей принадлежности к женскому роду.

На статью последовал ответ анонимного критика (вероятно это Екатерина II) также писавшего о себе в мужском роде. Критик попенял автору за то, что тот «не довольно обстоятельно разделили воспитание полу женского и мужского», и вместе с тем не уделил достаточно внимания такому, считающемуся традиционно женским качеству, как чувствительность.

«Чувствительность, – пишет императрица, – есть слово, которое тем более достойно вами быть изъяснено, что ложный смысл, который к оному привязывают, рождает порочное расположение духа; а она есть прямой источник добродетели и снисходительного нрава. Благородная или похвальная чувствительность есть не что иное, как внутренний в душе и совести нашей монитор (увещатель), который остерегает нас противу поступка или слов, кои могут кому-нибудь нанести зло или оскорбление; она осязательно и поспешно представляет воображению нашему, сколь бы таковой поступок или слово огорчило дух наш: почему и претит нам оное противу ближнего соделывать; одним словом: благородная чувствительность есть дщерь чистой и недремлющей совести. Руководствующие воспитанием юношей должны ее рождать и вкоренять в младые сердца их питомцев и разделять оную с ложною чувствительностию, коя в лучшем смысле слабостию назваться может, но коей действие наконец нрав весьма развращает. Придираться, сердиться, скучать, без причины грустить: вот плоды ложной чувствительности тогда, когда благородная чувствительность относит печность и внимание наше к удовольствию собратий наших».

При этом она замечает, что: «Ваш Собеседник сделался всеобщим чтением… девушки молодые мне знакомые без скуки Собеседника читают».

В письме, обращенном к своей английской подруге Кэтрин Вильмонт, Дашкова делится собственным опытом воспитания, отмечая важность того, чтобы воспитание не превращалось в

дидактику и муштру, чтобы воспитатель согласовывал свои действия с интересами и потребностями воспитанника:

«В 16 лет я была матерью. В сем возрасте воображению позволено летать быстро, без расчета и без сомнения. Дочь моя не могла пролепетать еще ни единого слова, а я уже помышляла дать ей воспитание совершенное. Я была удостоверена, что на четырех языках (я еще тогда не знала английского языка, после мною выученного во время первого путешествия, но уже читала по-французски Локково о сем творение), довольно мною знаемых, читая все то, что о воспитании было писано, возмогу я извлечь лучшее, подобно пчеле, и из частей сих составить целое, которое будет чудесно. Все прочтенное мною показалось мне, однако, недостаточным. Если я удивлялась Локку в физическом воспитании, то казалось мне, что различные климаты, различные телосложения долженствовали ввести в оное постепенные перемены, которые бывают внушаемы токмо рассудком и направляемы единою неутомимою и непрестанно бодрствующею материнскою любовью. Во всех моих предприятиях всегда была я непоколебима; я продолжала размышлять о сем предмете тем с большим жаром, что все мои чтения о воспитании не представили еще мне целого, неподвижного и полного.

Наконец пришло мне в мысли, что по крайней мере можно найти некоторые правила, колико удобные, толико и непременные для всех детей, правила, долженствующие быть токмо твердым основанием фундамента; а что прочее могло быть переменяемо и приноравливаемо к климату, образу того правления, в коем дитя будет жить, и наконец, его телосложению и способностям. Например, три следующих слова пригодны для царя, для политика, для воина, для частного человека, для женщин и для всех различных перемен, в каковые прихоти госпожи фортуны поставляют человеков; оные слова в себе заключают основание, на коем наши деяния должны утверждаться, чтоб быть благоразумными и успешно чтоб достигать своей цели, а именно: время, место и мера. Не нужно тебе сказывать, что приноровка, или то, что кстати и ко времени, одно усовершает успех; ты знаешь, колико человек пременен и разнообразен бывает, что его физическое свойство и внезапные перемены его положения иногда делают его совсем иным, чем он был.

То, что ты могла бы мне удачливо внушить в одно время, то самое не убедило бы меня в другое; то, что ты можешь говорить или делать против меня, должно также иметь свою меру, приноровленную к положению, в каковое на то время мой разум приведен будет физическими или другими причинами, а без того

ты произведешь действие, противное желаемому тобою.

Сей я, тебе весьма известный, быв в совершенном здоровье и веселом духе, может перенести то, чего он не перенесет, когда какие-либо движения, его раздражавшие или опечалив, ослабили силу души его; наконец-то, что можно делать и говорить в одном месте, того ни делать, ни говорить нельзя в другом; коротко сказать, я представляю тебе мои три маленькие словца когда, где, сколько, которые, будучи обработаны пером твоим, могут сделаться исполинами. Вот что я положила бы начальным основанием воспитанию, если бы я могла еще льститься, что можно теорию общую, равно как и полезную воспитанию предположить.

И если бы я не знала опытом, что окончание воспитания определить не можно, что иной на пятом десятке еще требует руководства, не одними своими страстьми руководствуем, но иногда коварными и презренными людьми, слабости его узнавшими; из опыта знаю и то, что непредвидимый случай иногда усовершает и ускоряет зрелость ума тогда, когда несколько лет наставления не предуспевают; что юноша, попавшись в развратное общество, в кое ласкательством и угождениями он завлечен, будучи притом надменен, все плоды лучшего воспитания и лучших примеров так уничтожит, что в упрямстве своем, питаемом неосновательным самолюбием, едва ли опять исправиться может.

Но как бы то ни было, знать всегда и во всем меру, время и место – есть лучший ключ загадки, что есть совершенное воспитание, а притом и вернейший способ предуспевать во всем. Неизменяемое мое было всегда правило желать, да творится добро, несмотря на то, чрез кого или кем… Неизменяема я была также в обязанности отдавать справедливость и в удовольствии восхищаться теми и любить тех, кои того достойны, – чрез сие, не правду ли сказала я тебе? что ты навсегда приобрела уважение и дружбу».

* * *

В 1794 году две Екатерины снова поссорились из-за изданной Дашковой книги «Российский феатр или полное собрание всех российских феатральных пьес». В этом издании опубликована тираноборческая трагедия Княжнина «Вадим Новгородский», рассказывающую о вольности Великого Новгорода, отнятой Рюриком, и о храбром патриоте, новгородце Вадиме, вставшим на борьбу с «варяжскими захватчиками». В Екатерине, как известно,

не было ни капли крови Рюриковичей, идеального правителя она воображала вполне в духе Просвещения, советующимся с подданными. Но в Париже во всю работала гильотина, в Польше разгоралось восстание Тадеуша Костюшко, и время было совсем не подходящим для революционных пьес. Императрица приказала Дашковой изъять том из продажи, но Дашкова категорически отказалась. Она взяла отпуск и уехала в свое калужское именье, где через два года узнала о смерти Екатерины, а также о собственной отставке с поста президента, полученной от нового императора Павла.

В последующие годы она жила то в Москве, то в Петербурге, писала пьесы, роман и автобиографические записки. Англичанка, Кэтрин Вильмон, приезжавшая к ней тогда, так описывает Дашкову: «В наружности ее, разговоре и манерах есть какая-то оригинальность, отличающая ее от других людей. Она помогает каменщикам возводить стены, сама проводит дороги и кормит коров, сочиняет музыкальные пьесы, пишет статьи для печати и громко поправляет священника в церкви, если тот отступает от правил, а в театре прерывает актеров и учит и их, как надобно выполнять роли. Княгиня вместе фельдшер, аптекарь, доктор, купец, судья, администратор».

С дочерью Екатерина Романовна давно поссорилась, та, несмотря на образцовое воспитание матери, выросла мотовкой, не могла ужиться с мужем. Сын Павел тоже поссорился с матерью, женился на дочери купца и умер, не оставив детей, Екатерине Романовне суждено пережить его на три года.

В 1804 году она написала редактору журнала «Друг просвещения» и просила его опубликовать надпись к портрету Екатерины II «переведенную мною с французского российскою прозою, для того что я уже потеряла и ту малую стезю, по которой доселе я прибегала к музам; побудилась же я оный перевод сделать потому, что сочинитель превозносит и великую монархию, и великий почтеннейший народ, и что в моих понятиях отношение взаимное, как частных людей между собой, так и народов к народу, основывается не только на силе, преимуществе и важности, содержащейся в себе, но и на внутреннем о себе восчувствовании и заключении. Кажется, весьма естественно заключить можно, что если мы сами себя почитать не умеем или не хотим, то не можем ожидать, а менее еще требовать, чтоб нас почитали». Какие же чувства неведомого французского автора хотела выразить Дашкова? Она пишет о своей императрице, не один раз предавшей ее, но все же оставшейся в ее глазах идеалом одновременно монархини и задушевной подруги: «Кто более ее когда-нибудь заслуживал

благоговейное почитание. Соразмерно величию души ее ей небо дало владычество, подобное важным и пространным ее намерениям, пространный край в нашем шару ей покорил, а чтоб счастье всегда ей сопутствовало, чтоб была непобедима и слава чтоб ее бессмертною была, чтоб ничего невозможного для нее не существовало, благий Творец ей россиян подданными дал».

Александр I приглашал ее вернуться ко Двору, вновь занять место президента Академии наук, к нему присоединились и сами академики, но Дашкова отказалась, сославшись на преклонный возраст. Умерла Екатерина Романовна в 1810 году.

«Дашковою русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке в преобразовании России», – писал о княгине Герцен.

Глава 5. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический

1

Эпитафию Потемкину написал уже поэт эпохи Екатерины Великой – Гавриил Романович Державин. В его поэме «Водопад» гибель «великолепного князя Тавриды» приобретает поистине космические очертания. Это событие, к которому не остается равнодушной природа, оно эхом отзывается во всем мироздании.

Но кто там и́дет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Державин любил сам писать комментарии к своим стихом. В частности к этой строке он приписал: «Сим стихом описывается изображение лица кн. Потемкина, на челе которого, когда он был в задумчивости, видна была глубокомысленность».

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

А к этой строфе автор оставил такую приписку: «Он имел обзорчивый и быстрый ум, стремящийся к славе, по следам которого разливалось военное пламя».

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Две лепте покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр – земля; кров – воздух синь;
Чертоги – вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?

Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Державин обращается к обстоятельствам смерти Потемкина, которые мгновенно стали легендой. В 1791 году Потемкин вел в Яссе переговоры о мире с турецким посланником. Внезапно он почувствовал лихорадку и приказал ехать из Яссы в Николаев. Возок мчался по степям, а князю становилось все хуже. Недалеко от молдавского села Рэдений Веки он приказал остановиться, сказав: «Вот и все, некуда ехать, я умираю! Выньте меня из коляски: я хочу умереть на поле!» Его желание исполнили, и он умер лежа в поле, на кошме и глядя в небо. Эта сцена была изображена на гравюре, сделанной по рисунку художника Иванова Михаила Матвеевича, копии которой разошлись по всей России. Так смерть в уединении, и в безвестности, на обочине дороги стала «медиа-событием».

«Лепта» – одна их самых маленьких греческих монет. В древней Греции существовал обычай класть подобные монеты мертвым на глаза, как «плату Харону» – перевозчику, переправляющему души умерших через реку Стикс в Элизиум – пристанище блаженных душ. Таким образом, князь уподобляется Гераклу или Ахиллу, или какому-либо другому античному герою, сходящему в царство теней. Образованные дворяне екатерининских времен, читатели Державина были отлично знакомы с греческой мифологией и эта ассоциация не ускользнула бы от их внимания. И одновременно – «две лепты» это две маленьких денежки, которые «гусар, бывший за ним, положил на глаза его…. чтобы они закрылись».

А Державин продолжает:

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вО́ждем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ – хотя и не в порфире?

Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины,
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

«Северная Миневра», разумеется, Екатерина. Потемкин много лет был ее любовником, а потом, возможно, и тайным мужем. В свете говорили о том, что Потемкин ехал на последнее свидание с Екатериной, он хотел попрощаться с той, которую всегда любил, но судьба этого не позволила.

«Другом Аполлона» – Державин называет Потемкина за то, что он покровительствовал многим поэтам и писателям своего времени.

А загадочная строчка «Вознесть твой гром на те стремнины, на коих древний Рим стоял» намекает, вероятно, на мечту Екатерины о возвращении христианам Константинополя и территории Восточной римской империи, мечта, которую разделял Потемкин. Но кроме благочестивой мечты он преследовал и практические цели – получить выход к Черному морю, построить там порт, утвердить российскую власть на плодородных малороссийских землях. Малороссия и Крым стали самым драгоценным подарком, который Потемкин преподнес Екатерине.

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?

Комментарий Державина: «Им населены губернии Екатеринославской и Таврической области; он пространные тамошние степи населил нивами и покрыл городами, он на Черном море основал флот, чего и Петр В<еликий> своим усилием, заводя в Воронеже и в Таганроге флотилии, не мог прочно основать; он потрясал среду земли, т. е. Константинополь, флотом, которым командовал под его ордером адмирал Ушаков».

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг росской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Очаков и Измаил – турецкие крепости на территории современной Украины. Взятие их в ходе Русско-турецкой войны

1787–1791 годов в нашей памяти связано прежде всего с именем Суворова, и это справедливо, но не стоит также забывать о том, что общее командование войсками и императрица поручила Потемкину и он внес немалый вклад в эти победы. Позже я еще расскажу о заслугах Потемкина, как полководца, о том, что нового он подарил русской тактике, а пока прочитаем, какого мнения придерживался о полководческом даре Григория Александровича Державин: «Кн. Потемкин, а паче кн. Суворов мало надеялись на регулярную тактику, или правила, предписанные для взятия городов, но полагали удачу в храбрости и пролагали пути к цели своей изобретенными средствами при встречавшихся обстоятельствах, и потому многие искусные тактики удивлялись предводительству Потемкина, что он своим манером и, кратко сказать, русскою грудию приобретал победы».

Кажется, Державин превращается в безудержного панегириста:

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам – и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел, – но смерть тебя скосила!

Можно прочесть эти строки, как обыкновенную лесть. Державин давно состоял на службе у Екатерины, сначала секретарем «у принятия прошений», затем стал сенатором. Неизменно ко всем праздникам он писал оды. В частности – праздник, состоявшийся 28 апреля 1791 года в Таврическом

дворце, построенном по приказу Екатерины для Потемкина, затем проданном им в казну и только что вновь подаренном императрицей Григорию Александровичу за победу при Измаиле. Для этого праздника Державин написал стихи, которые исполнял хор и которые знают теперь, кажется, все (по крайней мере первую строчку: «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс». То есть у Державина имелись все причины быть любезным с Потемкиным.

Но дело в том, что Гавриил Романович славился своей искренностью и прямотой. Его обращение к императрице никак нельзя назвать подобострастным. Ему случалось сурово отчитывать государыню, если он считал, что она не уделяет должного внимания к его докладам, а однажды, когда она хотела уйти, недослушав, он схватил ее за мантилью и попытался удержать, так что испуганной Екатерине пришлось звать на помощь.

И уж не более, такой человек не стал бы лебезить перед фаворитом, пусть даже всесильным. Значит, восхищение Гавриила Романовича искреннее и его скорбь тоже.

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездна разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! – и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И всё, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны

И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Меценате рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На сребро-розовых конях,
На златозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

По свидетельству современников Екатерина, услышав о внезапной смерти Потемкина, упала без сознания, ее долго приводили в чувство. Потом она разрыдалась и все повторяла: «Кем заменить такого человека? Я и все мы теперь как улитки, которые боятся высунуть голову из скорлупы». На следующий день она писала Гримму: «Вчера меня ударило, как обухом по голове… Мой ученик, мой друг, можно сказать, идол, князь Потемкин-Таврический скончался… О, Боже мой! Вот теперь я истинно сама себе помощница. Снова мне надо дрессировать себе людей!..»

Эпитафию Потемкину написал на греческом языке архиепископ Евгений Булгар. В ней князь Таврический уподобляется Периклу, знаменитому государственному вождю, полководцу и покровителю наук и искусств древней Греции. Еще один русский поэт и переводчик В.П. Петров, как и Державин, сравнивал его в своей элегии с Меценатом.

Пушкин собирал анекдоты о Потемкине. Он записал также рассказ родственницы Натальи Николаевны «старухи Загряжской», которая хорошо знала придворное общество екатерининских времен. Однажды Наталья Кирилловна рассказала ему такую историю: «Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: „Ты не поверишь, как я о тебе грущу“. – „А что такое?“ – „Не знаю, куда мне будет тебя девать“. – „Как так?“ – „Ты моложе государыни, ты ее

переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком“. Потемкин задумался и сказал: „Не беспокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро“. И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала».

А один из биографов светлейшего князя, живший в конце XIX – начале XX века Василий Васильевич Огарков, начинает книгу о Потемкине такими словами: «Князь Потемкин-Таврический – это громкое и блестящее имя давно привлекало внимание историков и поэтов. Его необычайное возвышение и могущество, необыкновенная жизнь, закончившаяся такою же необыкновенною смертью, интересовали и тех, и других. В литературах различных стран ему посвящены исследования, поэмы и романы. Одни из историков новейшего времени и современники князя смотрели на него, как на „язву России“ и как на человека, отличавшегося только возмутительными пороками; другие, находя, что он не стеснялся никакими нравственными догмами, в то же время признавали за ним огромные таланты и большие заслуги перед государством. И этими противоречивыми взглядами, составляющими удел многих людей необыкновенных, наполнена почти вся литература о Потемкине. Но можно думать, что все эти разноречия способны слиться в том представлении о личности временщика, по которому он, являясь лицом, наделенным несомненными дарованиями и оказавшим большие государственные заслуги, в то же время в высокой степени обладал пороками своей эпохи, еще шире проявившимися в нем благодаря его кипучей, необузданной натуре и могуществу».

Завершить этот «парад цитат» будет уместно отзывом современных историков В.Г. Кипниса и М.А. Гордина, написавших предисловие к сборнику документов, озаглавленному «Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала», вышедшему в издательстве «Пушкинский фонд» в 2002 году. Вот что пишут они о нашем герое: «О причинах неограниченного, как казалось, влияния Потемкина на императрицу современникам оставалось только гадать, так как оно не могло быть разумно объяснено без понимания скрытого единства их победного духовного настроя, и разумеется, без знания их безоглядных и никому, кроме них, по сути своей неведомых замыслов. Вознесенный высоко над всеми без изъятия согражданами, князь Таврический явно выпадал из привычной системы общественных и придворных связей. Положение любимца и баловня судьбы, наделенного земными благами, сверх всякого вероятия, амплуа героя, удостоенного всех мыслимых наград и почестей за подвиги, официально признанные геркулесовскими, – все это в глазах уже

современников, а тем более потомков превращало Григория Александровича в фигуру мифологическую, чья жизнь не могла уместиться в пределах нормального человеческого существования и не укладывалась в рамки биографии, но просилась в былинное сказание, в эпическую повесть. Мифологический оттенок присутствовал даже в рассказах людей, лично и подолгу связанных с Потемкиным. Из одного воспоминания в другое переходят повторяющие друг друга эпитеты, герой которых уже больше литературный персонаж, чем реальная личность. В ряде таких эпизодов самый расхожий – картина смерти полубога и сибарита на жестком одре, на голой земле, в придорожной пыли, во прахе. И тут же анекдоты о крымском вояже императрицы Екатерины и демонстрации пресловутых „потемкинских деревень“. Тут и многочисленные вариации на тему беспричинных приступов желчной хандры с ее оборотной комической стороной (растерянность и трепет не смеющих подступиться к мрачному патрону клевретов и презрительная издевка над ними Потемкина). И множество рассказов – порою явственно вырастающих из домыслов и сплетен – о бесконечных чудачествах и причудах князя, его феноменальной памяти, неуемной любознательности, беспечности и лени, предусмотрительности и неугомонности, его обжорстве, сластолюбии, расточительности»…

Кем же был человек, оставивший по себе такую память? И чем он заслужил столь разноречивые отзывы?

2

Григорий Александрович из семьи небогатого смоленского дворянина, который, как и многие люди с амибициями, выводил свой род из польской шляхты. Александр Васильевич – отец нашего героя, когда-то участвовал в Полтавской битве и в Прутском походе, потом вышел в отставку и поселился в Москве. Был он, как говорили тогда, «крутого нрава» и «без царя с голове». Вот какую историю об отце нашего героя передает Огарков: «Рассказывают еще, что он, явившись для освидетельствования в военную коллегию, чтобы уволиться по болезни, причиненной ранами, полученными в сражениях, от службы, и узнав в одном из присутствовавших членов служившего у него когда-то в роте унтер-офицером, сказал:

– Как? И он будет меня свидетельствовать! Я этого не перенесу и останусь еще в службе, как ни тяжки мои раны!

Г.А. Потемкин

И он, действительно, после того остался еще 2 года на службе».

Отец умер в 1746 году и мать с Григорием и дочерьми перебралась в Москву.

Она отдала сына в пансион Иоганна-Филиппа Литке, бывшего ректора знаменитой Петершулле. После службы в Петербурге, Литке уезжал в Швейцарию, потом вернулся в Россию, поселился в Москве, стал пастором в новой немецкой общине и открыл частный пансион. С 1756 года Литке стал первым учителем немецкого языка в гимназии при Московском университете, куда след за ним поступил и Потемкин. Позже он учился в самом

университете, где прославился благодаря блестящим способностям и совершенно невозможному характеру. Вот что рассказывает о его юности его дальний родственник Лев Энгельгардт: «Поэзия, философия, богословие и языки латинский и греческий были его любимыми предметами, он чрезвычайно любил состязания и сие пристрастие осталось у него навсегда. Во время своей силы он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей. Любимое его было упражнение: когда все разъезжались, призывал их к себе и стравливал, так сказать, а между тем сам изощрял себя в познаниях». Звучит как байка, вроде тех «анекдотов о Потемкине», которые записывал Пушкин. Но эту байку рассказал Энгельгарту сам светлейший и, возможно, она отражает то, каким человеком он хотел прослыть у современников и потомков. В XVIII веке еще не существовало образа денди – джентльмена, который с пренебрежением относится к светским условностям, подчиняясь лишь внутреннему компасу. Но уже существовал образ «чудака» – обязательно дворянина, который повинуется только собственным прихотям и также не желает признавать условностей. Кажется, Потемкин хотел прослыть таким чудаком, по крайней мере в зрелые годы.

Так или иначе, а закончить университетский курс он так и не смог, вместо этого отправился в Петербург и поступил на военную службу в кавалергардский полк. Он был среди тех офицеров, которые поддержали Екатерину в ее претензиях на трон. Хотя поддержка Потемкина в те годы стоила не многого, но императрица заметила его, и, оценив его способности, приблизила к себе, одарила крепостными крестьянами, назначала на должности в различных министерствах и ведомствах. Вскоре придворные замечают, что Потемкин поставил себе целью завоевать сердце новой государыни. Один из мемуаристов Павел Федорович Карабанов, автор сборника «Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей», пишет: «Потемкин, при восшествии на престол Екатерины, весьма способствовал в приведении солдат к присяге и пожалован в подпоручики, а потом в камер-юнкеры. Желание обратить на себя внимание императрицы никогда не оставляло его: стараясь нравиться ей, ловил ее взгляды, вздыхал, имел дерзновение дожидаться в коридоре; и, когда она проходила, упадал на колени и, целуя ей руку, делал некоторого рода изъяснения. Она не противилась его движениям. Орловы стали замечать каждый шаг и всевозможно противиться его предприятию»…

Но тут с красавцем камер-юнкером случилось несчастье – он потерял глаз. В свете ходили слухи, что виной тому – ревность

братьев Орловых, которые заметили интерес императрицы к Потемкину и то ли подговорили кого-то вызвать молодого человека на дуэль и проткнуть ему глаз шпагой, то ли подкупили лекаря и его лекарства привели к тому, что пациент потерял глаз.

«Потемкин в отчаянии уклонился от двора, под видом болезни, и жил уединенно в полку своем, – продолжает Карабанов, – тут предположил было идти в монахи, надевал нарочно сделанную архиерейскую одежду и учился осенять свечами. Екатерина расспрашивала о нем, посылала узнать о здоровье. Однажды проезжаясь с Григорием Орловым, приказала остановиться против его жилища; Орлов был послан для свидания, а Потемкин, избегая оного, скрылся через огород к полковому священнику, с которым делил время. Императрица пожелала его увидеть, и он снова показался у двора».

Наконец Потемкин решает, что сидеть и ждать «у моря погоды», в надежде, что императрице опостылеет Григорий Орлов и она снизойдет до своего покорного слуги – недостойно мужчины. Но одновременно он не хочет упускать случая произвести впечатление на «предмет своей безнадежной страсти». Поэтому он подает Екатерине прошение: «Я Ваши милости видел с признанием, вникал в премудрые указания Ваши и старался быть добрым гражданином. Но Высочайшая милость, которою я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне В. В. усердием. Я обязан служить государыне и моей благодетельнице, и так благодарность моя тогда только изъявится во всей своей силе, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь пролить… Вы изволите увидеть, что усердие мое к службе Вашей наградит недостатки моих способностей, и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем…».

Екатерина была растрогана, и Потемкин, вероятно, довольный произведенным эффектом уезжает добровольцем на войну.

* * *

Русско-турецкая война 1768–1774 годов велась за приз, о котором мечтал еще Петр I – выход к Черному морю, а в перспективе – к Средиземному с его проливами. Где-то вдали маячил «Крест на святой Софии», освобождение Греции от османского ига и власть России над Средиземноморьем и Балканами – «мягким подбрюшьем Европы», как назовет их позже мастер лаконичных формулировок Уинстон Черчилль.

Потемкин был вместе с войсками генерал-аншефа князя А.М.

Голицына, осаждавшего крепость Хотин на Днестре. Вскоре Голицын уже доносил Екатерине: «Непосредственно рекомендую В. В. мужество и искусство, которое оказал в сем деле генерал-майор Потемкин; ибо кавалерия наша до сего времени еще не действовала с такою стройностью и мужеством, как в сей раз, под командою вышеозначенного генерал-майора».

Позже Григорий Александрович оказался вместе со сменившим Голицына Румянцевым на Дунае, на территории современной Румынии.

4 января 1770 года Григорий Потемкин с отрядом в две с половиной тысячи человек столкнулся с турецкими силами, превышающими его почти в два раза. Что делать? Отступить, рискуя потерять много воинов, если турки бросятся в погоню? Уйти в глухую оборону, надеясь, что туркам просто надоест и они сами уйдут с поля боя? О том, какое решение принял Потемкин, рассказывает военный историк Борис Кипнис: «Потемкин не зря всю жизнь возил с собой библиотеку: этот бойкий русский ум возродил то, что, казалось, умерло вместе с Римской империей – знаменитый манипулярный строй легионеров. Он построил небольшое войско в пять батальонных каре по 500 солдат в две линии в шахматном порядке. Такому построению доступна любая местность. Под командой опытного легата легион преодолевает все: болота, кустарники, лес, холмы. И обрушивается на врага, когда тот его не ожидает. Когда нужно, их можно свернуть в когорты. Отразить атаку врага, а потом ударить. Вот так и поступил Потемкин. Турки не смогли пробиться через этот боевой порядок под огнем русских мушкетов и артиллерии. Восемь раз турецкие корпуса на различных пунктах дунайской обороны переходили реку и каждый раз их поражали именно таким способом. Только чума в тот момент смогла остановить наступление русской армии… Румянцев оценил идею Потемкина и, используя это построение, повел армию на великого визиря. Сегодня это кажется сказкой: у великого визиря в Молдавии было четверть миллиона солдат против 30 тысяч русских. За четыре недели Румянцев сначала разбивает 40-тысячный турецкий корпус при Ларге; через две недели – 70-тысячный при Рябой Могиле. И наконец, на берегах Кагула, имея 17 тысяч солдат, он сокрушает 150-тысячную армию великого визиря… У султана больше не было армии».

Недаром граф Румянцев в письме Екатерине хвалил Потемкина: «Сей чиновник, имеющий большие способности, может сделать о земле, где театр войны состоял, обширные и дальновидные замечания, которые по свойствам своим заслуживают быть удостоенными высочайшего внимания и

уважения, а посему и вверяю ему для донесения Вам многие обстоятельства, к пользе службы и славы империи относящиеся…»

Кагульский обелиск. Современное фото

Потемкин участвовал в битвах при Фокшанах, Ларге и Кагуле, разбил турок при Ольте, сжег Цыбры, взяв в плен много турецких судов и 27 июля (7 августа) 1770 года награжден орденом Св. Георгия III степени.

В память о победе при Кагуле Екатерина велела установить в парке Царского Села Кагульский обелиск. Потемкину же она писала: «Я уверена, что все то, чего вы сами предприемлете, ничему другому приписать не должно, как горячему Вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу Вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то Вас прошу попустому не даваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься зделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею ответствовать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна».

3

В любовных романах XVII – начала XVIII века завоевание благосклонности возлюбленной часто сравнивалось с осадой крепости. Была даже книга, написанная в 1679 году и изданная в России 1751-м, которая так и называлась «Подлинное известие о славнейшей крепости, называемой Склонность, ея примечанию достойной осады и взятья купно с приложенным чертежом». Характерно, что на чертеже был изображен не средневековый замок, а «правильная» крепость нового времени с бастионами, куртинами и равелинами, предусматривающая «пушечную дуэль». Руководствуясь чертежом и советами автора, начинающий полководец должен был «производить беспрестанную пальбу, и сперва оба равелины: Пренебрежения, лежащий против главных ворот, – минеровать; не менее ж и равелин Резвость – разорять». Равелины предлагалось разбить пушечным огнем, заминировать и взорвать, взять обломки штурмом. «И тотчас во оных против крепости укрепились и начали вести чрез весьма глубокий болотистый ров (препятствия) галерею противу трех болверков: Высокопочитания, Обнадеживания и Признания, дабы со всею возможною силою на оные напасть. Ибо наперед видно было б, ежели только хоть один из оных болверков взят будет, то крепость необходимо принуждена будет сдаться».

Другой метафорой, пришедшей прямо из эпохи Великих географических открытий было исследование новых земель, путешествие в неведомые края, поиск сокровищ. Самым известным романом, написанным в таком ключе, разумеется «Езда на остров Любви» Поля Тальмана, также написанный в XVII веке и переведенный на русский язык Тердиаковским. В нем любовь сравнивается с экзотической природой, которая влечет к себе человека неодолимой силой:

Нас близко теперь держит при себе Африка,
Около мест прекрасных моря Атлантика.
А сей остров есть Любви, и так он зовется,
Куды всякой человек в свое время шлется.
Стары и молодые, князья и подданны,
Дабы видеть сей остров, волили быть странны.
Здесь на земли со времям всё что уж ни было,
То в сих местах имело желание мило.
Разно сухой путь сюды ведет, также водный,
И от всех стран в сей остров есть вход пресвободный.
Стать, любовность, прикраса, приязнь с красотою

Имеют все пристани сия за собою.
И, привлекая всяка чрез любовны средства,

Любому мужчине предписывалась активная роль – завоевателя, исследователя, а женщина оставалась пусть бесконечно драгоценным, но трофеем.

Жан Жак Руссо научил французов, а потом и всю Европу любить по-новому. Его героиня Юлия стремилась сама решать свою судьбу, отдавалась своему возлюбленному не то что до свадьбы, но даже не будучи его «официальной невестой» (ситуация, немыслимая в любовных романах еще в начале XVIII в.), а потом, выйдя под нажимом родителей замуж за другого, сама познакомила бывшего возлюбленного с мужем, надеясь, что они станут хорошими друзьями. Когда Руссо упрекали в неправдоподобности такого поворота, он напоминал, что гравюра, иллюстрирующая встречу любовника и мужа, называется «Доверие прекрасных душ», и у тех, кто не верит в подобное развитие сюжета, очевидно, что-то не так с красотой души. Словом, Руссо проповедовал любовь-дружбу, когда любовники не только дарят друг другу телесные наслаждения, но и развивают, облагораживают друг друга. Екатерине эта концепция очень нравилась.

* * *

Мы уже знаем, Потемкин вел осаду сердца Екатерины по всем правилам осады крепостей XVIII века. Тут был и непрерывный артиллерийский огонь, и подкопы и ложные отступления. Более того, он нашел себе союзников при дворе, недовольных долгим фавором Орлова.

И наконец, крепость не устояла перед его напором. Орлов получил отставку. Потемкин – должность флигель-адъютанта, дававший беспрепятственный вход во внутренние покои. Помня о том, что даже будучи фаворитом Государыни, он должен оставаться в ее глазах Мужчиной, Который Принимает Решения, Потемкин сам просит об этой милости, и делает это с большим достоинством и изяществом: «Сие не будет никому в обиду, – закончил Потемкин свою просьбу, – а я приму за верх моего счастия, тем паче, что, находясь под особливым покровительством Вашим, удостоюсь принимать премудрые повеления Ваши и, вникая в оные, сделаюсь вяще способным к

службе Вашей и отечества».

Екатерина полюбила страстно, искренне и нежно. Ее письма говорят о глубоком чувстве, но я, пожалуй, не буду обильно их цитировать: все они много раз издавались и переиздавались, и желающие без труда их отыщут. Ограничусь только ласковыми прозвищами, с которыми императрица обращалась к своему фавориту. Кроме традиционных для XVIII века обращений – «батюшка», «дружочек», «куколка», «mon coeur», «mon bijou»[22], «милой и безценный друг собственный, голубчик, Ангел», она придумала свои секретные имена – «Гришенок», «Гришифушечка», «душатка», «душонок», «mon faisan d'or», «la Perruche»[23], «Мамурка», «Милуша», «милая милюша», «милая милюшечка», «любушечка»…

Проблема заключалась в том, что Екатерина не «благородная девица», которую можно повести под венец, а вдова и самодержица. Существовал исторический анекдот, что она поначалу хотела выйти замуж за Орлова, в благодарность за избавление от Петра III. Но ей отсоветовал один из дипломатов, который сказал, что госпожа Орлова не сможет управлять Россией. У госпожи Потемкиной также не было никаких шансов. Как и в случае Елизаветы и Разумовского, ходили упорные слухи о тайной свадьбе Екатерины и Потемкина, сама императрица пару раз в письмах называла Григория Александровича «мужем», но если эта церемония и свершилась, то она осталась строго охраняемой тайной.

Екатерина смотрела на любовные отношения «сквозь призму Руссо», для нее они были в очень большой степени «доверием прекрасных душ». Зная, что ее «Мамурка» ревнив, она пишет для него «Чистосердечную исповедь», в которой расскажет обо всех своих романах, что были до встречи с Потемкиным, а к конце признается: «Потом приехал некто богатырь. Сей богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласке прелестен был так, что услыша о его приезде, уже говорить стали, что ему тут поселиться, а того не знали, что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением, чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать, но разбирать, есть ли в нем склонность, о которой мне Брюсша сказывала, что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю чтоб он имел. Ну, Госп[один] Богатырь, после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих. Изволишь видеть, что не пятнадцать, но третья доля из сих: первого по неволе[24] да четвертого из дешперации[25] я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно; о трех прочих[26], естьли точно разберешь, Бог видит, что не от распутства, к которому никакой

склонности не имею, и естьли б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась. Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви. Сказывают, такие пороки людские покрыть стараются, будто сие происходит от добросердечия, но статься может, что подобная диспозиция сердца более есть порок, нежели добродетель. Но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбишь или не захочешь в армию ехать, боясь, чтоб я тебя позабыла. Но, право, не думаю, чтоб такую глупость зделала, и естьли хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви, а наипаче люби и говори правду».

Но кроме своего сердца и милостей она может и хочет предложить Потемкину и нечто большее: совместный замысел, смелость которого поражает воображение, и работу, которые по плечу только таким титанам, как Григорий и Екатерина – «Греческий проект».

* * *

Екатерина – еще одно дитя, воспитанное в протестантской парадигме, где предприимчивость не противоречит благочестию, а успех является зримым воплощением одобрения Господа. Приехав в Россию, она сразу оценила потенциал своего нового дома и поспешила принять православие, чтобы заслужить одобрение Елизаветы Петровны и русского народа.

Став императрицей-узурпаторшей, она поняла, что православный государь имеет на руках определенные козыри, которых не имеют католические и протестантские правители Европы. Он может разыгрывать карту «опекуна» всех небольших православных государств Средиземноморья и под этим предлогом вмешиваться в дела на Востоке, прежде всего в вопрос о принадлежности проливов Босфор и Дарданеллы, являющихся одним из самых оживленных торговых путей.

Османская империя в конце XVII – начале XVIII века контролировала большие территории не только в Малой Азии, но и на севере Африки, на полуострове Крым, на северном побережье Черного и Азовского морей, на западном побережье Каспийского моря и главное – всю материковую Грецию, включая и бывшую столицу Восточной Римской империи, город Константинополь, построенный как греческая колония в VII веке до нашей эры на проливе Босфор, соединявшем Средиземное и Черное море и носившем неофициальное название «Золотой мост

из Азии в Европу».

Всего через четыре месяца после того, как Екатерина заняла русский престол, она составляет воззвание к народам Балкан, в котором сообщает, что готова поддержать их в борьбе против турецкого ига. В то время ничего путного не получилось. Внимания требовали северо-западные границы России. Тогда стараниями графа Никиты Ивановича Панина, дипломата и одновременно воспитателя наследника, была предпринята попытка создать так называемый «Северный аккорд» – союз северных держав: России, Пруссии, Швеции и Речи Посполитой. Равновесие, как водится, оказалось очень неустойчивым, но сторонам по крайней мере пока удавалось удержаться от объявления войны, и поэтому у России были развязаны руки для ведения войны на Востоке. Но тут оказалось, что Петровский флот уже сгнил, ни Анна Иоанновна, ни Елизавета не заботились о его обновлении, и теперь его предстояло строить почти с нуля. Одновременно русские офицеры уехали на Мальту обучаться навигации в Средиземном море.

В 1766 году Панину удалось добиться подписания русско-английского торгового соглашения. Это оказалось очень кстати, так как первая русская эскадра под командованием адмирала Свиридова, отправившаяся в Средиземное море в разгар Русско-турецкой войны в 1769 году. Но уже в Северном море ее сильно потрепали шторма и помощь корабельных мастеров в английском порту оказалось неоценимой. Преодолев Гибралтар, корабли снова попали в шторм в Средиземном море и в Греции они оказались только в конце февраля 1770 года. Вскоре ее догнала вторая, которой командовал шотландец Джон Эльфенстон. А всего за время войны в Средиземном море ушло пять эскадр. Экспедиция эта была детищем Алексея Григорьевича Орлова, брата фаворита императрицы, который также являлся одним из активных сторонников Греческого проекта. Целью экспедиции, как ее сформулировал сам Алексей Орлов, стала «диверсия неприятелю» и поддержка восстания среди греков.

Восстание в материковой Греции быстро подавили, а вот на море русские флоты действовали весьма успешно: Алексей Орлов взял крепость Наварин, затем в ночь с 25 на 26 июня (с 6 на 7 июля) 1770 года практически полностью разгромил турецкий флот под Чесмой и блокировал Дарданеллы.

Придворный библиотекарь и поэт Василий Петров после победы под Чесмой посвятил Алексею Орлову оду, в которой сравнил его с героем Спарты Леонидом:

О, коль нечаянна, коль дивна там премена!

Спартане, распустив российские знамена,
Разносят по всему Пелопонису страх!
Аргольцы, навпляне, к сражению устройтесь,
Коринфяне, не бойтесь,
Во Спарте Леонид!

Но Леонид, как известно погиб, в битве у Фермопильского прохода, защищая Грецию от нашествия персов. Хоть Алексей Орлов и избежал подобной участи, он все же не мог остаться у берегов Греции вместе со своим флотом. А надежды на помощь греков быстро развеялись – греки были плохо организованы и при том жестоки, даже к побежденным, что заставляло турецкие крепости сражаться до последнего. Алексей Орлов писал Екатерине: «Здешние народы льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы, лакомы к деньгам и добыче, так что ничто удержать не может их к сему стремлению. Легковерия и ветреность, трепет от имени турков, суть на из последних таких качеств наших единоверцев. Рабство и узы правления турецкого на них наложенные, также их грубое невежество – сии-то суть причины, которые отнимают надежду произвести какое-нибудь в них и к общему благу на твердом основании сооруженное положение».

После Чесменской победы Алексей Орлов был готов высадить десант под Константинополем. Но императрица поняла, что такой демарш ни к чему не приведет, кроме огромных потерь, в те дни она писала одной из своих подруг, что захватить Константинополь «чуть проще, чем ухватить Луну зубами».

Екатерина тоже была разочарована. Хотя еще в конце 1772 года она писала в рескрипте Алексею Орлову: «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию. Порта, так сказать, принуждена, не знав куда намерение наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места, как в Азии, так и в Европе находящиеся, теряет все выгоды от Архипелага и от своей торговли прежде получаемые, принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Черным мором и следовательно препятствие причиняется ей действовать как на Черном море, так и на самых Крымских берегах с надежностью, не упоминая и о том, что многие турецкие города, да и сам Царьград не без трепета видит флот наш в таком близком от них расстоянии», – но это уже была «хорошая мина при плохой игре», императрица понимала, что ее блистательной мечте не суждено сбыться, придется довольствоваться там, что удалось завоевать. Военные действия с

переменным успехом продолжались еще два года. Зимой, когда на Средиземном море начинались сильные шторма, флот искал укрытия на Кикладских островах. До сих пор на острове Парос можно увидеть укрепления и здания, построенные русскими моряками. В начале 1771 года России присягнули еще пятнадцать островов.

Наконец 10 (21) июля 1774 года в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи подписали мирный договор между Россией и Османской империей. К России присоединены Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн с землями между Днепром и Бугом; русские торговые суда получили право беспрепятственно плавать по Черному морю и проливам, им были предоставлены выгодные условия для торговли. Представители Порты обещали, что Россия сможет построить в Константинополе Русскую церковь, что христиане получат «твердую защиту». Также Россия получала протекторат над Молдавией и Валахией – право «говорить в пользу сих двух княжеств», а Турция обязывалась выплатить 7,5 млн. пиастров (4 млн. руб.) военной контрибуции.

Флот покинул Морею и вернулся в Петербург летом 1775 года. Всего в составе пяти эскадр в поход ушли 20 линейных кораблей, 5 фрегатов, 1 бомбардирский корабль и 8 мелких судов. Вернулись же 13 линейных кораблей, 18 фрегатов и 2 бомбардирских судна (часть кораблей была куплена в Европе или захвачена в плен у турецкого флота). Погибло более 4000 человек – треть личного состава. На снаряжение эскадр потратили огромные суммы денег, что заставило Екатерину обратиться за внешними займами к европейским странам. Эти займы были погашены только к концу следующего XIX века.

* * *

Екатерина говорила о турецких войнах и о парке в Царском Селе: «Когда война сия продолжится, то царскосельский мой сад будет похож на игрушечку, после каждого воинского деяния воздвигается в нем приличный памятник».

Действительно, в 1771 году Юрий Фельен строит в Царском Селе Башню-руину, на замковом камне которой написано «На память войны, объявленной турками России сей камень поставлен».

В парке недалеко от дворца появился Кагульский обелиск с надписью «Под предводительством генерала графа Петра Румянцева российское воинство числом семнадцать тысяч обратило в бегство до реки Дуная турецкого визиря Галиль-Бея с

силою полторастатысячною».

Потом на острове в Большом пруду появилась Чесменская колонна, в честь победы Алексея Орлова под Чесмой, в Хиосском проливе и при Митиленах. На берегу пруда стояла Морейская колонна с надписью «Войск российских было числом шестьсот человек, кои не спрашивали многчислен ли неприятель, но где он. В плен турков взято шесть тысяч».

В 1771 году в Москве внезапно появилась чума. Ходили слухи, что ее занесли турки в отместку за победы русского оружия. Ежедневно погибало более тысячи человек, а у правительства не было опыта борьбы с эпидемиями. Генерал-губернатор П.С. Салтыков, запаниковав, уехал из Москвы, за ним – покинул обер-полицмейстер И.И. Юшков и другие высокопоставленные лица. На улицах мгновенно появились мародеры и горожане оказались беззащитны перед ними, нужно было срочно принимать меры. Тогда императрица послала в Москву Григория Орлов «с полною мочию». Граф энергично принялся за дело. Он установил карантин и начал выплачивать денежное вознаграждение всем, кого выписывали из больниц. Теперь больные уже не прятались по домам, заражая окружающих, и эпидемия вскоре сошла на нет. Екатерина с триумфом встретила Григория в Царском Селе и велела воздвигнуть ворота, на которых было написано «Орловым от беды избавлена Москва».

Потемкин видел, что все вокруг него прославляет его предшественников. И похвалы были вполне заслуженными. Сам же Потемкин не был ни полководцем, ни флотоводцем, он не выигрывал генеральных сражений, не завоевывал новых земель, не приносил трофеев к стопам императрицы. В то же время, по слова Огаркова, «с первых же дней своего повышения Потемкин показал, что он совсем не хочет быть только „мебелью“ при дворе; подобная роль для честолюбивого, гордого князя, для человека такого ума, какой был у Потемкина, являлась неудобной». Тогда он решил прославиться иным образом.

Он видел, что война на Средиземном море зашла в тупик не в малой степени из-за растянутости коммуникаций. Нужно было организовать постоянную базу для флота и армии в непосредственной близости от театра военных действий. А Потемкин оказался прирожденным организатором.

В 1774 году он добивается назначения губернатором Новороссии, Азова и Астрахани. Одновременно он составляет и при поддержке Екатерины проводит в жизнь план по уничтожению знаменитой Запорожской сечи. «Это гнездо смелых бандитов, нападавших на своих и чужих и грабивших

безнаказанно магометан и православных, не могло быть терпимо в благоустроенном государстве. Генерал Текеллий с сильным отрядом явился в Запорожье и занял место, где помещалась Сечь, войсками», – пишет Огарков. Чтобы защитить Новороссию от набегов с Кавказа, Потемкин вел переговоры о подданстве с грузинским царем Ираклием.

Теперь Новороссия открыта для колонизации. Энергично принявшись за заселение этих территорий, князь приглашает туда славян и православных с Балкан и основывает города Херсон в устье Днепра, Николаев и Екатеринослав.

Для строительства, как и во времена Петра I, сгоняли крепостных мастеров со всей России. Позже, когда император Иосиф II увидит города, возведенные Потемкиным, всего за десять с небольшим лет, он скажет: «Мы в Германии и Франции не смели бы предпринимать того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает – рабы работают; им ничего не платят или платят мало; их кормят плохо; они не жалуются…».

Граф Роже де Дама бывший свидетелем деятельности Потемкина писал: «Я ежечасно сталкиваюсь с новыми, фантастическими азиатскими причудами князя Потемкина. За полчаса он перемещает целую губернию, разрушает город, чтобы заново отстроить его в другом месте, основывает новую колонию или фабрику, переменяет управление провинцией, а затем переключает все свое внимание на устройство праздника или бала…».

Херсон Потемкин рассматривал как будущий «южный Петербург» – речной порт с выходом в море и центр кораблестроения. В Екатеринославле, будущей столице Новоросии, Потемкин планировал возвести «судилища, наподобие древних базилик», устроиться лавки вроде «Пропилей в Афинах», музыкальная консерваторию и др.

Видно, что прагматик в нем постоянно боролся с визионером, и хотя прагматик добивался больших практических успехов, визионер строил планы для потомков.

4

Именно способность видеть в деталях контуры желаемого будущего сближала Потемкина и Екатерины. В конце 1770-х – начале 1780-х годов судьба явно благоволила императрице, а она была не из тех, кто не умеет пользоваться ее милостями.

В 1777 году невестка императрицы Мария Федоровна рожает первого ребенка и это оказывается сын. Екатерина в восторге. Когда-то Елизавета отняла у нее маленького Павла сразу же после его рождения, Екатерина видела его по часу в месяц и так и не смогла искренне полюбить. Теперь же она забирает внука себе и воспитывает по «Эмилю» Руссо: не кутает, не пеленает, не укачивает, приказывает не понижать голос в его присутствии и даже… стрелять под окнами из пушек, чтобы приучить младенца ничего не бояться. Она посылает шведскому королю модель люльки, в которой лежит наследник русского трона, и куклу, на которой показано, как его одевают. Разумеется, имя младенцу Екатерина также придумывает сама. Как же она назовет его?

Все ждут, что ребенок будет зваться Петром, как и его отец. Но видимо, это имя все еще ненавистно Екатерине, и мальчика нарекают Александром. Она пишет своему постоянному корреспонденту Фридриху Мельхиору барону фон Гримму: «Я бьюсь об заклад, что вы вовсе не знаете того господина Александра, о котором я буду вам говорить. Это вовсе не Александр Великий, а очень маленький Александр, который родился 12-го этого месяца в десять и три четверти часа утра. Все это, конечно, значит, что у великой княгини только что родился сын, который в честь святого Александра Невского получил торжественное имя Александра и которого я зову господином Александром… Но, Боже мой, что выйдет из этого мальчугана? Я утешаю себя тем, что имя оказывает влияние на того, кто его носит; а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры… Жаль, что волшебницы вышли из моды; они одаряли ребенка, чем хотели; я бы поднесла им богатые подарки и шепнула бы им на ухо: сударыни, естественности, немножко естественности, а уж опытность доделает все остальное».

«Естественность» – новая отсылка к Руссо, а имя, хоть и дано в честь Александра Невского, но все же не может не напоминать европейским государям об еще одном Александре – Македонском.

Предупреждая неизбежные подозрения императрице пишет Гримму: «не думайте воображать, что я хочу сделать из Александра разрубателя Гордиевых узлов. Ничего подобного… Александр будет превосходным человеком, а вовсе не

завоевателям, ему не понадобиться быть им».

В 1779 году – еще одна удача! – родился второй внук, получивший имя Константин. Здесь намек уже прозрачен: Константин, младший брат Александра, будет царствовать в Константинополе. На памятной медали, выбитой в честь его рождения, государыня изображена в лавровом венке; рядом с ней фигуры Веры, Надежды и Любви – последняя с младенцем на руках. На заднем плане – собор святой Софии и дата рождения младенца.

И словно для того, чтобы подтвердить, что Екатерина находится на верном пути, следом у Марии Федоровны рождаются две девочки, которые получают имена Александра (1783) и Елена (1784). Теперь, если не царь Константин взойдет на греческий трон, то это сможет сделать, ставшая супругой греческого царя, царица Елена, тезка прекрасной Елены Троянской и Святой Елены – матери императора Константина Великого, отыскавшей в Иерусалиме Крест Господень. А царевна Александра станет королевой Швеции и власть России поистине распространится от моря до моря.

* * *

В 1780 году рядом с Царским Селом появляется новый город, который получает имя Софии. Собственно говоря, это просто район в Царском Селе сразу за парком, где в типовых домах силились дворцовые служащие. И одновременно это «маленький Царьград», игрушечное воплощение мечты Екатерины. На его главной площади 30 июля 1782 года по проекту архитектора Чарльза Камерона заложен Софийский собор, своими очертаниями напоминавший Святую Софию в Константинополе.

Эта воплощенная мечта, или, как говорили в XVIII веке, «эфемерида» просуществовала до 1808 года, когда по указу любимого внука уже покойной Екатерины – Александра I – София потеряла статус самостоятельного поселения и стала частью вновь учрежденного города Царское Село. И только собор, сохранившийся до наших дней, теперь напоминает об утопии «греческого проекта», которая когда-то казалась вполне осуществимой.

А пока летом 1780 года в Россию приезжает император Священной Римской империи и эксгерцог Австрии Иосиф II. Екатерина и Потемкин выезжают ему на встречу в Могилев, потом они вместе едут в Смоленск, а оттуда – в Москву и Петербург и обсуждают возможное расширение границ обоих государств в

южном направлении. Северные границы турецких протекторатов вплотную подступали к южным границам Австро-Венгрии, поэтому Иосиф являлся «естественным» союзником России в новой Русско-турецкой войне. Кроме того, обоим государствам не выгодно усиление влияния Пруссии на Балтийском море и это также толкает их к союзу. В Могилеве Потемкин водил Иосифа в православную церковь, где тому понравилось пение хора. Иосифа поразило, как люди падали перед Екатериной на колени, он счел это проявлением варварства. Императрицу же и Потемкина он нашел весьма любезными и гостеприимными хозяевами. Он писал Марии-Терезии, что между ним и Потемкиным установились доверительные отношения, и что тот будет сопровождать Иосифа на всем пути до Петербурга. Дорогой Екатерина объясняла императору, что не могла ранее разорвать договор с Пруссией, заключенный Петром III, так как «взошла на трон, чтобы установить мир, ибо все находилось в стране в невероятном развале». Затем очень осторожно и обиняками заговорила о создании Восточной империи со столицей в Константинополе, трон которой отойдет к Константину. Она была недовольна тем, что Франция поддерживает Турцию. Разве жена Людовика XVI Мария-Антуанетта не приходится Иосифу родной сестрой? Пусть он по-родственному повлияет на нее! В конце концов русская императрица, как и подобало просвещенной и гуманной монархине, заявила, что не начнет войну первой, но если Турция нападет на ее владения, то она получит достойный отпор.

Софийский собор в Царском Селе. Современное фото

Иосиф II

Иосиф восхищался красотой Петербурга и Царского Села, хотел перенести некоторые «затеи» последнего в свою резиденцию Шенбрун под Веной. Но несомненно одно, он отбыл в Австрию с богатым материалом для размышлений не только о садоводстве и оформлении парков.

29 ноября 1780 года в Вене умирает Мария-Терезия, мать и в течение пятнадцати лет соправительница Иосифа II. Когда-то она была верной союзницей русской императрицы Елизаветы Петровны, и они при поддержке фактически управлявшей

Францией мадам Помаду громили войска прусского короля Фридриха Великого на полях Семилетней войны. Потом Мария-Терезия долгие годы правила вместе с сыном. Теперь же время матерей (и свекровей) закончилось, дети стали самостоятельными, для них настала пора воплощать свои дерзкие проекты в жизнь. «Grand projet» – большой проект, так стали называть Екатерина и Иосиф свой план. Иосифу 39 лет, Екатерине – 51. Но политика возраст не портит.

В 1781 году Россия заключает договор с Австрией о возможных совместных военных действиях против Турции. Австрия надеется вернуть, потерянные в 1739 году Белград, часть Сербии и часть Валахии. Россия же претендовала на Крым, земли между Бугом и Днестром, Бессарабию и несколько островов в Эгейском море, как базу для флота. Но выяснилось, что Иосиф уже обещал эти острова Венеции, и вопрос о разделе владений Порты «подвис в воздухе».

5

Но Потемкин не забывал о том, что России, как воздух, нужна база на Черном море. И лучше если она будет не через речное устье, как в Херсоне и Николаеве, где флот легко запереть, а непосредственно на морском берегу.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Крым и сопредельные татарские области были признаны «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти». Взамен Россия отдала присоединившиеся к ней острова Кикладского архипелага. Для Екатерины это становится крушением мечты: ее лишили последнего кусочка Греции. Теперь Потемкин решил доказать ей, что эта жертва была необходима, и что Екатерина приобрела в тот момент никак не меньше, чем потеряла.

Уже с 1780 года он побуждает Екатерину II на завоевание Крыма, напоминая, что именно туда отправился когда-то князь Владимир, чтобы принять христианство и жениться на гречанке. Кроме того, завоевание Крыма – это исполнение мечты Петра о портах на Черном море. Да и время самое удачное – ослабленная войной Турция не захочет снова вступать в вооруженный конфликт. Так все и получилось.

Потемкин, воспользовавшись распрями и интригами, царившими в семье крымских ханов, убедил последнего татарского правителя Шахин-Гирей, вынужденного бежать из Бахчисарая в Кафу, а оттуда в Керчь, под защиту русского гарнизона, отречься от своих прав на Крым. 14 апреля 1783 года Шахин-Гирей подписал отречение от ханского престола, татарские старшины были приведены к присяге на подданство. 8 (19) апреля 1783 года Екатерина II издала манифест, в котором объявила о включении Крымского ханства в состав Российской империи.

Наконец 28 декабря 1783 года Россия и Османская империя подписали Акт о присоединении к Российской империи Крыма, Тамани и Куланми. Потемкин писал из Крыма императрице «Таврический Херсон источник нашего христианства, а потому и людскости[27] уже в объятиях своей дщери. В этом есть что-то мистическое».

Турецким и татарским городам и поселениям он придумывает новые названия с греческими корнями: Акмечеть – Симферопль («город-собиратель» или «город пользы»), Севастополь (город-властитель), Мелитополь (город пчел), Кафа – Феодосия (данная Богом), Гезлев – Евпатория («Благородная» – в

честь царя Митоидата Евпатора). Как писал биограф и племенник Потемкина генерал Самойлов: «Чтоб более поразить умы блистательностью деяний великой Екатерины, чтоб отресть и истребить воспоминания о варварах, в покоренном полуострове возобновлены древние наименования. Крым наречне Тавридою, близь развалин, где существовал древний Херсонес из самых тех груд камней при Ахтиарской гавани, возник Севастополь, Ахт-Мечет назван Симферополем, Кафа – Феодосией, Козлов – Евпаторией, Еникаль – Петикапеум, Тамань – Фанагорией и проч.».

Мистицизм не помешал Потемкину остаться распорядительным администратором. Став губернатором новообразованной Таврической губернии, он организует местное управление и основывает Симферополь и Севастополь с морской базой для созданного им же Черноморского флота.

Он привлек на полуостров греческих поселенцев, молдован, армянских, сербских, немецких колонистов – всех, кто терпел притеснение из-за своей религии или испытывал недостаток в земле. Условия жизни были очень тяжелыми. Европейцы не привыкли вести хозяйство в новых для себя условиях. Большая честь полуострова представляла собой скудные степи. Потемкин приказывает сажать в Крыму деревья «масличные и фиговые, сладкие и горькие померанцы, разного рода цитроновые, бергамотные, и другие». Посадки велись под руководством главного садовода. Ежегодно нужно было высаживать тысячу миндальных деревьев, две тысячи шелковичных, пятьсот персиковых и двести ореховых.

Огарков пишет: «Правда, были несомненно грустные факты: выселение татар в Турцию, запустение великолепных садов, посаженных по велениям князя, болезни и проч. Было много широких неисполнимых начинаний, заброшенных князем (вроде знаменитого собора в Екатеринославле, который должен был на «аршинчик» превзойти вышиной могучего Петра в Риме), но все-таки нужна была его энергия, фантазия, ум и способности, нужно было, наконец, могущество князя, чтобы сделать то хорошее, что действительно было сделано в недавно еще управляемом им крае».

* * *

В 1787 году Потемкин торжественно пригласил Екатерину и Иосифа посмотреть на новые владения Российской империи. Очевидно эта поездка должна была окончательно убедить

австрийского императора, что союз с Россией будет выгоден Австрии.

Екатерина вместе со своим двором и иностранными дипломатами предприняла поездку в Новороссию и Крым, чтобы «осмотреть свое маленькое хозяйство», как она шутливо выражалась. Климат, царивший в ее новых владениях, восхитил императрицу. «Здешний климат почитаю лучшим в империи, – писала она. – Здесь без изъятия все фруктовые деревья растут на вольном воздухе, я сроду не видала грушевые деревья величиной с самый большой и толстый дуб. Воздух самый приятнейший. Херсон почитать можно между лучшими городами нашими. Сие дите много обещает. Где сажают – все растет, где пашут – тут изобилие. Мы жары по сю пору не чувствуем, все здоровы. Здешние люди больного вида не имеют, и все копошится. Людство[28] великое, стечение людей со всех краев, наипаче же все полуденные»[29].

С этим путешествием связана легенда о «Потемкинских деревнях». Якобы Потемкин понастроил вдоль дороги фальшивых деревень, с актерами, переодетыми в крестьян, чтобы внушить Екатерине, что Новороссия успешно заселяется. В самом деле Потемкин заботился о том, чтобы развлекать Екатерину и ее гостей, а развлечения XVIII века часто включали в себя костюмированные представления. Например, уже в Крыму, неподалеку от Балаклавы Екатерину встретила… рота амазонок, одетых в бархатные юбки малинового цвета с бахромой и курточки зеленого цвета с золотыми галунами. На головах амазонок были белые тюрбаны. Это были сто благородных жен и дочерей балаклавских греков, под предводительством 19-летней Елены Ивановны Сарандовой, решившие таким образом поприветствовать императрицу. Идея эта принадлежала Потемкину. Вполне возможно, что на пути Екатерины попадались и «фальшивые деревни», подобные тем, какие строили в Павловске Павел с Марией Федоровной. Но речь ни в коем случае не шла об обмане: гости прекрасно отдавали себе отчет, что видят представление, предназначенное для отдыха и развлечения.

Главное шоу было устроено в Севастополе, когда во время ужина Потемкин приказал открыть шторы и гостям в темноте южной ночи предстал освещенный огнями Черноморский флот в гавани Инкермана. Даже Иосиф не остался равнодушным. «Императрица в восторге от такого приращения сил России, – писал он. – Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают».

А Потемкин в это время пишет Екатерине: «Я, матушка, прошу воззреть на здешнее место[30] как на такое, где слава твоя

оригинальная и где ты не делишься ею с твоими предшественниками; тут не следуешь по стезям другого». Он имел в виду Петра I, с которым Екатерина «соперничала» в Петербурге (вспомните надпись, которую она приказала поместить на Медном всаднике: «Петру Первому – Екатерина Вторая». Черное море так и «не далось» Петру, зато склонилось перед Екатериной.

С этим впечатлением не могла сравниться даже ночь, проведенная в бывшем Ханском дворце в Бахчисарае. После поездки Екатерина написала: «Я всем обязана князю Потемкину. Надеюсь, теперь никто не назовет его ленивым».

Теперь, примирившись с мыслью о том, что при ее жизни крест не воссияет над Святой Софией, императрица говорила: «Константин мальчик хорош; он через тридцать лет из Севастополя поедет в Царьград. Мы теперь рога ломаем, а тогда уже будут сломаны и для него лучше».

6

После «воцарения» Потемкина в Крыму его стали называть «соправителем Российской империи». Его влияние было трудно переоценить. Но личные отношения с Екатериной не ладились. Видимо, она устала от деспотичного характера своего возлюбленного, от постоянных споров с ним. И хотя императрица замечала «мы ссоримся о власти, не о любви», она стала предпочитать общество менее взыскательных любовников. Однако Потемкин всегда оставался ее другом и самым доверенным советником.

Желание Екатерины, чтобы Турция сама начала войну, вскоре исполнилось. Османская империя выдвинула ультиматум, требуя, чтобы Россия отдала Крым Турции. Россияне ответили отказом, в результате в августе 1787 года началась война, на которой полностью раскрылись полководческие дарования не только Потемкина, но и Суворова.

Осенью 1787 года Александр Васильевич, защищавший крепость Кингбурн, почти полностью уничтожил турецкую армию, которая пыталась прорваться в Крым.

30 июля 1788 года русские войска под предводительством Потемкина подошли под Очаков. Потемкин привел за собой армию из 40 000 отлично экипированных и хорошо обученных солдат. Силы русских значительно превосходили силы защитников крепости. С Потемкиным опытные военачальники, в том числе Суворов. Но долгая осада грозила развитием эпидемий и армия могла потерять боеспособность, медлить нельзя!

Но Потемкин медлит. Он приказывает войскам строить укрепления, а сам «везде по садам около форштадта лежащим пеший ходил», – как писали очевидцы. Он бравирует своей храбростью: во время морской рекогносцировки лодки попали под шквальный огонь, и князь «сидя один на кормовой барке, со своими тремя орденскими звездами на виду, держался в поистине поразительным по благородству и хладнокровию спокойствием».

Кажется все готово к штурму. Один раз Суворов, завязав бой с выехавшим из крепости отрядом, преследовал его до самых ворот. Но Потемкин приказывает отступить и наказывает раненого в бою Суворова за излишнее рвение. В штабе начинают поговаривать, что он ревнует к славе полководца. Приходит осень, потом необычайно суровая для этих мест зима. В лагере и впрямь начинаются болезни и голод.

Одновременно приходят тревожные вести из Петербурга. Шведские войска вступили в русскую Финляндию. Шведские

корабли нападали на русский флот на Балтике, угрожали Петербургу. Они не пытались осаждать его «всерьез» и все же вести войну на два фронта очень тяжело. Из-за этой войны из Петербурга не отправилась новая Архипелагская экспедиция, чтобы «зажечь Турцию с другого конца». А с севера грозили интервенцией Пруссия и Англия. Екатерина бросает в гневе: «Если два дурака не уймутся, то станем драться», но она понимает, что такая «драка» обескровит Россию.

Потемкин пишет Екатерине из-под Очакова 3 ноября 1788 года: «Теперь, матушка Всемилостивейшая Государыня, открылось то, что я предвидел. Вспомните, что при начале открытия войны я писал. Не успехами с турками мы можем хлопоты кончить, но разбором, какая политическая система нам важнее, то естли бы нашли способ помириться с турками и, имея все силы в руках свободные, придумать связь выгодную и так устроить политическое состоянье. Изволите говорить, чтобы обратить армию Графа Румянцева, как я говорил в плане, противу Прусского Короля. Но тот план был в действо определяем чрез два года, когда бы все пришло в зрелость и устройство, и, начав войну с турками, в одну бы кампанию мы по Дунай забрали все даром.

Ныне же чрез коварствы всей Европы турки прежде время нас предупредили. Цесарь повел войну странную, истощил армию свою на оборонительном положении и везде, где сам присутствует, с лутчими войсками был бит. Многие Его корпусы бежали, не видав неприятеля. С нашей стороны, а паче в моей части, где наисильнейшее их стремление было впасть в границы, разорять земли, овладеть Крымом, занять Херсон и прочее, то Бог предохранил, и вместо нас они ослабли.

Что же будет, когда большие наши силы, впротчем весьма неустроенные по причине рекрут столь большого числа, отвлекутся? Император не в состоянии был, обратя все на турков, одолевать их. А естли отделит он противу Пруссии, то будьте уверены, что турки придут в Вену, а Прусский Король паче возрастет.

Теперь турки, неохотно идучи на нас, а узнав силы уменьшенные, толпами кинутся. Как же мы охраним наши пространные пределы и разорванные водами, где на всяком месте быть должно особой преграде. Лишь флот зачал наш здесь приходить в силу и который с помощию сухопутных бы войск может нанес бы удар неприятелю в сердце его владения, теперь и то станет.

Всемилостивейшая Государыня, сколько мое сердце угнеталось, видя все, чему неминуемо быть долженствовало.

Способ был легкий предупредить. Я не забыл об нем напоминать. Бог сам знает, что мое сердце чувствует.

Подумайте, что бурбонцы в летаргии настоящей, что они и нас выдадут, как голландцев Лига сильная: Англия, Пруссия, Голландия, Швеция, Саксония и многие имперские принцы пристанут. Польша нам будет в тягость больше других. Вместо того, чтоб нам заводить новую и не посилам нашим войну, напрягите все способы зделать мир с турками и устремите Ваш кабинет, чтобы уменьшить неприятелей России. Верьте, что не выдет добра. Где нам сломить всех на нас ополчившихся. Прусский Король не такой еще будет диктатор. Кто Вам скажет иначе, того почитайте злодеем и Вам, и Отечеству. Касательно полков пехотных, откуда их еще числом шесть откомандировать, я не знаю. Это равно расстроит все, отколь бы то ни было. И так прикажите, как угодно. Меня же избавьте от начальства, ибо я не нахожу способу, ниже возможности остальным действовать и хранить…

Вернейший и благодарнейший подданный, князь Потемкин Таврический».

Наконец зима заставила Швецию согласиться на перемирие, теперь у Потемкина развязаны руки. Начавшийся 6 декабря штурм Очакова закончился к полудню полной победой.

Для триумфального въезда Потемкина в Царское Село построили ворота с надписью: «Ты в плесках выйдешь в храм Софии!» Подразумевалась, конечно, София не царскосельская, а царьградская.

А Державин написал стихотворение «Осень во время осады Очакова», где были такие строки:

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.
Огонь, в волнах не угасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:

Или умрет, иль победит.

* * *

Конец 1788 года и 1789-й стал годом решительных побед сначала при Фокшанах, затем на реке Рымник, потом девятидневный штурм считавшейся неприступной крепости Измаил. Екатерина писала Потемкину: «За ушки взяв тебя обеими руками, мысленно тебя целую». В честь этой победы 9 мая (28 апреля) 1791 года в новом Таврическом дворце устроен праздник, восхитивший и Екатерину и всех гостей.

Державин оставил нам подробное описание праздника. Разумеется, действо, которые проектировали такие «мастера спецэффектов», как Потемкин и Екатерина, должно было поражать соображение. «Сто тысяч лампад внутри дома, карнизы, окна, простенки, все усыпано чистым кристаллом возженного белого благовонного воску, – пишет Державин. – Рубины, изумруды, яхонты, топазы блещут. Разноогненные с живыми цветами и зеленью переплетенные венцы и цепи висят между столпами, тенистые радуги бегают по пространству, зарево – сквозь свет проглядывает, искусство везде подражает природе. Во всем виден вкус и великолепие».

Но более всего поразил Державина Зимний сад – стеклянная оранжерея, наполненная разными чудесами. «Что же увидишь, вступая во внутренность? – пишет он. – При первом шаге представляется длинная овальная зала, или, лучше сказать, площадь, пять тысяч человек вместить в себя удобная и разделенная в длину в два ряда еще тридцатью шестью столпами. Кажется, что исполинскими силами вмещена в ней вся природа. Сквозь оных столпов виден обширный сад и возвышенные на немалом пространстве здания.

Таврический дворец. Современное фото

Оранжерея Таврического сада. Современное фото

С первого взгляда усомнишься и помыслишь, что сие есть действия очарования, или, по крайней мере, живописи и оптики; но, приступив ближе, увидишь живые лавры, мирты и другие благорастворенных климатов древа, не только растущие, но иные цветами, а другие плодами обремененные. Под мирною тению их,

инде как бархат, стелется дерн зеленый; там цветы пестреют, здесь излучистые песчаные дороги пролегают, возвышаются холмы, ниспускаются долины, протягиваются просеки, блистают стеклянные водоемы. Везде царствует весна, и искусство спорит с прелестями природы. Плавает дух в удовольствии.

Но едва успеешь насладиться издали зрением вертограда, нечувствительно приходишь к возвышенному на ступенях сквозному алтарю, окруженному еще семью столпами, кои поддерживают свод его. Вокруг оного утверждены на подставках яшмовые чаши, а сверху висят лампады и цветочные цепи и венцы; посреди же столпов на порфировом подножии с златою надписью блистает иссеченный из чистого мрамора образ божества, щедротою которого воздвигнут сей храм. Единое воззрение на него рождает благоговение и воспламеняет душу к делам бессмертным».

В свете говорили, что таким образом Потемкин пытается вернуть к себе расположение императрицы. Возможно, как любовник он и отправлен в отставку, но его положение, как политика, непоколебимо. «Положение Потемкина, – писал в 1790 году герцог Ришелье, – превосходит все, что можно вообразить себе в отношении к могуществу безусловному. Он царствует во всем пространстве между горами Кавказа и Дунаем и разделяет власть императрицы в остальной части государства».

* * *

Война со Швецией продолжалась до мая 1790 года и закончилась подписанием мирного договора в финской деревне Вереле. Обе страны остались в своих довоенных границах. Швеция отказалась от союза с Турцией, а Россия – от формулировок Ништадтского и Абоского трактатов, дававших ей возможность вмешательства во внутренние дела Швеции.

Война с Турцией продлилась еще год с небольшим. Осенью 1791 года в столице Молдавского княжества Яссы подписан мирный договор. Турция признавала за Россией право на владение Крымом, а границей между двумя Империями становилась река Днестр. Молдавское княжество в то время было оккупировано войсками Потемкина, он являлся фактическим главой Молдавского государства. Он украсил свой дворец с «азиатской роскошью и европейской утонченностью», развлекал своих гостей пышными театральными представлениями. В Молдавии он начал издавать первую газету на французском языке, покровительствовал художникам. Оттуда, из Ясс, он

отправился в свое последнее путешествие в Николаев, и умер на обочине дороги. Это произошло 5 (16) октября 1791 года.

Мы знаем как горевала Екатерина о «своем идоле». Через пять лет после смерти Потемкина, в 1796 году, она принимала в Таврическом дворце юного короля Швеции Густава IV Адольфа и его дядю Карла Зюдерманландского. Речь шла о возможном браке Густава и великой княжны Александры Павловны. Екатерина хотела обезопасить свои северо-западные границы и воплотить в жизнь хотя бы часть грандиозного плана.

Решительное объяснение между шведским королем и Екатериной состоялось на скамейке в Таврическом саду. Увы, надежды оказались тщетными. Густав категорически отказался позволить жене сохранить православную веру, а без этого вся затея в глазах Екатерины теряла смысл. Она пыталась уговорить Густава, пыталась надавить на его дядю, но все бесполезно. Шведы уехали, и императрица так сильно переживала эту неудачу, что, по мнению придворных, это ускорило ее конец. Екатерина умерла 6 [17] ноября 1796 года.

Александру Павловну два года спустя выдали замуж за эрцгерцога Иосифа, брата императора Франца II и племянника Иосифа II. Этот брак долго не продлился – Александра скончалась, рожая первого ребенка 4 марта 1801 года, сестра Елена пережила ее не намного. Она вышла замуж за герцога Мекленбург-Шверинского и скончалась от туберкулеза после вторых родов в 1803 году.

Великий князь Константин, так и не ставший Византийским императором, прославился в основном своим беспутством. Правда, позже он женился и женился по любви на полячке Иоанне Грудзинской, уехал в Польшу и прожил там несколько счастливых лет. Но восстание 1831 года заставило его бежать из Польши, и глубоко разочарованный он умер в Витебске, так и не вернувшись в Петербург, где как писал он незадолго до смерти брату, «стал совсем чужим и мне все стало чужое».

В одном расчеты Екатерины сбылись: Александр стал императором, слава которого гремела по всей Европе, хоть его владения были меньше тех, что прочила ему бабушка.

Из великолепных планов Потемкина также сбылась только малая часть, остальные так и остались «потемкинскими деревнями» – макетами, набросками, дававшими пищу лишь воображения. Может быть в этом общая беда всех визионеров и утопистов: они пытаются представить себе будущее так ясно и четко, что не оставляют ничего на волю случая. И когда случай начинает вмешиваться в их планы (а это неизбежно), они воспринимают такой поворот, как личное крушение. Не всем дано

восстать из пепла и смириться с тем, что кроме их воображения и воли в мире существует и иная сила – слепая и упрямая сила случая, сила сложения векторов множества желаний, та, которую Викентий Викентьевич Вересаев в статье о Льве Николаевиче Толстом называл силой «живой жизни».

Глава 6. Михаил Михайлович Сперанский

1

Не одна Екатерина связывала с Александром самые светлые надежды и самые заветные планы. Еще при его рождении Державин, видимо, вдохновляясь речами Екатерины, сочинил оду «На рождение в севере Порфирородного отрока». Как и полагалось в подобных стихах, весь греческий пантеон приветствовал появление на свет младенца и спешил одарить его качествами, необходимыми правителю:

Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом, все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
Будь страстей твоих владетель,

(Помните пожелания Екатерины – «побольше естественности» и «он будет превосходным человеком»?)

Спустя двадцать лет панегирик Державина отзовется в стихах его поэтического крестника Александра Сергеевича Пушкина.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте…

Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Люди XIX века и мыслят и чувствуют по-иному. Из речи исчезла помпезность, торжественная однозначность. Изменилось значение слова «человек». Если Державин рассматривает человека в контексте эпохи Просвещения, как существо, которое благодаря разуму обуздывает неистовство страстей и тем прикасается к вечности, то для Пушкина человек, царь, Александр – раб мгновенья, «раб молвы сомнений и страстей». И все же он заслуживает милосердия и прощения за то зло, которое причинил, потому что ему довелось совершить в своей жизни нечто великое и доброе: «Он взял Париж, он основал лицей».

Парадигма романтизма и романтического взгляда на человека сложилась в Европе на рубеже XVIII и XIX веков. Но если поэты-романтики хотели найти своего героя среди современников, не Фауста и не благородного разбойника Карла Мора, не доброго доктора Джекила, скрывающего внутри себя зловещего мистера Хайда, а реального человека, в котором тем не менее отразилась бы двойственность человеческой натуры, вечная борьба между добром и злом, благородными намерениями и низкими подлыми поступками, то лучшего примера, чем Александр I, им было бы не сыскать. Не потому, что Александр был каким-то особенным злодеем, или особенно добродетельным, а потому, что судьба императора – быть у всех на виду. Его добродетели воспевают поэты, его дурные поступки становятся мгновенно известны миллионам. Его победа над врагом (даже если он сам лично и не участвовал в битве) повод для всеобщего праздника. Его измена жене – повод для сплетен, которые «колеблют мир земной». Он – «икона стиля», а иногда и просто икона, и он же – воплощение всего, что ненавистно. Особенно тяжело тому властителю, который не желает быть просто «священным символом самодержавной власти», а пытается что-то сделать так, как ему представляется правильным.

* * *

В детстве и в юности Александра звали просто и мило – «наш

Ангел». Кажется, он и в самом деле был ангельски красив, добр и благороден. Что не удивительно, когда тебя воспитывают лучшие педагоги своего времени и все в один голос говорят тебе, что ты должен стать выдающимся человеком, образцом благородства и человеколюбия. Но когда Александр взошел на трон, он уже не был чистым и невинным отроком. В его памяти были живы постоянные ссоры между отцом и бабушкой, в которых он служил «яблоком раздора», ухаживание последнего бабушкина фаворита Платона Зубова за юной великой княгиней Елизаветой Алексеевной, и главное – его молчаливое согласие на убийство отца. Неизвестно, был ли Александр вовлечен в заговор, и как много он знал о планах заговорщиков, но когда те ворвались во дворец, убили Павла и сказали охваченному ужасом великому князю: «Полно ребячиться, идите царствовать» – он пошел, и не посмел наказать убийц отца, только постепенно удалил их от двора и заставил некоторых из них уехать из страны.

Александр I

Свою дальнейшую жизнь он рассматривал, как искупление, и надеялся совершить как можно больше добра для страны, чтобы доказать прежде всего самому себе, что он оказался на троне по воле неба, и исполнил свой долг государя. Но для этого Александру был нужен помощник и единомышленник. И он явился.

2

Михаил Михайлович Сперанский родился в семье дьячка, служившего в поместье светлейшего князя Николая Ивановича Салтыкова – одного из знатных вельмож екатерининских времен. Впрочем, никакого отношения к столичной и придворной жизни Салтыкова Михаил Васильев (так звали отца Сперанского) не имел. Он был сыном священника, женился на дочери дьякона и его единственному сыну также предстояло стать священнослужителем. Отец его еще не носил фамилии, и по старой традиции назывался лишь по имени отчеству – Михаил, сын Васильев. Кажется, Сперанский (от латинского слова spero – надежда) просто семинарское прозвище Михаила, позже переделанное им в фамилию. Первый биограф Сперанского, лицейский однокашник Пушкина, Модест Александрович Корф, пишет об отце Михаила Михайловича: «В сущности, он был, кажется, только добродушным человеком, очень обыкновенным, почти ограниченного ума, и без всякого образования». Прасковью Федоровну, мать Сперанского, Корф описывает так: «При маленьком росте, проворная, живая, она отличалась особенною деятельностью и острым умом, кроме того все в околотке уважали ее за набожность и благочестивую жизнь».

Сперанский учился во Владимирской епархиальной семинарии, далее за особые успехи был переведен в столичную Александро-Невскую семинарию и по окончанию курса оставлен там преподавателем математики, физики, риторики и философии.

* * *

Там его заметил и взял к себе секретарем князь Куракин. Конечно, это был не тот самый Куракин, что служил Петру I, а его праправнук, друг детства великого князя Павла Петровича, с 1797 года занимавший должность генерал-прокурора, представлявшего верховную судебную власть в России. Правда, Куракин пробыл на этом посту недолго: за четыре года правления Павел успел сменить четырех генерал-прокуроров. Сперанский при всех них оставался на должности канцеляриста.

Он прекрасно знал латынь и греческий, у него еще в семинарии выработался хороший слог, и вскоре он стал незаменим. Михаил Михайлович легко преодолел «стеклянный потолок», отделявший титулярных советников – чиновников IX

ранга, не имевших права на потомственное дворянство, от всех «вышестоящих», и в 1801 году уже действительный статский советник (IV ранг).

В 1801 году Павла I убили и наступила эра правления Александра. К тому времени Сперанский уже был «правителем канцелярии комиссии о снабжении резиденции припасами». Потом Михаил Михайлович становится «секретарем секретаря» нового императора – статссекретарем при Дмитрии Прокофьевиче Трощинском, который, в свою очередь, исполнял работу статс-секретаря при Александре I. Сперанский занимается редактированием царских манифестов и указов.

М.М. Сперанский

В 1803 году он уже директор департамента в министерстве внутренних дел. У него новый начальник – граф Виктор Павлович

Кочубей.

3

В 1831 году, когда Виктор Павлович умрет, Пушкин запишет в дневнике ехидную эпиграмму, то ли сочиненную им, то ли где-то услышанную:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.

Но пока, в начале нового века, Виктор Павлович уверен, что сделает много добра и потомки будут вспоминать его с благодарностью. Он является членом «негласного комитета» – компании молодых друзей Александра, с которыми император обсуждает, «как нам обустроить Россию». Обсуждает тайно, так как многие из его подданных боятся реформ и он обещал им, вступая на престол, что «при мне все будет, как при бабушке».

Но «негласный комитет» работает и вскоре материалам его заседаний Сперанский готовит записки: «О коренных законах государства», «О свободе и рабстве», «О постепенности усовершения общественного», «О силе общественного мнения» и «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России».

В 1803 году по распоряжению императора он составляет «План общего образования судебных и правительственных мест империи», затем «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и «Положения об устройстве учебных заведений», благодаря которому школы всех степеней были открыты для детей всех сословий, в Казани, Харькове, Вильнюсе и Дерпте появились университеты, в Царском Селе – лицей.

«Коренные законы государства», о которых идет речь в одной из записок, это, по мысли Сперанского, законы, которые должны защищать народ от произвола государя. «Сии правила названы коренными государства законами, и собрание их есть общее государственное положение, или конституция, – пишет Михаил Михайлович. – Правительство, на сем основании учрежденное, если или ограниченная монархия или умеренная аристократия. – И еще раз подчеркивает: – Коренные государства законы представляют собой пределы самодержавной воле».

Сперанский подчеркивает, что соотношения власти самодержавной и «народной» различно в современных ему

европейских странах: «По различию коренных государства законов власть самодержавная бывает более или менее ограничена. Иногда законы сии оставляют ей власть делать все постановления до собственности личности и чести граждан относящиеся, только бы не отходили они от коренных законов, и вместе исполнять сии постановления; тогда власть законодательная остается соединенною со властию исполнительною; иногда все, что принадлежит до законов, народ приемлет на себя и установляет для сего особенную законодательную силу, и тогда правительство имеет только власть исполнять; иногда, наконец, народ, принимая правительство в соучастие власти законодательной, берет вместо того известное соучастие во власти исполнительной, подвергая ее своему отчету или назначая ей средства содержания. Все сии различные властей сопряжения, разделения и ограничения производят столько же различных образов правления».

Но подчеркивает, что любое законодательство является фикцией, без четко прописанных механизмов их защиты. «В самом деле, какие бы законы народ ни издавал, если власть исполнительная не рассудит приводить их в действие, они будут пустые теории; если законодатели не будут иметь средств заставить исполнительную власть приводить волю их в действие, мало-помалу они станут все под ее влиянием, и государство, сохранив всю наружность принятого им образа правления, в самом деле будет водимо единою волею правительства».

Сперанский отмечает, что «наружный образ правления» может быть обманчив: «Рим под властью кесарей неоспоримо имел самое деспотическое правление, но наружный образ его был весь республиканский. Законы издавались от Сената; были народные трибуны; все почти разделение властей существовало в прежнем своем порядке, но свобода Рима была уже ниспровергнута в самых ее основаниях». Из этого следует весьма неожиданный вывод: Россия «наружно» оставаясь монархией, может стать страной, где осуществляется истинное народовластие. Как этого достичь?

Во-первых, «нет ничего нелепее и убийственнее для свободы, как раздробление состояний по промыслам их и исключительные права их. Правило сие можно назвать коренным уложением самовластия».

Во-вторых, «поелику нельзя себе представить, чтоб весь народ употребил себя к охранению пределов между им и правительством, то по необходимости должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно

независим, чтоб ее не бояться, и столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему. Это будет живая стража, которую народ вместо себя поставит на пределах государственных сил».

Эти «живые стражи» не могут быть выборными, так как выборы открывают простор для коррупции. Они также не могут быть чиновниками, напротив, им необходима «независимость в местах государственных от назначений верховной власти». И третье условие – их интересы должны совпадать с интересами народа. Это должен быть весьма малочисленный класс, который государство должно будет обеспечить богатством, так как «Бедность в настоящих политических системах не может почти быть совместна с уважением, а тем менее с духом независимости». Еще одно условие, необходимое для того, чтобы эта элита не теряла связи с народом, то «если постановлено будет: 1) чтоб дети сих людей, исключая первородных, были в числе народа, тогда притеснять народ было бы притеснять собственных своих детей, 2) чтоб все то, что касается до имений сего высшего класса, ведомо было в судилищах, по избранию народа составляемых». Интересна эта оговорка о первородных детях: Сперанский представляет себе «охранителей», как некое новое дворянство, обладающее правом передавать свое состояние по наследству, хотя и по принципу майората.

Кого имел в виду Сперанский? Некоторые историки считают, что он еще в начале века предвидел появление во второй его половине «демократической интеллигенции» – образованных выходцев из народа, которые став учеными, адвокатами, журналистами, писателями защищали интересы народа, едва ли это так. Именно во второй половине XIX века стало ясно, что нет прямой зависимости между происхождением человека и его убеждениями. «Знамя» демократической литературы Николай Алексеевич Некрасов – дворянин, дворянами были и Тургенев и Толстой. А символ реакционизма, о котором еще пойдет речь в этой книге, Константин Петрович Победоносцев – внук священника. Впрочем, Победоносцев, как и Некрасов, считал, что отстаивает именно интересы народа.

Нельзя не заметить противоречия в словах Сперанского: он считает, что «охранители» должны быть полностью отделены от власти, и одновременно обласканы ей, наделены состоянием и «знаками почета». Впрочем, в отдельных местах своего трактата он все же называет их «государственными чиновниками», в другом – «истинным монархическим дворянством». Его отличие от «обычного дворянства» он описывает так: «С народом связан он будет неразрывными узами родства и имении, с престолом –

столь же неразрывным союзом почестей и некоторым количеством собратий своих, волею монарха в сословие его вводимых».

Как же будет осуществляться деятельность «охранителей»? Сперанский рассматривает вполне вероятный сценарий: «Спросят, может быть, какую силу государство, сим образом во внутреннем своем правлении устроенное, может противопоставить, когда государь предприимчивый и властолюбивый вздумает, опрокинув его коренные законы, испровергнуть права его и попрать его свободу?» Например, так поступила в свое время Анна Иоанновна, разорвавшая кондиции. Какой государственный механизм будет работать в этом случае? Здесь нам предстоит услышать нечто еще более поразительное: «Никакое и самомалейшее нарушение закона не может произойти от правительства, чтоб оно в то же время не было примечено высшим классом народа, поставленным для охранения закона, и, следовательно, всем народом по естественной связи между им и сим классом существующей. Отсюда голос ропота не будет частным отголоском неудовольствия, но голосом целого народа, а народ всегда и для всех ужасен, когда вопль его совокупится воедино». Запомните эти слова. Позже мы узнаем, как они «аукнулись» Сперанскому.

Возможно, эта идея некая «личная утопия» Михаила Михайловича: он полагал, что одаренные люди, подобные ему, поднимутся «из низов» и станут неким неуязвимым «гласом народа». Не забывайте, что он еще очень молод, но это не повод относиться к нему снисходительно. Сперанский на ощупь искал варианты решения весьма насущных проблем. Как дать власти достаточную полноту и в то же время ограничить ее произвол? Как надежно защитить народ от злоупотреблений власти, источником которой является он сам, и которая должна защищать его от произвола? Зачастую, эти проблемы кажутся нам неразрешимыми и по сей день.

* * *

В основу реформ, разработанных «негласным комитетом» при активном участии Сперанского, должны были лечь три великих преобразования: отмена крепостного права, создание парламента и конституции. Название для российского парламента изобретает Сперанский. Он предлагает назвать его «Думой».

Отмену крепостного права Сперанский предлагал проводить в два этапа. На первом нужно было только «постановить известную меру повинностей, коих помещик законно может

требовать от земледельца, и вместе с тем, в успокоение самих помещиков, учредит некоторую расправу между ними и крестьянами». При этом сами крепостные «из личной крепости помещиков перейдут в крепость земле и будут только приписными». На втором же этапе: «Возвратится крестьянам и древнее их право свободного перехода от одного помещика к другому, и тем самым совершится уже и конечно их искупление». Однако этот этап, как специально подчеркивал Сперанский, должен был наступить не скоро. «Но я еще повторяю, сия последняя степень возрождения России требует времени и многих приготовлений, и повторяю сие не потому, чтоб бояться народных возмущений, но потому, что по пространству наших земель и малочисленности народа вольность таковая может заставить крестьян обратиться к некоторому роду кочевой жизни, столько же им, как и общей государственной экономии, пагубной».

Первым (и, как позже оказалось, единственным) движением Александра в этом направлении стал «Указ о вольных хлебопашцах» от 20 февраля 1803 года, который давал помещикам право освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями с обязательным наделением землей. За свою волю крестьяне выплачивали выкуп или исполняли повинности. Размеры выкупа оказались столь велики, что откупиться сумели лишь 50 000 крестьян – около 1,5 % от общего числа крепостных в России.

Три шага, предложенные Сперанским: конституция, парламент и постепенная отмена крепостного права – казались вполне логичными и естественными для государя, воспитанного в идеалах Просвещения и человеколюбия. Но мы уже знаем, что ни одно из этих преобразований не удастся претворить в жизни «здесь и сейчас» – в самом начале XIX века. Крепостное право будет отменено только в 1861 году племянником Александра I – Александром II, он же намеревался дать стране и конституцию, но был убит народовольцами прежде, чем осуществил свой замысел. Первая конституция в России появилась только после 1905 года. Первый Российский парламент начал работать при Николае II, фактически против его воли. Почему же этих, казалось бы очевидных, шагов пришлось ждать так долго? Потому что речь шла по сути о целостности и жизнеспособности государства. Труд крепостных крестьян – основной источник дохода не только для каждой конкретной дворянской семьи, но и для всей России в целом. А финансы России и так были в плачевном состоянии. Еще бабка Екатерина оставила разоренную постоянными войнами казну, Павел пытался поправить дело, но многого не сумел и просто не успел. В итоге у России оказался

полумиллиардный долг, разоренное хозяйство и никаких резервов. По поручению Александра I Сперанский разработал план оздоровления российской экономики, включавший в себя скупку обесцененных ассигнаций за счет распродажи государственного имущества и их уничтожение, сокращение расходов на все государственные ведомства, стимулирование внутренней и внешней торговли одновременно, введение новых налогов в том числе на помещичьи имения. В итоге доход в государственный бюджет увеличился в два раза. Но политические реформы в такой ситуации были бы просто политическим самоубийством.

Все три ветви власти в стране: законодательная, исполнительная и судебная «замыкались» на самодержце и таким образом централизованы. «Вписать» сюда еще и парламент и конституцию означало полностью поменять всю вертикаль власти и не понятно как быстро эта система окажется дееспособной, а государства-соседи не будут дожидаться, пока в России сменится строй. Решиться на реформы не на словах, а не деле оказалось очень не просто, Александр I не решился.

4

Позже еще один из бывших членов «негласного комитета» поляк Адам Чарторыйский напишет: «Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление. Он охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен. Лишь бы все добровольно исполняли одну только его волю». Отказ Александра от немедленных реформ был жестоким разочарованием для его друзей. «Негласны тайный комитет» распался, а у императора уже были другие весьма насущные проблемы.

В июне 1805 года едва оправившаяся от ужасов якобинского террора, Республиканская Франция становится империей во главе с «корсиканским чудовищем», и кумиром всех молодых офицеров, мечтавших о «своем Тулоне» – Наполеоном I Бонапартом. Новый император успешно ведет войны на континенте. Россия, являясь союзником Австрии, на которую нападает Наполеон, вступает в войну.

Наполеон окружил армию австрийского фельдмаршал-лейтенанта барон Карла Мака фон Лейбериха у города Ульм на реке Лех и заставил ее капитулировать до подхода русских войск. Отпущенный под честное слово, Мак вернулся в Австрию и был отдан под военный суд, по приговору которого лишен чинов и орденов. Позже Лев Толстой опишет в романе «Война и мир», как опозоренный и сгорающий от стыда Мак приезжает в ставку Кутузова.

Затем Кутузов нанес французам поражения в боях у Кремса и Шенграбена, но не смог избежать разгрома под Аустерлицем. В этом разгроме многие винили Александра, который приказал начать бой слишком рано, до подхода всех русских сил. Австрия была вынуждена заключить с Францией в Пресбурге (Братиславе) тяжелый для нее мирный договор.

Теперь против Наполеона выступали Россия, Англия, Пруссия и Швеция. Но Наполеон быстро разгромил прусские войска под Йеной и Ауэрштедтом. Потом была битва с русскими у Прейсиш-Эйлау, где обе стороны «пустили друг другу кровь», но ни одна не одержала решительной победы. Позже Наполеон в разговоре с русским военным агентом во Франции А.И. Чернышевым заявил: «Я назвал себя победителем под Эйлау потому только, что вам угодно было отступить». Александр же считал, что победа осталась за ним и для русских офицеров – участников битвы изготовили золотой крест «Победа при Прейсиш-Эйлау 27 генв. 1807 г.». Последовало новое сражение – 2 (14) июня под Фридландом на западном берегу реки Алле. На этот раз победили

французы и 21 июня 1807 года Александр вынужден подписать мирный договор с Наполеоном в Тильзите.

На полях сражений Александру нужны были полководцы, такие как Кутузов, хотя император не всегда следовал его советам. Когда настало время вести мирные переговоры, ему потребовались дипломаты и секретари, и одним из них стал Сперанский.

* * *

С 1807 года Михаил Михайлович становится личным секретарем императора. Он познакомился с Наполеоном и тот, восхитившись его владением слогом, в шутку предложил Александру обменять Сперанского «на какое-нибудь королевство».

Один из друзей царя Павел Александрович Строганов написал о своем повелителе: «По свойственной ему лености, должен был, естественно, предпочитать тех, которые, легко схватывая его мысли, способны выразить их так, как он сам хотел бы это сделать, и избавляя его от труда, старательно отыскивать желательные выражения, излагать его мысли ясно, и, если возможно, даже изящно, это условие избавления от труда существенно необходимо». И Александр привлекает Сперанского к составлению не только внешнеполитических документов, но и указов, касающихся внутренней политики России. В декабре 1808 года император поручает Сперанскому составить так называемое «Введение к уложению государственных законов».

В начале Сперанский дает краткий очерк движения России от абсолютного единовластия к тому, что мы сейчас назвали бы «правовым государством»: еще при Алексее Михайловиче «признаваемо было необходимым призывать на совет просвещеннейшую по тогдашнему времени часть народа, бояр, и освящать меры сии согласием патриарха; приметить здесь должно, что советы сии не были делом кабинета, но установлением публичным и в самых актах означаемым».

При Петре I политическое положение в России не изменилось, но «по одному, так сказать, инстинкту просвещения он все к тому приуготовил»: познакомив Россию с европейской культурой и образованием, он тем самым готовил ее к свободе.

Попытку верховников ввести ограничения самодержавной власти Сперанский признает преждевременной и напоминает «сколь тщетно предварять обыкновенный ток вещей».

«Дщерь Петрова», как и ее отец, не стала ни на йоту

поступаться своей самодержавной властью. Но система, обозначенная ее отцом сама собой, благодаря «обычному току вещей», толкала государство к политическим изменениям. «Век Императрицы Елисаветы тщетно протек для славы государства и для политической его свободы. Между тем однакоже семена свободы, в промышленности и торговле сокровенные, возрастали беспрепятственно».

И наконец, век Екатерины II должен был стать временем триумфа гражданских свобод. «Все, что в других государствах введено было для образования генеральных штатов; все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы; наконец, почти все то, что после, двадцать пять лет спустя, было сделано во Франции для открытия последней революции, все почти было ею допущено при образовании Комиссии Законов. Созваны депутаты от всех состояний, и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан наказ, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великих пожертвования и издержки, дабы облечь сословие сие всеми видами свободы и величия, словом, все было устроено, чтобы дать ему, и в лице его России, бытие политическое». Но «Уложенная комиссия» – парламент с совещательным голосом были лишь «эфемеридой», просуществовавшей всего два года, а «поблажки», сделанные одним сословиям («Жалованной грамоте дворянству 1785»), оборачивались ограничением прав других – Екатерина не только не освободила российских крестьян, но и ввела крепостное право в Малороссии. Сперанский признает эту двойственность решений императрицы, признает, что с ходом времени она разочаровалась в своих юношеских идеалах.

Каким же должен быть следующий шаг?

* * *

Сперанский предлагает систему, которая кажется нам привычной и само собой разумеющейся: «Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе: ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении их к общежитию».

Он снова вводит понятие «коренных законов» – общих принципов, составляющих непреложную основу законодательства. Еще ранее он утверждал, что в составлении «коренных законов»

должен принимать участие народ. Но является ли народ однородным?

В этом документе Михаил Михайлович предлагает разделить всех граждан российской империи на три «состояния» – дворяне, «среднее сословие», к которому относятся купцы, мещане, государственные крестьяне, однодворцы и чиновники, т. е. все способные владеть собственностью, но не являющиеся дворянами, и «народ рабочий», т. е. крепостные крестьяне и дворовые люди, наемные рабочие, мастеровые. В их распоряжении находятся только часть, как сказали бы в конце XIX века, «производительных сил» – их собственные навыки, отчасти, возможно, орудия труда и сырье, но поскольку они не обладают автономией, то не могут иметь всей полноты прав. Гражданскими правами («то есть безопасность лица и имущества») обладают все, без исключения. Но политические права остаются прерогативой только первых двух классов: дворян и людей «среднего состояния».

Критерием оказывалось владение недвижимостью – землей или домами, лавками, мастерскими и т. д. «Но если вместе с ними допустить к сему участию и людей, собственности не имеющих, тогда голос и суждение сих последних по числу их, без сомнения, возьмет перевес, и, следовательно, все избирательные силы народа перейдут в руки тех самых, кои наименее в доброте сих выборов имеют участие и наименее способов к правильному их усмотрению».

При этом Сперанский делает весьма существенную для его читателей оговорку: «Странно бы было допустить, чтобы помещичий крестьянин, разбогатев по случаю, купил деревню, населенную другими подобными крестьянами, и управлял бы ею по закону, тогда как власть его, воспитанием не предуготовленная, ни познания закона, ни морального к себе уважения приобресть не может. Из сего следует, что собственность недвижимых имений населенных не может принадлежать всем без различия, и должен быть класс людей, коему бы право сие принадлежало исключительно». Таким образом дворянство, кроме общих гражданских прав, получает еще особые права, которых не имеют другие сословия. Сперанский, однако, подчеркивает, что граница между сословиями преодолима, работник или слуга может, заработав деньги, приобрести недвижимость и перейти во второе сословие, мещанин может, получив образование и поступив на государственную службу, приобрести личное дворянство, а потом и потомственное, как это сделал сам Сперанский. «Те самые лица, кои по положению их не имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности».

* * *

В чем заключаются политические права?

Право на «предложение законов» по мысли Сперанского всецело принадлежит правительству. «Если источник закона поставить в некоторых случаях вне пределов державной власти, тогда может произойти безмерное в видах разно образие и несвязность; тогда часто в законодательном собрании будет теряться время в предложениях невместных или неблаговременных; тогда для самого порядка сих предложений должно будет учредить в законодательном сословии множество форм и обрядов, коих охранение может, особенно у нас, произвести великую сложность и затруднение; тогда правительство может быть поставлено в неприятное положение отвергать или не давать своего утверждения на такие предметы, кои будут законодательным сословием приняты». Но каким он видит это правительство? «Быв окружена во всех своих важных деяниях государственным советом, коего бытие установляется не произволом ее, но коренным государственным законом, нет сомнения, что власть державная всегда будет иметь более способов предлагать законы с зрелостию, нежели каждый член законодательного сословия». Итак, речь идет не просто о государе и послушных ему чиновниках. В дело вмешивается любимое детище Сперанского «государственный совет», существование которого определяют «коренные законы». Однако за императором остается «право вето» – право отменять любой закон.

Сперанский предусматривал и существование специального «законодательного сословия», которое должно принимать или отвергать законы, предложенные правительством. «Есть однакоже исключение, которое необходимо должно допустить в сем правиле, – замечает Сперанский. – 1) Когда какою-либо мерою правительства явное сделано будет нарушение коренному государственному закону, как-то личной или политической свободе. 2) Когда правительство в установленное время не представит узаконенных отчетов. В сих только двух случаях законодательное сословие может собственным своим движением, предварив однакоже правительство, предложить дело на уважение и возбудить узаконенным порядком следствие против того министра, который подписал сию меру, и просить вместе с тем ее отмены».

Как возникает это сословие? Самый низший его слой – Волостная дума. Как она формируется? «Селения от каждого пятисотного участка посылают в думу одного старшину». Она сообщает окружной думе «об общественных волостных нуждах»

и занимается распределением денег, выделенных окружной думной для удовлетворения этих нужд. Она также выбирает членов волостного совета, волостного суда и «депутатов в думу окружную». Та, в свою очередь, контролирует деятельность Волостной думы и выбирает членов окружного совета и суда и депутатов в Губернскую думу. Губернская дума собирается раз в три года из депутатов окружных дум. Выбирает членов губернского совета и суда и депутатов в Государственную думу. И наконец, Государственная дума рассматривает предложения законов, поступившие «от имени державной власти одним из министров или членов государственного совета».

Исполнительная и судебная власть также должна принадлежать «власти державной». На практике осуществлять исполнительную власть должны министры, предварительно давшие подписку о соблюдении законом и несущие за это полную ответственность. Судебная же власть делегируется правительством судам – волостным, окружным, губернским, назначенным по «избранию тех самых лиц, кои могли бы приносить на нее жалобы» и, наконец, Сенату, назначаемому императором из кандидатов, предложенных губернскими думами. Правительство также оставляет за собой «власть, надзирающую и охраняющую судные образы».

Таким образом, самодержавная власть по-прежнему сосредотачивает в своих руках рычаги управления всеми тремя ветвями власти: ни о какой реальной независимости их не идет и речи. Впрочем, Сперанский вовсе не являлся апологетом республиканского правления. Он пишет: «Рабы однакоже всегда и везде существовали. В самых республиках число их почти равнялось числу граждан, а участь их там была еще горше, нежели в монархиях».

Сперанский планировал, что в 1811 году, благодаря осуществлению его проекта, «Россия воспримет новое бытие и совершенно преобразуется». Что в итоге вышло из этого внутренне противоречивого проекта, который тем не менее являлся существенным шагом по направлению к гражданскому обществу?

Из предложенных Сперанским реформ власти в реальности осуществлено только формирование Государственного совета. Он организован еще до записки Сперанского – в 1801 году, но его полномочия были значительно сужены: ему предстояло стать «законосовещательным органом», дававшим рекомендации по поводу проектов законом. Совет должен помогать царю в оценке новых проектов, но его рекомендации самодержец мог не принимать во внимание. В таком виде и с такими полномочиями

Государственный совет существовал до 1906 года. Вы, возможно, помните картину Ильи Ефимовича Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день 100-летнего юбилея со дня его учреждения».

5

Если человек поднимается из низов до самых вершин власти, у него обычно мало друзей. Те, с кем он был знаком в юности, остались далеко внизу, а высший свет с недоверием и презрением смотрит на выскочку и парвеню. Так было и со Сперанским. Уже сам факт его возвышения принес ему немало недоброжелателей, и проводимые им реформы, даже не доведенные до конца, разозлили почти всех.

Особенно встревожили высший свет два закона, принятых Александром при Сперанском. К первому из них Михаил Михайлович не имел прямого отношения, но содержание его было возмутительно само по себе. Он упразднял понятие о придворной службе, как занятии, равном службе военной или штатской. Теперь дворяне, имеющие придворные звания, должны найти себе место в министерстве или в каком-либо полку, иначе они лишились бы положения в Табели о рангах и соответствующего оклада. Другой указ действительно создан по проекту Сперанского. Он предусматривал для чиновников, желающих подняться выше 9 класса (титулярный советник), получить чин коллежского асессора и потомственному дворянству предъявить университетский диплом или сдать экзамен экстерном. Программа включала основы всех наук, преподаваемых в высших учебных заведениях, кроме медицины, и выдача аттестатов возлагалась правительством на университеты.

Этим законом остались недовольны не только чиновники, но и часть интеллигенции, которая, впрочем, тоже в большинстве своем была дворянского происхождения. Николай Михайлович Карамзин жаловался: «Доселе в самых просвещенных государствах от чиновников требовались только необходимые для их службы знания: науки инженерной от инженера, законоведения от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойства оксигена и всех газов, вице-губернатор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни сорокалетняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга узнать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные».

Цель и целесообразность принятия подобного указа очевидна – управленец должен быть грамотным и образованным, иначе он не сможет достояно исполнять свои обязанности. Но складывалась довольно щекотливая ситуация: мы уже знаем, что

среди принимающих экзамен университетских профессоров незначительная часть дворян и много разночинцев. Теперь именно они определяли, может ли дворянин подняться выше по служебной лестнице.

О Сперанском было пущено немало сплетен: его называли масоном, иллюминатом[31], говорили, что Наполеон обещал ему польскую корону за ослабление России (Сперанский сказал на это, «что за корону все же не так обидно продать отечество, как за деньги»). По поводу этих обвинений Сперанский писал Александру в феврале 1811 года, т. е. за год до своего падения: «В течение одного года я попеременно был мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и сделался, наконец, записным иллюминатом. Толпа подьячих преследовала меня за указ 6 августа эпиграммами и карикатурами. Другая такая же толпа вельмож со всею их свитою, с женами и детьми, меня, заключенного в моем кабинете, одного, без всяких связей, меня ни по роду моему ни по имуществу не принадлежащего к их сословию, целыми родами преследует, как опасного уновителя. Я знаю, что большая их часть и сами не верят сим нелепостям, но скрывая собственные страсти под личиной общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именем вражды государственной; я знаю, что те самые люди превозносили меня и правила мои до небес, когда предполагали, что я во всем с ними буду согласен, когда предполагали найти во мне простодушного клиента и когда пользы их страстей требовали противуположить меня другому».

В самом деле эти нелепые светские сплетни не возымели бы никакого действия, если бы Александр был уверен во взятом им курсе. Но в ситуации близкой войны с Наполеоном (никто не сомневался, что мирная передышка продлится недолго) глобальные реформы, даже «щадящие», которые предлагал Сперанский во «Введение к уложению государственных законов», были все еще слишком опасны.

17 марта 1812 года император вызвал Сперанского в Зимний дворец и объявил о его отстранении от должности. По-видимому, для Михаила Михайловича это известие оказалось большой неожиданностью. Историк, специалист по эпохе Александра I Андрей Зорин рассказывает: «По сути дела, Александру пришлось сдать Сперанского. Он уволил его без объяснения, сказав лишь: „По известной тебе причине“. Опубликованы многословные письма Сперанского Александру, в которых он пытается понять, в чем же причина немилости государя, и заодно оправдаться… Про последний разговор Александра со Сперанским ходило много легенд. Якобы император сказал ему, что он должен удалить

Сперанского, потому что иначе ему не дадут денег: что это могло значить в условиях абсолютной монархии – понять трудно. Говорили, что, объявив Сперанскому об отставке, Александр обнял его и заплакал: он вообще был легок на слезу. Одним он потом рассказывал, что у него отняли Сперанского и ему пришлось принести жертву. Другим – что разоблачил измену и даже намеревался расстрелять предателя. Третьим объяснял, что не верит доносам и, если бы его не вынуждал недостаток времени перед войной, он бы потратил год на подробное изучение обвинений. Скорее всего, Александр не подозревал Сперанского в предательстве, иначе он вряд ли бы затем вернул его к государственной службе и сделал бы пензенским губернатором и губернатором Сибири. Отставка Сперанского была политическим жестом, демонстративным принесением жертвы общественному мнению, и он сильно укрепил популярность Александра перед войной».

Михаила Михайловича официально обвинили в тайных сношениях с французским послом (Сперанский действительно переписывался с ним, но вполне легально по поручению Александра). Дома его уже ждал министр полиции Балашов с предписанием покинуть столицу. Свет ликовал. Варвара Ивановна Бакунина, жена Михаила Михайловича Бакунина, санкт-петербургского гражданского губернатора, в те дни записывает в дневнике: «Велик день для отечества и нас всех – 17-й день марта! Бог ознаменовал милость свою на нас, паки к нам обратился и враги наши пали. Открыто преступление в России необычайное: измена и предательство. Неизвестны еще всем ни как открылось злоумышление, ни какия точно были намерения и каким образом должны были приведены быть в действие. Должно просто полагать, что Сперанский намерен был предать отечество и Государя врагу нашему. Уверяют, что в то же время хотел возжечь бунт вдруг во всех пределах России и, дав вольность крестьянам, вручить им оружие на истребление дворян. Изверг, не по доблести возвышенный, хотел доверенность Государя обратить ему на погибель. Магницкий, наперсник его и сотрудник, в тот же день сослан… 17-го ввечеру Сперанский был призван к Государю, который, как уверяют, долго его увещевал, надеясь и ожидая признания, но тщетно: ожесточенный изменник твердо уверял о своей невинности, наконец, уличенный доказательствами, кои были в руках Государя, бросился к ногам его и рыдал горько, от страху ли то было или досады, что открылось, или от раскаяния – Богу одному известно. После сего разговора был он отправлен с полицейским чиновником, как говорят, в Нижний, Магницкий – в Вологду».

Михаил Леонтьевич Магницкий, один из друзей, единомышленников и ближайших сподвижников Сперанского, работавший под его началом в «экспедиции государственного благоустройства», а затем департамента законов, теперь разделил с ним опалу.

Александру тяжело далось этой решение. Его близкий друг князь Александр Николаевич Голицын вспоминает, что застал императора очень мрачным и спросил: «…не болен ли он. – Александр ответил: „Если бы у тебя отсекли руки, верно, кричал бы и жаловался, что тебе больно. У меня в прошлую ночь отняли Сперанского, а он был моей правой рукой“».

* * *

Веком позже Лев Толстой сделает Сперанского одним из героев романа «Война и мир». Михаил Михайлович будет начальником князя Андрея, тот познакомится с ним в 1809 году и будет работать под руководством Сперанского в комиссии по составлению воинского устава. Князь сначала восхищается Сперанским, потом приходит к выводу, что вся их совместная деятельность не имеет смысла. «Князь Андрей смотрел близко в эти зеркальные, непропускающие к себе глаза, и ему стало смешно, как он мог ждать чего-нибудь от Сперанского и от всей своей деятельности, связанной с ним, и как мог он приписывать важность тому, что делал Сперанский. Этот аккуратный, невеселый смех долго не переставал звучать в ушах князя Андрея после того, как он уехал от Сперанского». На следующий день он едет с визитом к Ростовым, вновь встречается с Наташей и вскоре делает ей предложение, выбрав «живую жизнь», а не бюрократические игры и пустые мечты о преобразовании России.

По воле Толстого, вернувшийся из-за границы князь Андрей получает известие об отставке Сперанского и об измене Наташи почти одновременно. Пьер Безухов приезжает проведать друга и застает его оживленно беседующим с отцом и еще одним гостем – князем Мещерским: «Речь шла о Сперанском, известие о внезапной ссылке и мнимой измене которого только что дошло до Москвы.

– Теперь судят и обвиняют его (Сперанского) все те, которые месяц тому назад восхищались им, – говорил князь Андрей, – и те, которые не в состоянии были понимать его целей. Судить человека в немилости очень легко и взваливать на него все ошибки другого; а я скажу, что ежели что-нибудь сделано хорошего в нынешнее царствованье, то все хорошее сделано им –

им одним». И потом добавляет: «Ежели бы была измена и были бы доказательства его тайных сношений с Наполеоном, то их всенародно объявили бы – с горячностью и поспешностью говорил он. – Я лично не люблю и не любил Сперанского, но я люблю справедливость». И Пьер «узнавал теперь в своем друге слишком знакомую ему потребность волноваться и спорить о деле для себя чуждом только для того, чтобы заглушить слишком тяжелые задушевные мысли».

Возможно, князь Андрей защищает Сперанского из присущего ему правдолюбия и чувства справедливости, возможно, чтобы избежать мысли об измене Наташи. А может быть на миг он почувствовал сходство своей ситуации с ситуацией Сперанского, оба были «отправлены в отставку», без вины, получили весьма ощутимый пинок от той самой «живой жизни», и она обернулась к ним не самой привлекательной стороной.

6

Сперанский отправился в ссылку в Нижний Новгород, а затем в Пермь, затем в свое имение Великополье. Армия Наполеона сожгла Москву, потом откатилась назад, к реке Березине, умер Кутузов, начался заграничный поход русской армии, Александр с триумфом вошел в Париж – Сперанский оставался осужденным и сосланным.

В 1816 году в Великополье приезжает фельдъегерь. Аракчеев, новый ближайший друг и правая рука императора, сообщает Сперанскому, что по его поводу издан новый указ. В этом документе Александр пишет: «Перед началом войны в 1812 году, при самом направлении моем к армии, доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудила меня удалить от службы тайного советника Сперанского и действительного статского советника Магницкого, к чему во всякое другое время не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении моем приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их, и не нашел убедительных причин к подозрениям. Потому, желая преподать им способ усердною службою очистить себя в полной мере, всемилостивейше повелеваю: тайному советнику Сперанскому быть Пензенским гражданским губернатором, а действительному статскому советнику Магницкому – воронежским вице-губернатором».

На новом месте Сперанского поддержали старые друзья – семья Столыпиных, «богатые и значущие помещики Пензенской губернии», как пишет Корф. Решительные действия нового губернатора при подавлении крестьянского бунта в селе Кутли также прибавили к его репутации несколько очков: «убедились, что он не поддерживает затейливых притязаний крестьян, не потакает им, и с тех пор губерния стала иначе смотреть на нового своего начальника», – объясняет тот же Корф, и тут же в примечаниях рассказывает, как Сперанский осудил и сослал в Сибирь помещика, который засек своего крепостного до смерти. Образ «строгого, но справедливого» начальника, нелицеприятного блюстителя закона помог Сперанскому заслужить уважение пензенских обывателей. Сперанский был человеком замкнутым (что не удивительно, если вспомнить его биографию), в быту непритязательным, он спал в своем кабинете на диване (эта привычка появилась у него еще в Петербурге), целые дни проводил за работой. Он вставал в 6, а иногда в 5 часов утра, и мог работать по 18 часов в сутки. Разумеется масштаб новой

деятельности был не соизмерим с тем, к которому привык Сперанский. Да и сотрудники были уже не те, что прежде. Корф пишет: «Тот секретарь губернского правления, которого Сперанский застал при своем определении, страдал запоями, а секретарь приказа общественного призрения, исполнявший должность губернаторского, был страстный картежник и не умел составить ни одной бумаги, хотя бы несколько выходившей из общей колеи. Заменить их было некем и оттого губернатор все, сколь-нибудь важное, должен был писать сам».

Но все же Михаил Михайлович, вероятно, быстро понял, что такая «микрополитика» и «микроэкономика» имеет свои преимущества: за всем можно было проследить лично. Сперанский взял за правило принимать и рассматривать все поступавшие к нему жалобы как письменные, так и устные, старался выносить решения без проволочек и контролировать их исполнение. Он приближал к себе способных молодых чиновников и сам обучал их, готовя себе верных помощников. А еще, легенда гласит, что он поделился с жителями Пензы рецептом чудесного эликсира от зубной боли, который потом долго продавался в пензенских аптеках под названием «капли Сперанского».

Однако объем работы, который он видел перед собой, порой приводил его в уныние. После своей поездки по губернии Сперанский писал: «Сколько зла, и сколь мало способов к его исправлению! Усталость и огорчение были одним последствием моего путешествия». И в то же время он рассказывал дочери, что «люди здесь предобрые, климат прекрасный, земля благословенная»…

* * *

Итак, Сперанский, хоть и медленно, но все же начал подниматься на колесе Фортуны. Житейский опыт советует в таких случаях сидеть тихо и не привлекать к себе лишнего внимания: все и так совершится само собой. Но, кажется, Сперанский уже не может ждать. Он посылает письмо за письмом в Петербург, к Аракчееву, к графу Несельроде, к графу Кочубею. Последнему он пишет без околичностей: «В письмах к Его Величеству и особенно к графу Аракчееву (из Великополья) я просил суда, и решения. Все опасности сего поступка я принимал на свой страх, а неприятелям своим предоставлял все способы поправить ошибку самым благовидным образом. На случай одной крайности присовокуплял я и другое средство – службу. Из двух

однако ж, именно выбрали худшее и меня ни оправданного, но осужденного послали оправдываться, и вместе управлять правыми. Один Бог сохранил меня от печальных предзнаменований, с коими появился я в губернии. По счастью – и единственно по счастью – добрый смысл дворянства и особенно старинная связь моя со Столыпиными мало-помалу рассеяли все предубеждения…. Обращаясь лично к себе, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобы сделали меня сенатором, а потом дали в общем и обычном порядке чистою отставку. После чего я побывал бы на месяц или на два в Петербурге, единственно для того, чтобы заявить, что я боле не ссыльный и что изгнание мое кончилось. В постепенном приближении к сей единственной неподвижной цели, которую одну я буду преследовать не только постоянно, но даже с несвойственным мне упрямством, я буду всегда полагать свою надежду на сильное Ваше содействие, по мере случаев и возможности, кои представиться к тому могут».

Кочубей ответил ему длинным письмом, по словам Корфа «целою книгою», в котором подробно рассказывал о своем заграничном путешествии и между прочим заметил: «Вы пишете о намерении Вашем искать увольнения, но если бы предложено было вам здесь место, неужели не согласились бы вы, вместо сената, посредством такого перехода восстановить себя в том положении, коего вы после ссылки вашей желаете?» Он советует Сперанскому составить записку «о недостатках в губернии», и приехать с нею в Петербург «на самое короткое время… чтобы вполне оправдаться».

И.Б. Пестель

Видимо, Сперанский втайне надеялся именно на такой ответ (вернее: именно на такой вопрос). Он приступил к составлению доклада об улучшении дел в губернии, но закончить его не успел. Хотел он просить и об отпуске в Петербург, но Аракчеев отсоветовал обращаться с этой просьбой к государю.

И вот в марте 1819 году от Александра поступило новое распоряжение: «Нашел я полезнейшим, облеча вас в звании генерал-губернатора, препоручив вам сделать осмотр сибирских губерний и существующего до сего времени управления в оных, в виде начальника и со всеми правами и властью, присваиваемыми званию генерал-губернатора. Исправя сею властию все то, что

будет в возможности, облеча лица, предающиеся злоупотреблениями, предав кого нужно законному суждению, важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство сего отдаленного края».

Предшественником Сперанского на этом посту был Иван Борисович Пестель, отец будущего декабриста, имел «губернаторский стаж» 12 лет. Жил в Петербурге, Сибирью правил «дистанционно» с помощью верного ему иркутского губернатора Н.И. Трескина. Сперанский, познакомившись с ним лично, описывал его так: «…наглый, смелый, неглупый», но «худо воспитан» и «хитер и лукав, как демон». Известный публицист Николай Греч писал о Трескине: «Сибирь стонала под жесточайшим игом. Пестель окружил себя злодеями и мошенниками: первым из них был Николай Иванович Трескин, гражданский губернатор иркутский. До сих пор живо в Сибири воспоминание о тех временах». Тем не менее Пестеля только уволили от должности и он продолжал жить в Петербурге, пытаясь выпутаться из финансовых затруднений. Трескин по материалам расследования, начатого Сперанским, также уволен со службы и предан суду Сената, лишен чинов и права въезда в столицы.

Н. И. Трескин

«Чем дальше опускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого», – писал Сперанский. Он объехал все губернские города, а кроме того посетил Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск. Из Нерчинского завода он написал дочери: «Вчерашний день я провел в аду. Я видел своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения…».

На этом посту Михаил Михайлович смог провести реформы, разрешил обращаться к нему напрямую в жалобами на самоуправство местных властей, сместил с должностей двух губернаторов – томского и иркутского и отправил под суд 680 чиновников. Им составлены «Учреждения для управления Сибирских губерний» и «Устав об управлении инородцев», снял

все ограничения внутренней торговли, обеспечил Сибирь хлебом, подготовил административную реформу, в результате которой Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства – Западное и Восточное, которыми управляли Главные управления из шести чиновников: трое по назначению самого главного начальника края, а трое представляли интересы министерства внутренних дел, финансов и юстиции. Кроме того, в каждом из генерал-губернаторств и во всех их округах и уездах были созданы коллегиальные органы местной законодательной власти. Эти коллегиальные советы стали гарантами законности принимаемых решений. Михаил Михайлович также заново открыл несколько ранее закрытых уездных школ и училищ.

Сперанский пробыл на посту Сибирского губернатора очень не долго, всего два года и не увидел результата многих своих начинаний. 21 июня 1821 года по указу императора создан I Сибирский комитет. Заручившись поддержкой Голицына, Кочубея и Аракчеева, Сперанский предложил комитету свои реформаторские проекты и получил одобрение. 22 июля 1822 года Александр подписал 10 законов особого «Сибирского учреждения»: «Учреждение для управления сибирских губерний и областей», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городовых казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами».

В 1821 году Михаил Михайлович по приказу Александра вернулся в Петербург и назначен управляющим Комиссией составления законов, членом Государственного совета по департаменту законов.

7

Но работать под началом Александра, как в старые добрые времена, Сперанскому пришлось совсем не долго.

В тревожные дни декабря 1825 года, когда тело умершего императора везли из Таганрога, а в Петербурге не могли решить вопрос кто же взойдет на трон, именно Сперанский вместе с Карамзиным подготовил для Государственного совета Манифест великого князя Николая Павловича о наследовании им короны посла смерти Александра.

Декабристы рассчитывали на поддержку Сперанского, хотели видеть его в правительстве новой, республиканской России. Вместо этого он стал одним из их судей.

Но прежде Михаил Михайлович сам попал под подозрение. Что было вполне логично: многие из заговорщиков высказывали те же идеи, что и Сперанский в молодости. Правда, тогда эти идеи разделял и Александр. Теперь же Кондратий Федорович Рылеев заявил на допросе, что «Сперанский наш». Но Каховский, подтвердив, что пару раз уже слышал эти слова от Рылеева, добавил: «Рылеев очень часто себе противоречил, и потому я не дал много веры словам его». А сам Рылеев давая письменные показания, вдруг признался: «О Сперанском я никогда ничего не говорил подобного, что показал Каховский, но признаюсь, я думал, что Сперанский не откажется занять место во Временном правительстве. Это я основывал на любви его к отечеству». То же утверждал Бестужев и некоторые другие декабристы: они хотели после победы пригласить Сперанского в правительство (что было бы, согласимся, весьма логично), но никаких переговоров с ним по этому поводу еще не вели. Допросили также слуг Сперанского, но так и не смогли установить, что он вступил в сговор с декабристами. В конце концов непричастность Сперанского к заговору признали официально.

1 июня 1826 года Николай I подписал Манифест и указ Сенату об учреждении Верховного уголовного суда и одобрил подготовленный Сперанским общий порядок («обряд») судопроизводства и подчеркивал необходимость соблюдения в суде «справедливости нелицеприятной, ничем не колеблемой, в законе и силе доказательств утвержденной».

В состав суда вошли 72 представителя высших военных и государственных чиновников. Председателем суда был назначен председатель Государственного совета и Комитета министров князь Лопухин. Не мало времени занял вопрос о том, как рассадить судей за столом, чтобы никто из них не посчитал себя

обиженным. «Чтобы не тронуть фамильную спесь, – писал Сперанский, – не лучше ли разместить Головкина и Строгонова генералами по старшинству их, а Кушникова поставить уже последним».

При принятии решения о наказании только Николай Семенович Мордвинов высказался против смертной казни. Остальные судьи, в том числе и Сперанский, приговорили к смерти не только 5 стоявших «вне разряда» декабристов, но и всех осужденных по первому разряду – 31 человек. От казни их спасло только помилование императора.

При Николае I Сперанский возглавил второе отделение императорской канцелярии, которое занималось ревизией и согласованием законов Российской империи.

Под его руководством проведена огромная работа по розыску, сличению и упорядочению отдельных законодательных актов и правительственных распоряжений. Итогом этой работы стали два многотомных издания. В 1830 году вышло 46-томное Полное собрание законов Российской империи, вобравшее в себя свыше 80 тысяч актов, начиная с Соборного уложения, которым открывался 1-й том, и заканчивая законами 1825 года, помещенными в последнем томе. Законодательные акты располагались в нем в хронологическом порядке. Через три года выпущено собрание действующих законов империи. Под руководством Сперанского в 1834 году создана Высшая школа правоведения для подготовки квалифицированных юристов. Второго апреля 1838 года Действительный тайный советник Сперанский назначен председателем Департамента законов Государственного совета.

Философ и публицист Георгий Петрович Федотов, эмигрировавший из России в 1925 году и бывший профессор Русского православного богословского института в Париже, а затем Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке, пишет о значении работы Сперанского для российского общества: «В XIX веке реформа была проведена так бережно, что дворянство сперва и не заметило ее последствий. Дворянство сохранило все командные посты в новой организации и думало, что система управления не изменилась. В известном смысле, конечно, бюрократия была „инобытием“ дворянства: новой, упорядоченной формой его службы. Но дух системы изменился радикально: ее создатель, Сперанский, стоит на пороге новой, бюрократической России, глубоко отличной от России XVIII века. Пусть Петр составил Табель о рангах – только Сперанскому удалось положить Табель о рангах в основу политической структуры России… Попович Сперанский положил конец… дворянскому раздолью. Он

действительно сумел всю Россию уловить, уложить в тончайшую сеть табели о рангах, дисциплинировал, заставил работать новый правящий класс».

* * *

Каким был Сперанский в последние годы жизни? Модест Корф, в свое время сменивший Сперанского на посту государственного секретаря и ставший биографом Михаила Михайловича, вспоминает в дневнике первые впечатления от встречи с ним: «Работав с Сперанским с 1825 по 1831 год почти ежедневно, возобновив с ним самые тесные сношения после назначения меня в должность государственного секретаря, я мог вполне и непрерывно следить за энциклопедическим его умом; но при всем том нисколько не увлекаюсь никаким предубеждением или пристрастием в его пользу, и доказательство: отдавая полную высокую справедливость его уму, я никак не могу сказать того же о его сердце. Я разумею здесь не частную жизнь, в которой можно его назвать истинно добрым человеком, ни даже суждения по делам, в которых он тоже склонен был всегда к добру и человеколюбию, но то, что называю сердцем в государственном или политическом отношении, – характер, прямодушие, правоту, непоколебимость в избранных однажды правилах.

Сперанский не имел (я говорю уже, к сожалению, как о былом и прошедшем) ни характера, ни политической, ни даже частной правоты. Участник и даже, может быть, один из возбудителей – по тогдашнему направлению умов – филантропических мечтаний Александра, Сперанский был в то время либералом, потому что видел в этом личную свою пользу, а когда минул век либерализма, то перешел, в тех же побуждениях, к совершенно противоположной системе. Он был либералом, пока ему приказано было быть либералом, и сделался ультра, когда ему приказали быть ультра. И поэтому я убежден, что Сперанский никогда не мог быть человеком опасным, сколько ни старались в том уверять его ненавистники и люди недальновидные. Чтобы быть опасным, надобно иметь характер и твердую волю, а Сперанский всегда искал более милости, чем славы.

С другой стороны, обещания ему ничего не стоили, точно так же, как комплименты или ласки; но весьма прост был тот, кто им доверял или кто строил на этом шатком основании. Обворожительное обхождение привлекало ему с первого разу все сердца; но когда постепенно открывалось, что оно было „всем общее, как чаша круговая“, что под оболочкой этих гладких слов

не заключалось ничего существенного, что это был один обман ловкого и приветливого ума, безо всякого участия сердца, – то естественно, что следовало охлаждение. Я не думаю, чтобы Сперанский имел хоть одного истинного друга и чтобы был на свете хоть один человек, которого бы он искренно любил. Политику и холод деловой жизни он переносил и в свой кабинет, где продолжал постоянно играть роль умного хитреца, даже в самых тех беседах, где – по-видимому для не знавших его близко – не могло не принимать какого-нибудь участия сердце. Скольких людей обманул он льстивыми своими обещаниями и ласковым приемом, благодетельствуя истинно только тем, которые нужны были для его видов или когда самые эти благодеяния входили в его виды».

М. А. Корф

Именным Высочайшим указом, от 1 января 1839 года, в день своего 67-летия, Сперанский возведен в графское достоинство Российской империи. Жить ему оставалось всего 41 день.

Михаил Михайлович умер от воспаления легких 11 (23) февраля 1839 года, оставив нам немало загадок. Одни касаются «сослагательного наклонения истории», каким путем пошла бы она, будь законы, предложенные Сперанским, приняты? Могли ли бы их в принципе принять, если бы не было угрозы со стороны Франции? Могла ли Россия уже в начале XIX века стать конституционной монархией? К каким последствиям это бы привело? Другие загадки касаются личности реформатора.

По свидетельству дочери Сперанского, любимая книга ее отца «Дон Кихот», но что привлекало его в этом сюжете? Сатира на человеческое общество, чья фальшь становится явной при встрече с чудаком, который надел на голову бритвенный тазик и вообразил себя рыцарем? Или сам этот чудак, сражающийся во имя добра, как он его видит и понимает, хотя все его старания вызывают всеобщие насмешки? До какой степени Сперанский отождествлял себя с Дон Кихотом и проводил ли он вообще такую аналогию? Насколько точен и правдив портрет, набросанный Корфом, и согласился бы с ним сам Сперанский? Насколько верно понял его Толстой? Вопросы из того разряда, ответ на который мы, наверное, не узнаем никогда.

Глава 7. Алексей Андреевич Аракчеев

1

Однажды в Гатчине, где Павел, еще великий князь, находился в почетной ссылке, отлученный от двора матери, опасался, что та передаст корону через его голову любимому внуку Александру, и срывал злобу, без устали гоняя по плацу перед дворцом солдат, произошел такой случай. По окончании смотра на дворцовой площади Павел Петрович удалился, забыв отдать команду разойтись. Батальоны постояли-постояли некоторое время, а потом офицеры отдали приказ возвращаться в казармы. Все, кроме одного. Артиллерийская батарея так и осталась на плацу со своим командиром ждать приказа главнокомандующего. Неизвестно, был ли это хмурый и промозглый, осенний день, или, напротив солдаты страдали от жары, или шел снег: пусть каждый вообразит себе картину по своему вкусу. Ясно было одно: стоять без отдыха, без еды и питья было вовсе не весело, и непонятно было когда прекратится этот нежданный «дозор». Но командир стоял навытяжку, стояли и солдаты.

Наконец Павел выглянул в окно и заметил одинокое подразделение, так и не покинувшее свой пост. Он спустился к ним, выслушал рапорт командира и дал наконец приказ разойтись. Фамилия командира, как вы наверняка уже догадались, была Аракчеев. И в 1796 году Павел назначил его инспектором гатчинской пехоты, а затем и комендантом Гатчины. В подчинении Аракчеева оказались трехтысячное гатчинское войско и сам город.

Вполне возможно, что эта история – только легенда, но ведь о человеке можно судить и по тому, какие легенды о нем складывают. Во всяком случае о его репутации, а репутация у Аракчеева в своем роде замечательная.

Павел I

Николай Александрович Саблуков, один из доверенных офицеров Павла, оставил нам такой, далеко не лестный, портрет Аракчеева: «По наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей, на которой можно было бы изучать анатомию жил и мускулов и тому подобное. В довершение того он как-то особенно смарщивал подбородок, двигая им как бы в судорогах. Уши у него были большие, мясистые; толстая безобразная голова, всегда несколько склоненная набок. Цвет лица был у него земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, большой рот и нависший лоб. Чтобы закончить его портрет, скажу, что глаза у него были впалые, серые и вся физиономия его представляла страшную смесь ума и злости… Характер его был настолько

вспыльчив и деспотичен, что молодая особа, на которой он женился, находя невозможным жить с таким человеком, оставила его дом и вернулась к своей матери. Замечательно, что люди жестокие и мстительные обыкновенно трусы и боятся смерти. Аракчеев не был исключением из этого числа: он окружил себя стражею, редко спал две ночи кряду в одной и той же кровати, обед его готовился в особой кухне доверенною кухаркою (она же была его любовницею), и когда он обедал дома, его доктор должен был пробовать всякое кушанье, и то же делалось за завтраком и ужином».

Н.А. Саблуков

А.А. Аракчеев

Капитан драгунского полка, Шарль Франсуа Филибер Масон, бывший учителем математики при великих князьях и написавший чрезвычайно интересные «Секретные записки о России во времена царствования Екатерины и Павла» вспоминает об Аракчееве так: «Множество прекрасных фейерверков, которые он устраивал с помощью своего бывшего учителя для праздников в Павловском, в особенности же снедавшая его страсть к учениям, которая заставляла его день и ночь издеваться над солдатами, снискали ему наконец расположение великого князя… Аракчеев… служил в кадетском корпусе, завоевал как унтер-офицер истинное уважение своими способностями, знаниями и усердием, которые он тогда проявлял, но уже в то время он отличался возмутительной грубостью по отношению к кадетам. Ни один

лирический поэт не был столь бесконечно подвластен Аполлону, как был одержим демоном Марса этот человек. Его ярость и палочные удары, даже в присутствии Павла, стоили жизни многим несчастным солдатам. Этот палач вернул в русскую армию такое варварство, о котором здесь уже забыли: он оскорбляет и бьет офицеров во время учения».

Александр Семенович Шишков, адмирал и поэт, председатель «Беседы любителей русской словесности», сменивший Сперанского на посту государственного секретаря, с возмущением вспоминает: «Я сам при учениях видел, как граф Аракчеев в присутствии государя за малую ошибку, таковую, как ступил не в ногу, или тому подобную, замечал мелом на спине солдата, может быть, во многих сражениях проливавшего кровь свою за отечество, сколько дать ему палочных ударов».

При этом отмечали странную сентиментальность Аракчеева, которая казалась еще более бесчеловечной, чем самая грубая черствость и жестокость. Рассказывали, например, что он приказал высечь розгами за какую-то оплошность своего личного секретаря, человека пожилого, лет под пятьдесят, «статского генерала»[32]. При этом сам сидел рядом, обливаясь слезами, и приговаривал: «Голубчик, потерпи, так нужно, люблю я тебя, не могу, сейчас кончим, только потерпи».

Понятно, почему этот грубый, но прямодушный и преданный человек нравился Павлу. Но как он мог стать правой рукой просвещенного гуманиста Александра?

2

Аракчеев, сын небогатого тверского помещика, владевшего всего лишь двадцатью душами крестьян, поступил в артиллерийский кадетский корпус, отлично учился, но постоянно нуждался в деньгах. Ему удалось устроиться давать уроки по артиллерии и фортификации сыновьям графа Николая Ивановича Салтыкова, того самого, в имении которого служил отец Сперанского. В то время Салтыков был официальным воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей и неофициальным посредником в отношениях великого князя и его матери. Именно Салтыков порекомендовал Павлу Аракчеева, как знающего и исполнительного артиллериста.

Речь шла не только о придворных фейерверках. Павел понимал, что за артиллерией будущее и придавал большое значение ее развитию, еще будучи великим князем. В 1786 году в Гатчине и Павловске числилось 41 орудие – пушки и мортиры различного калибра. Орудия эти были как морские, так и сухопутные, как российского, так и иностранного производства. Потом к ним прибавились и полевые орудия, как предназначенные для пехотных подразделений, так и те, что перевозились конной тягой и прикомандировывались к конным отрядам, чтобы прикрывать их атаки. Это было новинкой в европейской тактике ведения боя, и Павел старался не отстать от Европы. Но необходимо решить множество мелких вопросов, от которых зависела результативность стрельбы: какова должна быть конструкция повозок, на которых перевозились орудия, каким образом их снимать и устанавливать на поле боя, где и как держать лошадей во время стрельбы. Павел лично сконструировал мишени для обучения прицельной картечной стрельбе и позже они применялись во всей российской артиллерии.

Пока гатчинская артиллерия производила только салюты, все, казалось, было в порядке. Но когда Павел решил перейти к боевым стрельбам, возникли первые проблемы: «…в орудиях оказались раковины, сделавшие стрельбу опасною, дальности были слишком малы, действие картечи – слабо», у пушек и мортир неудобные лафеты, расчеты действовали несогласованно. Начались испытания и усовершенствования. В это время, 8 октября 1792 года, юный, двадцатитрехлетний, Аракчеев как раз и назначается командиром Артиллерийской роты гатчинских войск. Павел надеялся, что только что полученные им знания он сумеет применить на практике.

И Алексей Андреевич зарекомендовал себя с самой лучшей стороны на маневрах 1793 года, когда отрабатывались приемы взаимодействия различных родов и видов войск при наступлении и отступлении, форсирования водных преград, отражения морских десантов. Огромное значение придавалось на маневрах действиям артиллерии и она показала себя с самой лучшей стороны. Для быстрых и слаженных действий «артиллерийскую прислугу» разделили на номера и разработали команду для заряжания орудия и производства выстрела, благодаря этому выполнили приказ Павла о том, что «артиллерия, остановленная на позиции, должна была немедленно открывать огонь». На подготовку выстрела Павел отводил не более 10 секунд. В 1795 году практические артиллерийские учения прошли в Павловске. В ходе учений батарейные орудия разгромили редут и контр-батарею «противника», а затем разрушили огнем специально сооруженный дерево-земляной городок. На этих учениях отрабатывались также маневрирование с заряженными орудиями.

В 1795 году вместо артиллерийской роты уже создан полк под командованием все того же Аракчеева. Приступив к исполнению своих обязанностей, Алексей Андреевич первым делом составил «Инструкции чинам Артиллерийского полка». В них подробно расписываются обязанности всех чинов полка, и, по свидетельству военного историка генерал-лейтенанта Василия Федоровича Ратча, который сам служил в артиллерии в середине XIX века, правила, изложенные в «Инструкциях», до второй половины XIX века сохранялись как основание батарейного управления.

* * *

После восшествия Павла на престол Аракчеев, уже полковник, стал петербургским комендантом. А бывший его артиллерийский полк гатчинских войск послужил основой для формирования Лейб-гвардии артиллерийского батальона. Военный губернатор Петербурга генерал от кавалерии Петр Алексеевич Пален, только что возведенный Павлом с графское достоинство, оказался одним из руководителей заговора против императора. Будь Аракчеев в столице в тот момент, когда заговорщики начали действовать, он, без сомнения, сделал бы все, чтобы защитить императора, но чем дольше Павел находился на троне, тем более недоверчивым и склонным к импульсивным действиям он становился. Аракчееву уже случалось отправляться во временную отставку, в марте 1798 года, по слухам, из-за того,

что один из подчиненных ему полковников, не выдержав придирок и оскорблений, покончил с собой. Но после этого Павел вернул его на службу и пожаловал чин генерал-лейтенанта. В следующем году Алексей Андреевич получил из рук императора орден Св. Иоанна Иерусалимского, а еще через полгода – титул графа Российской империи. Девиз для его герба – «Без лести предан», – придумал сам Павел. Злые языки тут же переделали этот девиз так: «Бес. Лести предан». Но 1 октября 1799 года вновь отправлен в отставку, из-за казнокрадства брата, которое Алексей Андреевич постарался прикрыть, и на этот раз Павел не успел изменить своего решения. Есть легенда о том, что Аракчеев, предчувствуя недоброе, выехал из своего имения и поехал в Петербург. Но когда он добрался до столицы, все заставы по приказу Палена закрыли, и Алексей Андреевич не успел спасти своего государя. Позже в своем имении Грузино он воздвигнет Павлу памятник, на котором напишет «Сердце мое и дух мой чист перед тобой».

После смерти Павла Аракчеев по приказу Александра возглавил комиссию для преобразования артиллерии. Аракчеев прежде всего организовал отлаженную административную систему, удалил тех чиновников, в которых не было нужды, продумал циркуляцию информации между ведомствами, наладил контакты с литейными заводами, где производились пушки.

По его расчетам, идеально выстроенная система должна заработать «сама собой». И пока Аракчеев находился «у руля», так оно и было: возрос выпуск артиллерийских орудий новых систем; продолжились работы по их дальнейшему усовершенствованию; переделывались орудия старых конструкций. Разработкой новых типов орудий занимался «Временный артиллерийский комитет для рассмотрения гарнизонной артиллерии», созданный в 1804 году и с 1808 года работавший на постоянной основе. В него входили выдающиеся инженеры-артиллеристы своего времени: майор 6-го артиллерийского полка барон К.К. Плотто и подполковник 2-го кадетского корпуса А.И. Маркевич, директор Пажеского корпуса полковник 1-го артиллерийского полка И.Г. Гогель 2-й, и капитан Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части П.А. Рохманов (Рахманов). Они создавали новую артиллерийскую систему, которая позже будет названа «системой 1805 года», по дате первого масштабного издания чертежей новых орудий. Еще эту систему будут называть «аракчеевский», хотя Аракчеев не был ее конструктором – в его задачу входила организация взаимодействия между ведомствами.

Тем не менее, несмотря на все усилия, войну 1805 года пришлось вести в основном с орудиями, оставшимися от

екатерининской эпохи и не самыми удачными экспериментами времен Павла. По большей части они были слишком тяжелыми и неповоротливыми, а так как Франция, в отличие от России, успела модернизировать свой «орудийный парк», это способствовало поражениям русской армии в Европе. Пушки быстро приходили в негодность, приходилось использовать все резервы: очередь дошла даже до признанных ранее негодными трофейных французских орудий, вывезенных еще армией Суворова из Италии в 1799 году, и английских, полученных в счет компенсации потерь российских орудий в Голландской экспедиции 1799 года.

Но постепенно начались поставки орудий нового типа, старые же выходили из строя. Военный историк Михаил Преснухин пишет об этом: «Уже кампании 1806–1807 гг. показали насколько действия российской артиллерии, менее тяжелой и освобожденной в результате „естественного отбора“ от устаревшей материальной части и закостенелой рутины обучения могут быть успешными. Именно в этот период русская артиллерия оформилась как род войск, превратившись в настоящего „бога войны“».

Но мы уже знаем, что ей предстояло еще более тяжелое испытание: война 1812 года.

3

В январе 1808 года Аракчеев – военный министр и генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии. Ему уже случалось побывать на поле боя: он командовал пехотной дивизией в сражении под Аустерлицем, четырьмя годами позже принимал участие в войне со Швецией. 1 января 1810 года Аракчеев оставил Военное министерство и назначен был председателем департамента военных дел во вновь учрежденном тогда Государственном совете, с правом присутствовать в Комитете министров и сенате. В дневнике он записал: «Сегодня сдал пост военного министра. Честному человеку занимать высокие посты в государстве весьма затруднительно».

На свое место он рекомендовал Барклая де Толли, с которым он познакомился во время войны со Швецией 1808-1809 года. Тогда в Стокгольме произошел государственный переворот и вместо Густава-Адольфа, свергнутого с престола, королем Швеции стал его дядя, герцог Зюдерманландский. Русская армия находилась на территории Финляндии близь города Або (Турку). Гарнизон Аландских островов предложил перемирие, пока не будет решен вопрос с властью в Стокгольме. Генералы готовы были согласиться, но Аракчеев заявил, что государь послал его «не перемирие делать, а мир».

Вместе с Барклаем де Толли Аракчеев участвовали в знаменитом переходе русских войск через замерзший пролив Норра-Кваркен между Финляндией и Швецией. Ширина пролива составляет 74 километра, и Аракчеев обратил внимание на то, как Барклай продумывает обеспечение войск во время перехода, следит за подвозом провианта и обеспечением солдат. Русская армия неожиданно для всех высадилась на шведский берег и 5 сентября 1809 года был подписан Фридрихсгамский мир, по которому к России отошли Финляндия, часть Вестерботтена до реки Торнио и Аландские острова.

Аракчеев оценил расчетливость и добросовестность Барклая де Толли, – эти качества он высоко ценил в людях. Но в свете говорили о том, что назначение де Толли – хитрая интрига, в которой, однако, полководец переиграл Аракчеева. Н.М. Лонгинов писал графу С.Р. Воронцову 13 сентября 1812 года: «Барклай, выведенный из ничтожества Аракчеевым, который думал управлять им как секретарем, когда вся армия возненавидела его самого, показал однако же характер, коего Аракчеев не ожидал, и с самого начала взял всю власть и могущество, которые Аракчеев думал себе одному навсегда

присвоить, но ошибся, присвоив их месту, а не себе, и Барклай ни на шаг не уступил ему, когда вступил в министерство».

А сам Аракчеев писал: «Июня 17 дня, 1812 года, в городе Свенцянах призвал меня Государь к себе и просил, чтобы я опять вступил в управление военных дел, и с оного числа вся французская война шла через мои руки. Все тайные донесения и собственноручные повеления Государя Императора». Во время Отечественной войны Аракчеев назначается начальником канцелярии Александра I и ему поручена организация снабжения армии, здесь он в своей стихии. Кроме того, именно он посоветовал Александру, возглавившему армию после отставки Барклая де Толли, передать свои полномочия Кутузову и вернуться в Санкт-Петербург. Совет этот связан с серьезным риском и требовал от Аракчеева немалого мужества – Александр не любил, когда пытались ограничить его амбиции, но видимо «кредит доверия» Алексея Андреевича настолько велик, что император послушался его.

М.Б. Барклай де Толли

Аракчеев был в заграничном походе вместе с русской армией, командовал артиллерией под Люценом и Бауценом, потом вместе с Александром побывал в Париже.

* * *

Но одновременно Аракчееву поручили и новое задание: еще начиная с 1810 года Александр обдумывал проект военных поселений, в которых солдаты жили бы на самообеспечении, возделывая землю и собирая урожай. Первое поселение организовали в Климовицком уезде Могилевской губернии. Здесь разместили Елецкий мушкетерский полк.

Аракчеев был против этой затеи, боялся, что она станет возвращением к стрелецкому войску с его своеволием, но ему поручили руководство строительством, и он строил дома для солдат и офицеров, церковь и гаптвахту, школы, больницы, сиротские приюты при поселениях. Как часто бывает при переходе от планов к конкретным действиям, вскрылось множество проблем, которые не смогли предусмотреть: солдаты за многие годы отвыкли от крестьянского труда. Только все стало понемногу налаживаться, как началось война 1812 года и эксперимент отложили.

Александр снова вернулся к нему в 1816 году и вновь поручил организацию поселений Аракчееву. На этот раз эксперимент начали в Новгородской губернии, «под боком» Алексея Андреевича.

Население поселений составляли солдаты, их жены и дети, которые обучались в школах, с 12 лет начинали привлекаться к сельскохозяйственным работам, а с 18 до 45 лет должны были нести военную службу, совмещая ее с хозяйственными работами. Утром и вечером в поселениях проходили военные учения, днем солдаты работали в поле. В 45 лет они освобождались от строевой службы, но обязанности по хозяйству должны были выполнять до конца жизни.

По приказу Александра военные поселения могли располагаться только на государственных территориях, никак не задевая земли помещиков. Место для них нашлось не только в Новгородской губернии, но и в Санкт-Петербургской, Витебской, Могилевской губерниях. Специализированные кавалерийские поселения размещались в Слободско-украинской и Херсонской губерниях. К 1820 году все военные поселения России состояли из 126 пехотных батальона и 250 кавалерийских эскадронов.

Секретарь Аракчеева Алексей Иванович Мартос, занимавшийся организацией военного поселения в Высоцкой волости Новгородской губернии, вспоминает: «Захотелось поселить войска ближе к Петербургу, и как по почве земли не найдено хуже Новгородской губернии, то и брошен на нее жребий, не говоря о Петербургской губернии, которая еще беднее

и хуже Новгородской. Здесь зима продолжается шесть месяцев, три – грязной распутицы и только три месяца хорошего времени, когда крестьянин должен убрать и засеять поле, сенокосы и сими тремя месяцами обеспечить годичное содержание своего семейства. Рожь при хорошем урожае более не дает, как сам-пять, а овес сам-третей; землю чрезвычайно много удобривают навозом, иначе зерно не дает никакой прибыли, а посему зажиточному хозяину надобно держать скота как можно более.

Места при Волхове приятны, и всюду, где была возможность, трудолюбивая рука пахаря в лесах расчистила нивы и луга; болота, мхи, топи, грязные речки и ручьи лежат вокруг тех расчистков, так что, кажется, должно ограничиться тем, сколько поля имеет всякий хозяин, ибо больше почти неоткудова взять. Вот главнейшая причина неудобств жизни в тамошнем краю; я удивился, когда в декабре месяце крестьяне приходили у меня спрашиваться ехать в Новгород за покупкою муки, ибо своей уже не становилось, и посему декабрь, генварь, февраль, март, апрель, май, июнь и до половины июля, до нового хлеба, жители должны покупать хлеб.

Вы спросите: чем же они кормятся? Худое хлебопашество заменяется другими выгодами: они продают в Петербурге сено, дрова, телят, которых нарочно отпаивают, домашнюю птицу, иные ездят с рыбою и сими изворотами живут порядочно. Крестьяне были подчинены мне, а поселенный батальон стоял у них по квартирам в 23 деревнях; они вышли из всякой зависимости гражданского начальства: я творил и суд, и расправу, я был Харон с тою разницею, что этот проказник перевозил существа, переставшие чувствовать, а я приуготовлял к перевозу таких же двуногих животных, без перьев, в жизнь адскую в сравнении с их прежней… Халынские жители отдавали свои домы, свое имущество, все, что нажили подлинным трудолюбием, лишь бы их оставили в покое. „Прибавь нам подать, требуй из каждого дома по сыну на службу, отбери у нас все и выведи нас в степь: мы охотнее согласимся, у нас есть руки, мы и там примемся работать и там будем жить счастливо; но не тронь нашей одежды, обычаев отцов наших, не делай всех нас солдатами“ – эти их слова я часто сам слышал, в Бронницах будучи».

В общем и целом эксперимент провалился. Поселениям так и не удалось выйти «на самоокупаемость», хотя кроме попыток вернуть солдат на землю, перешли к попыткам превратить часть государственных крестьян в солдаты. Когда-то доля государственных крестьян считалась завидной, по сравнению с долей тех, что принадлежали дворянам, так как администрация

не допускала в своих владениях такого самоуправства, как иные помещики. Теперь крестьянам, согнанным в поселения, не нравилось, что их заставляют брить бороды, носить мундиры, заниматься военными упражнениями и лишают даже той небольшой свободы выбора, которая прежде у них была.

Чрезмерный контроль над повседневной деятельностью людей, жестокость начальства приводили к бунтам. Восстания жестоко подавлялись, что не улучшило репутации Аракчеева. Но критики забывали о проекте Алексея Андреевича, который предусматривал сокращение воинской службы с 25 до 8 лет, и образовании военного резерва из отслуживших, но еще не старых солдат. А когда в 1818 году Александр поручил ему составить, ни много ни мало, проект освобождения крестьян, Алексей Андреевич выполнил и эту задачу, предложив постепенный выкуп помещичьих крестьян казной. Крестьяне должны были освобождаться с небольшим земельным наделом и становиться арендаторами земли у помещика, который еще получал денежную компенсацию. Но, как известно, претворить этот план в жизнь Александр так и не решился, вероятно, к немалому облегчению его автора, который до конца своих дней остался категорическим противником самой идеи эмансипации крестьян.

4

У себя в имении Грузино, полученном в 1796 году от Павла Петровича, вместе в графским титулом Аракчеев создал образцовое хозяйство, и даже более того – «маленькую идеальную Россию». Посетив ее летом 1810 года, Александр писал Алексею Андреевичу: «Граф Алексей Андреевич! Устройство и порядок, который лично видел я в деревнях ваших, при посещении вас на возвратном пути моем из Твери, доставили мне истинное удовольствие. Доброе сельское хозяйство есть первое основание хозяйства государственного. Посему я всегда с особым вниманием взирал на все сведения, доходящие ко мне о благоустройстве частного сельского управления, и всегда желал, чтоб число добрых и попечительных помещиков в отечестве нашем умножалось. Надеяться должно, что примеры их изгладят постепенно следы тех неустройств, которые, к сожалению всех людей благомыслящих, необдуманная роскошь или небрежение доселе в сей части оставляли. Был личным свидетелем того обилия и устройства, которое в краткое время, без принуждения, одним умеренным и правильным распределением крестьянских повинностей и тщательным ко всем нуждам их вниманием, успели вы ввести в ваших селениях, я поспешаю изъявить вам истинную мою признательность за удовольствие, которое вы мне сим доставили. Когда с дея тельною государственною службою сопрягается пример частного доброго хозяйства, тогда и служба и хозяйство получают новую оценку и уважение. Пребываю к вам всегда благосклонным».

Действительно, в Грузино новый граф быстро организовал образцовое хозяйство, выдавал каждому крестьянину по корове, составлял рескрипты о том, как матери должны кормить грудных детей, построил для подросших ребят школу, пристроил каменную церковь с высокой колокольней, поставил памятники Павлу I и офицерам гренадерского имени Аракчеева полка, павшим в 1812–1814 годах, недалеко от церкви колоннаду со скульптурой И.П. Мартоса в центре, изображающей апостола Андрея Первозванного, две высоких башни на пристани.

Экономкой в имении стала Настасья Минкина, крепостная, гражданская жена Аракчеева и мать его единственного сына. Вот что пишет о своей подруге сам Аракчеев: «Двадцать два года спала она не иначе, как на земле у порога моей спальни, а последние пять лет я уже упросил ее ставить для себя складную кровать. Не проходило ни одной ночи, в которую бы я, почувствовав припадок и произнеся какой-нибудь стон, даже и во

сне, чтобы она сего же не услышала, и в то же время входила и стояла у моей кровати, и если я не проснулся, то она возвращалась на свою, а если я сделал оное, проснувшись, то уже заботилась обо мне. Во все 27 лет ее у меня жизни не мог я ее никогда упросить сидеть в моем присутствии, и как скоро я взойду в комнату, она во все время стояла. Она была столь чувствительна, что если я покажу один неприятный взгляд, то она уже обливалась слезами и не переставала до тех пор, пока я не объясню ей причину моего неудовольствия».

Настасья стала идеальной спутницей жизни Аракчеева, его Евой в Эдемском саду. Историк XIX века Сергей Николаевич Шубинский пишет о ней: «Настасья была действительно отличная хозяйка. Она не давала никому отдыха, входила во все мелочи, сама ездила на работы, на сенокосы, наблюдала за проведением дорог, за копанием прудов и канав, по нескольку раз в день заглядывала на скотный и птичий дворы, даже графских музыкантов посылала чистить сад и убирать хворост. Она варила превосходное варенье, сушила зелень, отправляла в Петербург к столу Аракчеева разную провизию счетом, весом и мерою, чем приводила его в восхищение». При этом она отличалась властолюбием и патологической жестокостью и в конце концов была убита грузинскими крестьянами.

Н. Ф. Минкина

Горе Аракчеева было неподдельно. Бросив все свои дела, он примчался в Грузино, на похоронах бросался на гроб Настасьи, хотел, чтобы его похоронили вместе с ней, потом впал в мрачное уныние. Чтобы вывести Аракчеева из скорби, в которую он погрузился, император не только написал ему сочувственное письмо, но и прислал в его имение вернувшегося из ссылки Сперанского. Мы не знаем, какими словами утешал Алексея Андреевича Михаил Михайлович, но он не мог не увидеть в этом частном случае симптома общего неблагополучия в России. Для Аракчеева же, кроме огромного личного горя, убийство Минкиной, по-видимому, оказалось преступлением,

осквернившим его Эдем, его идеальный мир.

Крестьян, участвовавших в убийстве Настасьи, судили и приговорили к наказанию кнутом и ссылке на каторгу. Двое умерли во время экзекуции, остальные осужденные смогли перенести экзекуцию и отправились в Сибирь, где позже с ними встречался декабрист Н.И. Лорер и отмечал в своих записках: «Эти люди рассказывали нам такие ужасы про своего прежнего господина, что сердце, бывало, содрогается».

Со смертью Александра звезда Аракчеева закатилась. Николай отправил его в отставку, графу было уже 56 лет, он прожил еще десять лет и скончался 21 апреля 1834 года, «не спуская глаз с портрета Александра, в его комнате, на том самом диване, который служил кроватью Самодержцу Всероссийскому».

* * *

Завершить эту главу мне хочется еще одним «парадом цитат», показывающим как оценивали Аракчеева его современники в последние годы его жизни. Вряд ли эти оценки будут для вас сюрпризом, но, возможно, будет интересно сравнить их с теми фактами, о которых я писала выше. Итак:

«Неоспорно, – говорит он, – что Аракчеева было бы странно назвать человеком добрым; неоспорно и то, что он был неумолим к иным проступкам, как, например, ко взяточничеству или нерадению по службе. Тому, кто пробовал его обмануть (а обмануть его было трудно, почти невозможно), он никогда не прощал; мало того: он вечно преследовал виновного, но и оказывал снисхождение к ошибкам, в которых ему признавались откровенно, и был человеком безукоризненно справедливым; в бесполезной жестокости его никто не вправе упрекнуть. Правда и то, что он оказался беспощадным, когда производил следствие после убиения Настасьи; но мудрено судить человека, когда он находится в ненормальном состоянии. К этой женщине он был сильно привязан, и ее смерть взволновала все страсти его крутой природы», – Василий Александрович Сухово-Кобылин, в юности встречавшийся с Аракчеевым, участник войны 1812 года, вышел в отставку в чине полковника артиллерии; отец драматурга Александра Васильевича Сухово-Кобылина;

«В управлении Военным министерством граф Аракчеев держался одного правила с Бонапартом: все гибни, лишь бы мне блестеть. Самовластием беспредельным и строгостию, конечно, сделал он много хорошего: восстановил дисциплину, сформировал, заново можно сказать, армию, расстроенную

неудачами 1805 и 1807 годов (неисправно и жалованье получавшую); удовлетворил справедливые полковые претензии; учредил запасы и оставил наличных денег, как помнится, 20 миллионов рублей. Но вместе с тем нанес и вред государству, отказавшись платить долги, и опубликовал о том в газетах, с странною отговоркою, что он не может делать из одного рубля двух, подорвал сим более чем на 15 лет кредит казны и разорил многих подрядчиков; неумеренное же требование денег от Государственного казначейства заставило Голубцова[33] столько выпустить ассигнаций, что серебряный рубль из 1 рубля 30 копеек дошел в два года до 4 рублей. Унижение Голубцова пред графом Аракчеевым так было велико, что он подписал акт, дабы все начеты и взыскания как с чиновников, так и с подрядчиков передавать государственному казначейству, а Военному министерству отпускать из оного деньги тотчас по открытии начета. С сменою графа Аракчеева бедный Голубцов немедленно отставлен без просьбы, и Аракчеев мог хвастать, что оставляет министерство в блестящем виде! Так и впоследствии затеял он военное поселение и оставил его чрез девять лет с экономическим капиталом свыше 40 миллионов рублей. Но как составлен капитал сей? Грабежом казны! Министерство финансов удовлетворяло непомерные сметы Военного министерства, заключавшие в себе необъятное число войск, давало особо деньги на поселения и, лишась крестьян, в военных поселян обращенных, лишилось дохода в податях. Может быть, политика Государя, после неудачных битв с французами и при расстройстве армии, заставила избрать министром именно графа Аракчеева, даже смотреть сквозь пальцы на деяния его, чуждые чувствам доброго Александра; и человек сей был ужасен. М.Я. Фок[34] справедливо изобразил его при пожаловании графу Аракчееву фамильного герба в стихе: „Девиз твой говорит, что предан ты без лести; Скажи же мне кому? коварству, злобе, мести!“», – писал Марченко Василий Романович, помощник статс-секретаря, затем (с 1815 г.) статс-секретарь Государственного совета по Военному департаменту;

«1806 год познакомил меня с графом Аракчеевым. Слышал я много дурного на его счет и вообще весьма мало доброжелательного; но, пробыв три года моего служения под ближайшим его начальством, могу без пристрастия говорить о нем. Честная и пламенная преданность к престолу и отечеству, проницательный природный ум и смышленость, без малейшего, однако же, образования, честность и правота – вот главные черты его характера. Но бесконечное самолюбие, самонадеянность и уверенность в своих действиях порождали в нем часто

злопамятность и мстительность; в отношении же тех лиц, которые один раз заслужили его доверенность, он всегда был ласков, обходителен и даже снисходителен к ним», – Иван Степанович Жиркевич, артиллерийский офицер; батальонный адъютант при Аракчееве.

Еще один отрывок из воспоминаний личного секретаря Аракчеева Алексея Ивановича Мартоса: «Теперь навязалась мне проклятая комиссия писать обо всем графу; я имел случай узнать, как он мелочен: почти все конверты сам печатает и надписывает адресы (все это, разумеется, ко мне), имел случай узнать всю его коварность и злость, превышающую понятие всякого человека, образ домашней жизни, беспрестанное сечение дворовых людей и мужиков, у коих по окончании всякой экзекуции сам всегда осматривает спины и… и горе тому, ежели мало кровавых знаков! Это не выдумка, клянусь вам; я лучше умолчу, боясь оскорбить ваше самолюбие; но да избавит Промысл от подобных добродетелей и вас, и каждого. Я вам скажу один случай о занятиях сего государственного человека, а множество подобных укажут вам масштаб измерять его занятия. В деревне Тигодке одна баба сушила в бане лен, и когда она затопила печь, то загорелась соломенная крыша; это часто бывает, и для того из предосторожности крестьяне всегда становят бани в отдаленности от жилья, близ воды. Должно было графу писать; пишем, переписываем, печатаем, посылаем (в противном случае беда за умолчание о столь важном предмете). Граф, как человек деятельный и неутомимый, во все входящий, знающий всю подноготную (это не выдумано, но его самые слова), пишет мне своею рукою: деревни Тигодки женщину, вдову, Матрену Кузьмину, от которой загорелась баня, высечь розгами хорошенько и проч. Какие высокие мысли! Какая логика! Какое утонченное занятие, в такое время, когда просителям, у порога стоявшим с убедительными просьбами о притеснениях, отказ за отказом. Признаюсь, что мне часто хотелось поймать графа в неаккуратности, коей он страшный враг, и доложить, что в таком-то повелении он забыл включить, по чём именно высечь хорошенько Аглаю, сушившую в бане лен. Недостаток аккуратности!».

Завершает этот «парад цитат» рассказ дворянина Новгородского уезда Николая Александровича Качалова: «Аракчеев большую часть года проживал в Грузине, и вся знать обоих полов считала своею обязанностью ездить на поклон к временщику. Несмотря ни на какое высокое положение, никто не смел переправляться через реку и подъехать к дому, а все останавливались на другом берегу и посылали просить

позволения. От того, скоро ли получалось это разрешение, измерялась степень милости или немилости приехавшим; нередко случалось, что приехавший получал отказ в приеме и возвращался в Петербург. Проезжали 120 верст на почтовых. Начиная от Чудова до границы Тихвинского уезда, по дороге к Тихвину, Аракчеевым было устроено шоссе, существующее до настоящего времени. Во время всемогущества временщика шоссе было заперто воротами, устроенными в каждом селении, и Аракчеев дозволял проехать по своей дороге только тому, кому желал оказать особую милость, и тогда выдавал ключи для отпирания ворот. Все же проезжающие должны были ездить по невозможной грунтовой дороге, проложенной вдоль шоссе. Замечательно падение, почти моментальное, всех временщиков. Только что получено было известие о кончине императора Александра I, не было никаких официальных распоряжений, и сам Аракчеев, и вся Россия признала, что власть его окончилась. В это самое время проезжала в Петербург белозерская помещица (Екатерина Васильевна Рындина, бой-баба). Она топором разбила все замки на воротах шоссе, первая проехала без позволения, и с тех пор дорога поступила в общее употребление, замки не возобновлялись, и Аракчеев этому покорился».

* * *

Хрестоматийная фраза «Государство – это я!» приписывается французскому королю Людовику XIV. Обстоятельства, в которых она якобы произнесена, таковы: в апреле 1655 года на заседании парламента Франции, обращаясь к депутатам, король заявил: «Вы думаете, господа, что государство – это вы? Ошибаетесь! Государство – это я!» По-видимому, эта фраза означала декларацию предельного абсолютизма, сосредоточения всей власти в одной священной персоне монарха. Но, как показывает опубликованный протокол этого заседания парламента, Людовик XIV ничего подобного не говорил. Но он действительно стал воплощением французского абсолютизма, и речь шла не только о ритуальном возвеличивании «короля солнца», но и о том, что при нем резко возросла власть короля и усилилась государственная централизация. Недаром после того, как в 1661 году скончался первый министр Франции Джулио Мазарини, Людовик XIV заявил, что отныне он сам будет своим первым министром. Англичане приписывают эту фразу своей любимой королеве Елизавете I, которая действительно тяготела к самовластию, но, впрочем, ей не раз приходилось идти на уступки своему

парламенту.

С полным правом эту фразу могли повторить и русские монархи, твердо державшие в своих руках все три ветви власти. Но, может быть, эта фраза подошла бы и Аракчееву? Он мог бы вложить в нее иной смысл. Всю свою жизнь Алексей Андреевич стремился вылепить из себя не только идеального подданного, но и идеального гражданина, преданного без лести, не просто послушного, но инициативного, отдающего все силы и способности государству, которое для него персонифицировалось в Государе. Возможно, это и была его утопия: общество, состоящее из таких граждан, преследующих не личные интересы, а исключительно общественные. И странным образом эта утопия совпала с утопией Александра. Помните слова Чарторыйского: «Он охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен. Лишь бы все добровольно исполняли одну только его волю». Аракчеев и оказался таким идеальным гражданином. Не случайно он отказался от многих орденов, которыми был награжден, но каждое награждение и каждый свой отказ записывал на отдельном листке и вкладывал эти листки в свое евангелие: верноподданный должен быть бескорыстен, но не должен быть неблагодарным.

За это его не любили другие, менее идеальные граждане, полагавшие, что не они существуют для государства, а государство для них. Среди этих неидеальных граждан был, в частности, Александр Сергеевич Пушкин, написавший на Аракчеева две злые эпиграммы. Впрочем, первая из них, возможно, только приписывается Пушкину. Звучит она так:

В столице он – капрал, в Чугуеве – Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

О чем в ней идет речь? В городе Чугуеве размещалось военное поселение, в котором в 1819 году вспыхнул бунт, жестоко подавленный по приказу того же Аракчеева. А «Зандов кинжал» – кинжал Карла Людвига Занда – немецкого студента, убившего консервативного писателя и журналиста Августа фон Коцебу, занимавшегося травлей студенческих организаций.

Вторая эпиграмма совершенно точно написана Пушкиным:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И совету он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,

Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
Б. ди грошевой солдат.

Вы наверняка «услышали» в этих строках зло обыгранный девиз Аракчеева «без лести предан». «Грошевой солдат» – персонаж из скабрезной песенки «Солдат бедный человек…» предан «блуднице», под которой подразумевалась, конечно же, Настасья Минкина.

Пушкину суждено пережить Аракчеева и в 1834 году, узнав о его смерти, поэт написал жене: «Аракчеев тоже умер. Об этом во всей России жалею я один – не удалось мне с ним свидеться и наговориться». Как жаль, что мы так и не узнаем о чем поэт хотел поговорить с «Чугуевским Нероном», и что бы он ему ответил…

Глава 8. Александр Михайлович Горчаков

1

Одной из бесспорных заслуг Сперанского перед русской культурой есть составление проекта Лицея – элитного учебного заведения, которое должно было выпустить новую генерацию российских чиновников. «Учреждение лицей целью имеет образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной, – писал он в проекте, представленном императору. – Сообразно сей цели, лицей составляется из отличнейших воспитанников, равно и наставников и других чиновников, знаниями и нравственностию своею общее доверие заслуживающих». Сам Сперанский в то время еще не потерял надежду преобразовать Россию в «республиканскую монархию», а такое государство требовало управленцев нового типа: одновременно грамотных и ответственных, высокообразованных и преданных идеалам гуманизма. Это еще одна утопия, которую тем не менее Сперанский надеялся осуществить. Именно поэтому, согласно уставу Лицея, учеников в первые годы обучения запрещалось отпускать даже на каникулы. Дома под влиянием родителей они могли вернуться к идеалам «старого мира». Только достаточно укрепившись в новом образе мышления они могли встретиться со своей семьей и с большим светом.

Александр I, подписавший 12 августа 1810 года указ об учреждении в Царском Селе лицея для «образования юношества, предназначенного к важным частям службы государственной», в то время полностью разделял идеи Сперанского. Кроме того, он пытался осуществить маленький, но на свой лад не менее амбициозный проект: хотел, чтобы его маленькие братья Николай и Михаил воспитывались вместе с лицеистами, «в гуще народа» и на всю жизнь сохранили тот дух равноправия и братства, который должен был царить в Лицее. Возможно, именно благодаря этому тайному проекту Александра первому директору Василию Федоровичу Малиновскому удалось добиться запрета на телесные наказания в стенах Лицея – это единственное учебное заведение в России того времени, где детей не секли. Затея Александра не удалась: вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать великих князей, оказалась против того, чтобы удалять детей из семьи. Александр не стал в ней спорить, тем более, что всем уже было понятно, что предстоит большая и тяжелая война. Удалась ли затея Сперанского?

Это стало ясно спустя десятилетия. Двое лицеистов первого выпуска – Пущин и Кюхельбекер примкнули к восстанию 1825

года. Уже знакомый нам Модест Андреевич Корф был одно время государственным секретарем. Двенадцать избрали военную карьеру, в разной степени успешную. Федор Федорович Матюшкин стал адмиралом и знаменитым полярным исследователем. Семнадцать выбрали гражданскую службу, и, многие из них служили в Министерстве иностранных дел. Возможно, самый успешный из них Александр Михайлович Горчаков.

* * *

Горчаков родился 4 [15] июня 1798 года в маленьком курортном эстонском городе Гапсаль (Хаапсалу) в семье, хоть и не богатой, но очень родовитой, возводившей свои истоки к легендарному Рюрику и князю Михаилу Черниговскому.

Отцом Александра Михайловича был генерал-майор князь Михаил Алексеевич Горчаков. В те года Михаил Александрович был «действующим» военным (в Гапсале он командовал полком), позже он примет участие в заграничных походах русской армии в 1813-1814 годах, выйдет в отставку в 1817 году и через четыре года умрет. Мать – баронесса Елена Доротея Ферзен – старинного рода балтийских немцев, состоявших как на русской, так и на шведской службе. От первого брака у матери Горчакова остался сын Карл, во втором же браке она родила четырех дочерей и одного сына.

А.М. Горчаков

Родители Горчакова хотели дать Александру самое лучшее и самое современное и передовое образование. Он начинал учиться в Санкт-Петербургской губернской гимназии, открытой совсем недавно – в 7 сентября 1805 года, по инициативе министра народного просвещения графа П.В. Завадовского и попечителя округа Н.Н. Новосильцева. Гимназия располагалась на углу Демидова переулка и Большой Мещанской улицы, и была всесословной – туда могли поступать «всякого звания ученики». Гимназический курс включал в себя математику, физику,

историю, географию и статистику, начальную философию, изящные науки и политическую экономию, естественные науки, технологию и коммерческие науки, латинский, французский, немецкий языки, рисование, кроме того, если позволят средства, гимназия может содержать учителей музыки, танцевания и телесных упражнений (гимнастики), а аттестат вскоре приравняли к аттестатам университетским при производстве в высшие чины. Но Горчаков вскоре покинул гимназию и в начале августа 1811 года уже сдавал экзамены в Лицей. Туда он попал по протекции друга родителей – князя Бобринского, – внебрачного сына Екатерины и Григория Орлова. Князь Бобринский был большим шалопаем и беспутным человеком, не сделавшим никакой карьеры, но имевшим вес в свете, благодаря своему происхождению.

Горчаков не единственный, кого приняли «по протекции»: конкурс при поступлении был весьма высок и в дело шли все связи родителей. Отец Модеста Корфа – барон Андрей Федорович Корф – был президентом юстиц-коллегии; отец Аркадия Мартынова – директором департамента народного просвещения, а крестным отцом Аркадия был сам Сперанский, Иван Малиновский – сын директора Лицея. Родственники Вильгельма Кюхельбекера и Федора Матюшкина пользовались покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны – отец Кюхельбекера был когда-то секретарем ее мужа, тогда еще великого князя. Иван Пущин – внук адмирала, держал экзамен вместе с младшим братом. Когда выдержали оба, пришлось тянуть жребий, и учиться выпало старшему. Владимира Вольховского – сына бедного гусара из Полтавской губернии, рекомендовали как лучшего ученика Московского университетского пансиона. Дяде Пушкина – Василию Львовичу тоже пришлось напрячь все свои столичные связи, чтобы устроить племянника в Лицей.

Какие знания должны были показать абитуриенты, чтобы стать лицеистами? В «представлении о Лицее» Сперанский определял круг необходимых познаний так: «а) некоторое грамматическое познание российского и французского либо немецкого языка; б) знание арифметики, по крайней мере до тройного правила; в) начальные основания географии и г) разделение древней истории по главным эпохам и периодам и некоторые сведения о знатнейших в древности народах. Сверх сил предварительных познаний от воспитанников, вступающих в лицей, требуется, чтобы они имели несомненные удостоверения об отличной их нравственности и были совершенно здоровы».

Экзамены Александр выдержал без труда – у него уже была

хорошая подготовка и он достаточно амбициозен, чтобы понимать, какие преимущества даст ему обучение в Лицее и будет прилагать к учебе все силы.

* * *

Вероятно, вам хорошо знакомы особенности обучения в Лицее. Мальчики поступали туда в возрасте 10–12 лет (Горчакову недавно исполнилось 13). В течение трех лет они должны пройти курс гимназии, еще три года отводилось на университетский курс. Здесь уже не было всесословности, в Лицей могли поступить только дети дворян, но дворян самой разной знатности и достатка. Условия жизни были одинаковы для всех и весьма спартанские: кованая кровать, канцелярский стол, комод для вещей и туалетный столик для умывания. Мальчиков селили в комнатах, которые разделялись перегородками, не достигавшими стен. Лицеисты очень скоро прозвали их «кельями». Не случайно Пушкин в одном из первых своих любовных стихов, обращенных к крепостной актрисе Наталье, напишет:

Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампады там зажженны…
Знай, Наталья! – я… монах!

Лицеистов будили в 6 утра и после общей молитвы они должны до 8 часов (еще до завтрака) повторять уроки, заданные на этот день. В 8 часов приходили учителя и начинались занятия. В девять часов – перерыв и, наконец завтрак – чай с булкой, затем небольшая прогулка. С десяти до двенадцати – снова «классы», т. е. уроки. С 12 до часу дня – еще одна прогулка и повторение уроков. В час – обед. Кормили, руководствуясь все теми же рекомендациями Руссо, «простой, но здоровой пищей». Иван Пущин оставил нам подробное описание лицейского меню: «Обед состоял из трех блюд. По праздникам давали четыре. За ужином – два. Кушанья были хороши, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву[35] в бакенбарды. При утреннем чае – белая булка, за вечерним – половина булки. Сначала давали по полстакана портеру за обедом, позже эту английскую систему упразднили. Ограничивались отечественным квасом и чистой водой. Дядька Кемерский иногда по заказу именинника за общим столом ставил «кофе с сюрпризом утром или шоколад вечером».

После обеда рекомендовано заниматься «чистописанием и рисованием», предметами, не требовавшими больших умственных усилий. С трех до шести часов – еще один «учебный модуль». В 5 отдых, полдник, прогулка и гимнастические упражнения. В 8 часов ужин, прогулка и повторение уроков. В 10 часов учеников отправляли в спальни.

* * *

Чему учили лицеистов? Сперанский решил включить в программу следующие дисциплины:

«а) грамматическое учение языков: российского, латинского, французского, немецкого;

б) науки нравственные: первоначальные основания закона божия и философии нравственной. Первоначальные основания логики;

в) науки математические и физические: арифметика, начиная с тройного правила; геометрия; часть алгебры; тригонометрия прямолинейная; начала физики;

г) науки исторические: история российская, история иностранная, география, хронология;

д) первоначальные основания изящных письмен: избранные места из лучших писателей с разбором оных. Правила риторики;

е) изящные искусства и гимнастические упражнения: чистописание, рисование, танцование, фехтование, верховая езда, плавание».

Эта программа с предназначалась для первого трехлетия. Затем шел курс, приравненный к университетскому: «a) науки нравственные, b) физические, c) математические, d) исторические, e) словесность, f) языки, g) изящные искусства и гимнастические упражнения. В течение сего курса, если время позволит, дается воспитанникам понятие также о гражданской архитектуре и перспективе как об искусствах, в общежитии необходимых».

При начальном обучении большое значение уделялось родному и иностранным языкам. Сперанский рекомендовал уделить много времени заучиванию «коренных слов», от которых образуется большое количество производных слов и как можно раньше начинать практиковаться в переводах. Какого результата он ожидал? «В течение трех лет начального курса обучение языкам должно быть доведено до такой степени, чтоб на латинском воспитанники могли разрешать каждый период и переводить с латинского языка с помощью лексикона Федра или

Корнелия Непота, как книги удобнейшие. Что принадлежит до российского, французского и немецкого языков, они должны переводить с одного на другой с свободою». Горчаков проявлял большие способности к языкам и при выходе из лицея говорил не только по-французски и по-немецки, но еще и по-английски и по-итальянски.

Что до математики, то за первые три года ученики должны были выучить «арифметику, все части простой геометрии, тригонометрию прямолинейную и алгебру до кубических уравнений», а также «первые основания механики и математической географии». Из физики – «как общие, так и особенные свойства тел; познание магнитных, электрических и гальванических явлений и опытов».

Для обучения истории Сперанский рекомендовал как можно шире использовать хронологические таблицы «дабы связь происшествий тем удобнее могла быть понимаема» и географические карты, «останавливать внимание на деяниях великих людей и заставлять воспитанников пересказывать их, указуя между тем им истинные отличительные черты каждого характера». Учащиеся так же должны были практиковаться в сочинениях, переходя от «простого повествования» к составлению речей и использованием ораторских приемов.

На старшем курсе ученики должны глубоко изучить правоведение, «права публичного, права частного и особенно права российского и пр.», знать «статику, гидравлику, артиллерию и фортификацию», изучая историю «представить в разных превращениях государств шествие нравственности, успеха разума и падения в разных гражданских постановлениях».

В свободное время ученики, как было принято, издавали литературные журналы «Юное перо», «Неопытный пловец», «Лицейский мудрец» и т. д. Верховодили, разумеется, Пушкин, Дельвиг и Кюхельбекер, хотя лучшим поэтом Лицея считался Илличевский. Горчаков же пробовал себя в прозе. Он написал то ли повесть, то ли трагедию «Изяслав», которая, к сожалению, не сохранилась.

* * *

Изоляция от семей сильно сближала воспитанников, создавала то ощущение, которое позже передал Пушкин в стихотворении, написанном к очередной лицейской годовщине 19 октября:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Кстати, лицейские прозвища Пушкина и Горчакова были похожи. Пушкин – Француз, Горчаков – Франт.

Есть среди первых стихов Пушкина и два послания «Князю А.М. Горчакову», одно – шутливое, которое сам адресат счел неприличным, другое – торжественное и печальное, как и полагалось перед выпуском. Но нам, знающим дальнейшие события, они могут показаться пророческими:

Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый, и славный, –
Моя стезя печальна и темна…

Эту дружбы не нарушала даже конкуренция, которая поощрялась учителями. Учеников в классе и в столовой сажали по успеваемости. Первые места, как правило, занимали Вольховский, Пущин, Матюшкин и Кюхельбекер. «В хвосте» плелись Константин Данзас и Силольверий Брольо (Броглио), близко к концу сидел Пушкин, как правило, из-за рассеянности и неумения сосредоточиться. Позже в черновом варианте стихотворения «19 октября» Пушкин напишет:

Пускай опять Вольховский сядет первым,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.

Справедливости ради нужно отметить, что Сильвестр Брольо приехал вместе с отцом из Пьемонта, и еще плохо говорил по-русски. Данзасу же, по мнению лицейских педагогов, свойственны «мешковатость, вялость, неловкость, и притом и леность». Товарищи называли его Медведь.

Горчаков вместе с Корфом и Ломоносовым изо всех сил пытались занять первые места. Профессор И.Ф. Кошанский писал о Горчакове: «Князь Александр Горчаков один из тех немногих питомцев, кои соединяют все способности в высшей степени: особенно заметна в нем быстрая понятливость, объемлющая вдруг

и правила, и примеры, которая, соединяясь в нем с чрезмерным соревнованием, прилежанием, особенно с каким-то благородно-сильным честолюбием, превышающим его лета, открывает быстроту разума и некоторые черты гения, но сии способности, развиваясь быстро, сильными порывами, вредят его здоровью. Успехи его чрезвычайны».

А второй директор лицея Е.А. Энгельгардт отзывался о нашем герое так: «Сотканный из тонкой духовной материи, он легко усвоил многое и чувствует себя господином там, куда многие еще с трудом стремятся. Его нетерпение показать учителю, что он уже все понял, так велико, что никогда не дожидается конца объяснения. Если в схватывании идей он выказывает себя гениальным, то и во всех его более механических занятиях царят величайший порядок и изящество.

Так как он с самого детства был подвержен всяким внешним и внутренним эмоциям, этот пыл подорвал его организм, в особенности легкие, чему больше всего способствовал один чрезвычайно разрушительный порок, которому он, к сожалению, был подвержен уже с ранних лет. Теперь его здоровье, по-видимому, совсем восстановилось, хотя его экспансивность нисколько не уменьшилась. Поскольку и теперь, однако, пылкость его стихия, то кажется, что она уничтожила все более спокойные и добрые свойства его души и при его остром чувстве собственного достоинства у него проявляется немалое себялюбие, часто в отталкивающей и оскорбительной для его товарищей форме. Чаще всего он вступал в спор с Кюхельбекером. От одних учителей он отделывается вполне учтивыми поклонами, а с другими старается сблизиться, так как у них он находит или надеется найти поддержку своему тщеславию. В течение долгого времени он непременно хотел оставить лицей, ибо думал, что в познаниях он больше не может двигаться вперед, и надеялся блистать у своего дядюшки».

«Дядюшка», у которого надеялся блистать юный Горчаков – это по всем видимости Алексей Никитич Пещуров – двоюродный дядя по отцовской линии. Он служил в Семеновском полку, затем был директором Государственного Заемного банка, потом предводитель дворянства Опочецкого уезда, потом – витебский, а затем псковский гражданский губернатор. В бытность свою псковским губернатором, он будет надзирать за ссыльным Александром Сергеевичем Пушкиным, покровительствовать ему и разрешать ездить по всей своей губернии. Современники описывают его, как некрасивого, но добрейшего души человека, этакого «принца Рике-с-Хохолком» из сказки Шарля Перро (Пещуров, как и принц Рике, был горбат), который мягкостью

характера и тактом сумел заслужить любовь жены, выданной за него по желанию родителей. Именно он устроил юного Горчакова в гимназию, именно он ввел его в петербургское общество, где Алексея Никитича все знали и любили, и безусловно, был той поддержкой, в которой так нуждался нервный и впечатлительный мальчик.

Борьба за первенство особенно обострилась перед выпускными экзаменами. Горчакову удалось догнать Вольховского по оценкам, но было решено дать ему только Малую золотую медаль, а Вольховскому – Большую, так как он проявил больше скромности и старания. Биограф Вольховского, его родственник Е.А. Розен, так описывает это соперничество: «Время близилось к выпуску, и начальство лицея хотело, чтобы на мраморной доске золотыми буквами был записан Горчаков, по наукам соперник Вольховского, но большинство благомыслящих товарищей Вольховского просили, чтобы первым был записан Вольховский, потому говорили они: „хоть у них отметки и одинакие, но Вольховский больше старается и в поведении скромнее“; тогда начальство лицея решило так: записать их обоих – первым чтобы был Владимир Вольховский, вторым князь Александр Горчаков».

М.А. Корф пишет по этому поводу: «Князь А.М. Горчаков был выпущен из лицея не первым, а вторым. Первым был Владимир Дмитриевич Вольховский. Но нет сомнения, что в этом сделана несправедливость, единственно, чтобы показать отсутствие всякого пристрастия к имени и связям Горчакова. Блестящие дарования, острый и тонкий ум, неукоризнанное повеление, наконец само отличное окончание курса давали ему право на первое место, хотя товарищи любили его за некоторую заносчивость и большое самомнение менее других».

Так юный Горчаков получил первый урок дипломатии, как искусства компромиссов.

2

По окончании Лицея Горчакова зачисляют в коллегию иностранных дел чиновником IX класса – титулярным советником. Ту же должность, в том же чине и в том же ведомстве получил и юный Пушкин. Но насколько разными были их устремления! Нам хорошо известно, что из Пушкина получился весьма посредственный чиновник. По успеваемости он был 24-м из 29 выпускников, на службе только числился, зато исправно посещал скандальные литературные общества и вольнодумные кружки, которых тогда еще было великое множество, не упускал случай приударить за красивой женой своего непосредственного начальника.

Совсем другое дело – Горчаков. Он относился к своей службе со всей возможной серьезностью. «В молодости я был так честолюбив, что одно время носил яд в кармане, решаясь отравиться, если меня обойдут местом», – вспоминал он в конце жизни.

Но пока поводов для самоубийства нет: в 1820 году Горчаков вместе с делегацией России отправляется в Троппау (ныне – Опава в Чехии) на второй конгресс Священного союза, затем, в 1821-м, – в Лайбахе, и в 1822-м – в Вероне. Священный союз, плод совместной работы дипломатов Австрии, Пруссии, России, имел целью установление длительного мира в Европе и сохранение государств в границах, обозначенных на Венском конгрессе в 1815 году. Теперь речь шла уже не просто об аккорде – Северном или Южном. Новая система международных отношений носила название Европейского концерта. Она давала европейским государям возможность сосредоточиться на внутренних делах и избежать участи Франции, которая все еще с трудом оправлялась от последствий революции и поражения в войне. Поэтому монархии охотно присоединились к широкому жесту стран-победительниц, и Священный союз впоследствии постепенно объединил практически все государства Европы, за исключением Великобритании и Османской империи. Конечно, пессимисты, предрекали, что эта эпидемия миролюбия будет скоротечной, и, конечно, они оказались правы. Но пока атмосфера казалась идиллической. Это был триумф Александра – уже тучный и лысеющий, но все еще статный и харизматичный император стал не только всероссийским, но и всеевропейским любимцем.

Горчаков еще в лицее иронизировал над слишком восторженными почитателями Александра и писал своей тете в 1814 году, рекомендуя ей стихи Дельвига: «Это одно из

стихотворений, известных под названием: стихи на взятие Парижа. Да не испугает вас этот заголовок, так как вы в них не найдете никаких: Ура! Слава! Геенна! Миротворец и т. д., и т. д.». Тем не менее он хорошо понимал, что проект Александра по-своему амбициозен: объединение Европы, какого не было, пожалуй, со времен Карла Великого (не случайно первый конгресс прошел в 1818 году в Аахене – древней столице Каролингов), и возможность участвовать в этом грандиозном, хотя и эфемерном предприятии, конечно, оказалась для него ценным опытом.

Александр Михайлович отдавался работе со всем рвением – за время поездки им было составлено 1200 различных обзоров, донесений и справок. Вскоре молодого, одаренного, старательного и амбициозного атташе, да еще и бывшего лицеиста, замечает император. «Император Александр I рано стал отличать меня своею благосклонностью, – вспоминал Горчаков. – При встречах в бытность за границей, в разных немецких городах на конгрессах, а также в бытность мою в его свите в Варшаве, государь всегда останавливал меня при встречах на прогулках, говорил очень приветливо и всегда отличал, как одного из лучших питомцев любезного Его Величеству Царскосельского лицея. Это он сам мне выразил в Лайбахе, встретившись со мною на единственной улице, бывшей в то время в этом городе. При этом государь Александр Павлович, совершенно для меня неожиданно, сказал, между прочим: „Ты просишься в Англию, в Лондон. И прекрасно, я отправляю тебя туда секретарем нашего посольства“».

Горчаков в самом деле вскоре получил орден Св. Анны и отправился в Лондон, на должность первого секретаря русского посольства. Отношения между Россией и Англией можно описать пословицей «Вместе – тесно, а врозь – скучно» (Кажется британцы в таких случаях говорят: «Can’t live with them – can’t live without them» – «Нельзя жить ни с ними, ни без них»). Две морские державы были естественными конкурентами на европейской арене. В начале недавних наполеоновских войн Россия и Англия сражались бок о бок, но взаимные претензии накапливались. Русские генералы считали, что в Голландии, откуда обе державы пытались вытеснить французов, британцы оставляли русским самые сложные задания и самые кровопролитные сражения и фактически отсиживаясь у них за спиной. В итоге Англии достался голландский флот, а российские войска бросили без нормального снабжения на островах Джерси и Гернси. Потом – в сентябре 1800 года Англия оккупировала остров Мальту, которую формально возглавлял Павел I как Великий магистр

Мальтийского ордена. Тогда разгневанный Павел прервал любые отношения с Лондоном, наложил секвестр на британские суда, запретил продавать в России английские товары и начал секретные переговоры с Наполеоном о совместном военном походе в Индию – богатейшую британскую колонию. Но Павел умер, а Александр снова развернулся в сторону Англии. Когда Наполеон объявил Англии континентальную блокаду, то русские просто не смогли прервать торговых отношений с этой страной. И не только из человеколюбия и симпатии к британцам. На английских товарах держались многие отрасли российской экономики. Тогда британские грузы стали вывозить русскими кораблями из Кронштадта в Петербург, но долго сохранять эту «аферу» в тайне не удалось, и нарушение договора о блокаде послужило поводом для вторжения Великой армии Наполеона в пределы России. 18 июня 1815 года британцы, вместе с войсками Пруссии и Нидерландов, под общим командованием герцога Веллингтона и Прусского фельмаршала Гебхарда Леберехта фон Блюхера, нанесли последний удар армии Наполеона близь селения Ватерлоо в Нидерландах. Но противоречия между Лондоном и Санкт-Петербургом не только никуда не делись, но и обострились. Тогда уже начали ходить афоризмы относительно того, что ни один мировой кризис не обходится без участия английских дипломатов.

* * *

Однако Горчаков не смог надолго задержаться в Англии – подвело здоровье. Возможно, сказалось постоянное перенапряжение, с которым он работал. Уже через четыре года он вынужден вернуться в Россию. Но позже его опыт, полученный в эти четыре года, окажется очень важным – ему еще не раз придется столкнуться с британскими дипломатами на политической арене. А пока, в сентябре 1825 года, больной и разбитый Горчаков возвращается в Россию и едет навестить своего любимого дядю в его родовое имение Лямоново близь Опочки. Пушкин, находившийся в это время в михайловской ссылке, поспешил навестить лицейского приятеля. Однако теплой встречи не вышло. В тот же день Пушкин напишет Вяземскому: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно – по крайней мере, с моей стороны. Он ужасно высох – впрочем, так и должно; зрелости нет в нас на севере, мы или сохнем, или гнием, первое все-таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии»[36].

Под «сухостью» Горчакова поэт видимо подозревает внешнюю холодность манер, усвоенную им на дипломатической службе (не где-нибудь, а в «чопорной Британии»!). По воспоминаниям самого Горчакова, тот сделал несколько замечаний по поводу стиля «Бориса Годунова», показавшихся Пушкину неуместными. Добавьте к тому внутреннее раздражение обоих, Пушкина – из-за своего «ссыльного» положения, Горчакова – из-за болезни и неясности будущего, и не приходится удивляться, что картинной «встречи старых друзей» не получилось. Но, кажется, позже у Пушкина остались только теплые воспоминания об этом неудачном свидании:

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

По-видимому, это был последний раз, когда они встречались.

* * *

Уже в конце жизни Александр Михайлович будет вспоминать: «В день 14 декабря 1825 года я был в Петербурге и, ничего не ведая и не подозревая, проехал в карете цугом с форейтором в Зимний дворец для принесения присяги новому государю Николаю Павловичу. Я проехал из дома графа Бобринского, где тогда останавливался, по Галерной улице чрез площадь, не обратив внимания на пестрые и беспорядочные толпы народа и солдат. Я потому не обратил внимания на толпы народа, что привык в течение нескольких лет видеть на площадях и улицах Лондона разнообразные и густые толпы народа.

Помню весьма живо, как в то же утро, 14 декабря, во дворце императрица Александра Феодоровна прошла мимо меня торопленными шагами одеваться к церемонии; видел ее потом трепещущею; видел и то, как она при первом пушечном выстреле нервно затрясла впервые головою. Эти нервные припадки сохранились затем у нее на всю жизнь.

Видел митрополита Серафима, возвратившегося во дворец с Петровской площади и тяжело опустившегося в кресло,

трепещущего всем телом. Он полагал, что был весьма близок к погибели, и дрожал при воспоминании об опасности, которой избег, как он думал, совершенно случайно.

Видел я, и вспоминаю вполне ясно, графа Аракчеева. Он сидел в углу залы, с мрачным и злым лицом, не имея на расстегнутом своем мундире ни одного ордена, кроме портрета покойного государя Александра Павловича, и то, сколько помню, не осыпанного бриллиантами. Выражение лица Аракчеева было в тот день особенно мрачное, злое, никто к нему не приближался, никто не обращал на него внимания. Видимо, все считали бывшего временщика потерявшим всякое значение.

Новый государь, Николай Павлович, вел себя вполне героем».

События декабря 1825 года больно ударили и по Пушкину и по Горчакову. Как вам уже известно, среди декабристов оказались двое их лицейских друзей – Пущин и Кюхельбекер. По приговору суда обоим назначили смертную казнь (Пущину за то, что поднял на мятеж «нижние чины», Кюхельбекеру – за покушение на убийство великого князя Михаила Павловича). До того, как царь своей милостью отменил всему «первому разряду» смертную казнь, их друзья переживали не самые легкие дни. Но и после окончательного приговора Пушкин писал Вяземскому: «Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» и сообщал, что «надеется на коронацию», точнее на амнистию, традиционно связанную с нею. Мы уже знаем, что эти надежды не оправдались.

На судьбу Горчакова восстание декабристов тоже, возможно, оказало свое влияние. Впрочем, в старости он уверял, что «ни один из моих товарищей по Царскосельскому лицею, членов тайного общества, не заговорил со мною о делах сего общества. Потому что всем и каждому из них я твердил, что питомцам Лицея, основанного императором Александром Павловичем, не подобает ни прямо, ни косвенно идти против августейшего основателя того заведения, которому мы всем обязаны». А когда к нему обратился один из членов тайного общества, не учившийся в Лицее, Александр Михайлович ответил отказом, сказав, что «благие цели никогда не достигаются тайными происками». Тем не менее его репутация оказалось «подмоченной», и позже он то ли с горечью, то ли с гордостью рассказывал, что узнал от друзей, будто в списках III отделения напротив его фамилии было написано: «Не без способностей, но любит Россию», что на кодовом языке жандармов означало участие в заговоре. В 1827 году он отправился первым секретарем русской миссии в Италии, где было возможностей для карьерного роста – но много для изучения итальянского искусства периода Ренессанса и

документов, оставленных дипломатами прошлых веков, включая, разумеется, и труды Николо Макиавелли.

Это понижение связано и с мелкими вну тренними дрязгами. До 1822 года в Министерстве иностранных дел царило двоевластие. Часть департаментов подчинялась Иоанну Каподистрии – уроженцу острова Корфу, грека по происхождению. Каподистрия был в свое время секретарем законодательного совета Республики Ионических островов – очередной русско-греческой эфемериды, существовавшей в 1800–1807 годах в качестве протектората на островах Керкира, Паксос, Лефкас, Кефалиния, Итака, Закинф и Китира в Ионическом море. По Тильзитскому мирному договору Александру пришлось уступить контроль над островами Наполеону, потом в 1809–1810 годах Англия забрала под свою руку весь архипелаг, кроме Корфу, где французский гарнизон сохранялся до 1814 года.

И. Каподистрия

Тильзитской договор заставил Каподистрию перейти на русскую службу и с 1816 года его назначили управляющим Министерством иностранных дел. Другим управляющим был небезызвестный граф Карл Васильевич Нессельроде – происходивший из немецкого графского рода и бывший близким другом Меттерниха – министра иностранных дел Австрии.

Каподистрия дружил с Пещуровым, а значит – покровительствовал Горчакову. Нессельроде же относился к нему враждебно, и когда-то отказался ходатайствовать о присвоении Александру чина камер-юнкера, бросив недовольно: «Он же метит на мое место!» (Эти слова оказались пророческими). Тем не менее

в 1819 году Горчаков удостоен придворного звания камер-юнкера.

В 1822 году Каподистрия вынужден уйти с поста, так как внешняя политика России развивалась все более вопреки интересам Греции – там вспыхнула революция под руководством князя Ипсиланти, а Александр даже в самые либеральные свои годы не поддерживал революций. Иоанн не был формально отстранен от должности до 1827 года, но его отправили в долгосрочный отпуск «для поправления здоровья». Меттерних называл тайную отставку Каподистрии и усиление влияния Австрии на Россию «самой полной из побед, когда либо одержанных одним двором над другим». Министерство осталось за Нессельроде, а Горчаков – полностью в его власти. С этим также может быть связана его «ссылка» в Рим.

А в Европе продолжалось бурное кипение революций. 11 апреля 1827 года Третье Национальное собрание в Тризине избрало графа И. Каподистрию на 7 лет правителем Греции. Но уже 9 октября 1831 года он убит заговорщиками при входе в церковь. Еще одна потеря для Горчакова. Каподистрия был не только его покровителем, но и учителем, а в годы юности даже кумиром, его мраморный бюст всегда находился в кабинете Горчакова, перед смертью Александр Михайлович завещал его Министерству иностранных дел и попросил «хранить его в память обо мне в Санкт-Петербургском главном архиве».

* * *

После отставки Каподистрии Горчаков служит под началом Нессельроде. Этот человек враждебно относится к молодому дипломату, их политические взгляды не совпадают, но и у Нессельроде можно многому научиться. Великая княжна Ольга Николаевна, с которой позже близко познакомится Александр Михайлович, оставила нам такой портрет графа: «Нессельроде, канцлер и министр иностранных дел во время царствования Папа, был тем, кто как никто другой умел облечь в вежливую придворную форму то, что было резким в его выражениях или поступках. Он был одним из последних представителей блестящей эпохи, давшей таких способных людей, как Штейн, Талейран, Меттерних, которые в 1815 году могли создать растерзанным народам Европы новую базу существования. При Нессельроде было много блестящих дипломатов, почти все немецкого происхождения, как, например, Мейендорф, Пален, Матусевич, Будберг, Брунов. Единственных русских среди них, Татищева и Северина, министр недолюбливал, как и Горчакова».

Из Италии Горчакова переводят в Вену, советником посольства. Должность эта также не сулит ему большого карьерного взлета. Зато в Вене он находит жену – красавицу-вдову Марию Александровну Мусину-Пушкину (урожденную княжну Урусову), Горчакову уже 40 лет, Марии Александровне – 37, у нее пятеро детей от первого брака – дочь и четыре сына. Позже она родит Горчакову еще двоих сыновей.

М.А. Мусина-Пушкина

Мария Александровна племянница начальника Горчакова – Дмитрия Павловича Татищева, который выступал категорически против того, чтобы породниться с Александром Михайловичем. Ради этого брака Александру пришлось выйти в отставку и на некоторое время покинуть дипломатическую службу, впрочем, он, вероятно, не очень грустил о Вене. А вот материальное положение его было тяжелым. Дипломатическая служба не приносила много денег. Сам Горчаков писал об этом весьма уклончиво: «Необходимость для государственных служащих придерживаться образа жизни, обусловленного обстоятельствами и общественным мнением, ставила тех из них, кто не обладал наследственным состоянием и не занимал старших должностей, в трудные, часто унизительные условия, – вспоминал он позднее. – Разница в размере содержания старших и младших служащих одного учреждения могла быть десятикратной, а то и более». Теперь же не стало и этого, а с появлением большой семьи возросли расходы. Он просил должность посла в Османской империи – ему отказали. Но за Горчакова вступилась его новая родня – Урусовы. Благодаря их хлопотам он получил назначение в Штутгард – столицу княжества Вюртенбергского. Ему предстояло устроить брак великой княжны Ольги Николаевны с Карлом Фридрихом, наследным принцем Вюртембергским.

3

Ольга Николаевна – средняя дочь Николая I, с детства отличалась ровным, спокойным характером. Она оставила подробные воспоминания о своем детстве, которые назвала «Сон юности». Немало страниц в этой книге посвящены поискам жениха. Ольга с юности понимала, что ее замужество – дело государственное и, как хорошая девочка, хорошая дочь, и хорошая принцесса была готова полюбить того, кто будет предназначен ей судьбой. Беда была в том, что претенденты на ее руку все время менялись и Ольга едва успевала «переориентировать» свое сердце. При этом будучи ученицей Жуковского и дочерью эпохи романтизма Ольга полагала, что «только тот союз, который создан на личной симпатии и доверии, может подходить для меня и что не положение, а только человеческие достоинства были в состоянии завоевать мое сердце». Но одновременно она сознавала, что рождение в царской семье накладывает определенные ограничения: «Молодой девушке, главным образом принцессе в возрасте, когда выходят замуж, достойны сожаления, бедные существа! В готтском Альманахе указывается год твоего рождения, тебя приезжают смотреть, как лошадь, которая продается. Если ты сразу же не даешь своего согласия, тебя обвиняют в холодности, в кокетстве или же о тебе гадают, как о какой-то тайне».

Еще одна проблема заключалась в том, что старшая сестра Ольги, своенравная Мария, категорически отказалась уезжать из России, а младшая Александра, любимица всей семьи, умерла от туберкулеза очень молодой, едва вступив в брак с принцем Гессен-Кассельским. Для «брачной дипломатии» у Николая осталась всего одна дочь.

Николай I перебрал много женихов. Сначала к Ольге сватался принц Баварский, которого прочили в мужья старшей сестре Ольги – Марии. Потом – эрцгерцог Стефан, сын палатина Венгерского. «Мне это показалось призывом к священной миссии: объединение славянских церквей под защитой и благословением той Святой, имя которой я носила», – пишет Ольга. В то же время ей больше нравился эрцгерцог Альбрехт, двоюродный брат Стефана: «Никто, кроме Альбрехта, не внушал мне достаточного доверия, чтобы вместе пройти по жизненному пути». Николай тоже хочет породниться с семьей Габсбургов, он предвидит, что в будущем эти родственные связи пригодятся.

Первым «отпадает» принц Баварский. «Из Мекленбурга пришло известие, что кронпринц Баварский гостит там и просит

известить нас, что горит желанием увидеть меня. На вопрос Мама, разрешить ли ему приехать, я не рискнула сказать „нет“, – вспоминает Ольга. – Цоллер, адъютант Макса, был послан в Мюнхен с письмом, в котором кронпринца приглашали в Петербург. В должный срок он возвратился с письмом короля и королевы обратно. В очень смущенном тоне в них говорилось о том, что кронпринц уже остановил свой выбор на принцессе, имя которой еще не было названо. Не было никого счастливее меня! Гора свалилась с плеч, и я прыгала от восторга. С нашего посещения Берлина в 1838 году Макс Баварский не переставал быть кошмаром моей жизни. Наконец-то я могла вздохнуть свободно и совершенно свободной обратиться к Стефану, чей образ все еще витал передо мною».

Но времена Священного союза остались далеко позади. В Австрии крепнет недовольство агрессивной политикой Николая, который полагает, что Россия по-прежнему имеет право вмешиваться в Европейскую политику. Под благовидным предлогом предложение российского императора отклонили. Ольга пишет: «Тут Папа получил известие, что у Стефана чахотка и что он не решается поэтому принять наше приглашение и отправиться на маневры с их трудностями. Одновременно же мы узнали, что Альбрехт по воле своего отца женился на баварской принцессе Хильдегарде».

Николай был уязвлен, и как властитель, и как отец, искренно любящий дочь. Сама Ольга думает, что возможно ее судьба стать монахиней, как это делали царские дочери во времена первых Романовых. Но отец понимает: нужно спешно найти нового жениха, чтобы забыть об этом позорном отказе. Остается старое испытанное средство – искать спутника жизни русской принцессы среди властителей маленьких германских княжеств.

Следующие кандидаты – Альфред Нассауский и его брат – принц Мориц. «Однажды вечером донесли, что герцог Нассауский и его брат Мориц прибыли в Кронштадт и ожидают указаний Папа, где и когда они могут сделать ему визит. В то время не было принято, чтобы принц или какой-нибудь путешественник, имевший значение, приезжал в Россию без предварительного приглашения или же запроса. Папа приказал герцогу приехать в Ропшу, где был на маневрах, принял его в своей палатке, и герцог тогда же сказал ему, что просит у него руки Великой княжны Елизаветы (дочери дяди Михаила). Папа был удивлен, но ничего не имел против этого, и герцог поспешил уехать в Карлсбад, где в то время лечилась со своими дочерьми тетя Елена. Мориц же остался у нас. Это был красивый мальчик, хорошо сложенный, очень приятный в разговоре, с легким налетом сарказма. Он

быстро завоевал наши симпатии, мне же он нравился своим великодушием, заложенным в его характере, а также своей откровенностью. Восемь дней он оставался у нас; затем он уехал. Мое сердце билось, как птица в клетке. Каждый раз, когда оно пыталось взлететь, оно сейчас же тяжело падало обратно». Но Мориц не является наследником престола. Николая это устраивает, он не против оставить дома еще одну дочь, раз уж ее не удалось выдать замуж в Австрию. «Мэри узнала, что Мориц уехал с тяжелым сердцем, и спросила меня: „Хочешь, чтобы я поговорила с Папа? Он, конечно, разрешит тебе брак вроде моего“. Я подумала, но все же сказала: „Нет!“ Я не сказала вслух того, о чем подумала: жена должна следовать за мужем, а не муж входить в Отечество жены, а также что мне была бы унизительна мысль о том, что Мориц будет играть роль, подобную роли Макса[37]. Это было последним происшествием такого характера; влюбленность, где теряется сердце, в то время как благоразумие удерживает и предупреждает, становится мучительной».

И тут великая княгиня Елена Павловна, жена младшего брата Николая – Михаила предлагает своего брата принца Карла Фридриха Александра Вюртенбергского. Принц на четырнадцать лет старше Ольги, он со дня на день должен стать королем Вюртенберга.

Семья едет в Германию, Ольга встречается с Карлом и старается убедить себя, что любит его. «Я жарко молилась, чтобы Господь вразумил меня и указал, как мне поступить. Я встретилась с кронпринцем после службы в комнате Мама. По ее предложению мы спустились вниз, в сад. Не помню, как долго мы бродили по отдаленным дорожкам и о чем говорили. Когда снова мы приблизились к дому, подошла молодая крестьянка и с лукавой улыбкой предложила Карлу букетик фиалок „пер ла Донна“ (для госпожи (ит.)). Он подал мне букет, наши руки встретились. Он пожал мою, я задержала свою в его руке, нежной и горячей. Когда у дома к нам приблизилась Мама, Карл сейчас же спросил ее: „Смею я написать Государю?“ – „Как? Так быстро?“ – воскликнула она и с поздравлениями и благословениями заключила нас в свои объятия… Было решено объявить помолвку, как только придет письмо Папа из Петербурга. Кости[38], который увлекался теперь всем античным, сравнил меня с Пенелопой и ее женихами. „Ну, – говорил он, – наконец появился и Улисс (Одиссей)!“».

Вскоре Ольга познакомилась с «действующим» королем Вюртенберга: отцом Карла Вильгельмом I. Вот какое впечатление он оставил: «Манеры короля напоминали прошлое столетие, тон, которым он обращался ко мне, был скорее галантным, чем

сердечным, его разговоры любезны, подчас даже захватывающи, но всегда такие, точно он говорил с какой-либо чужой принцессой, ни слова, могущего прозвучать сердечно или интимно, и ничего о нашем будущем. Казалось, он избегал всего, что могло вызвать атмосферу непринужденной сердечности. Такое поведение казалось мне, с детства привыкшей к свободе и откровенности, совершенно непонятным, и мое сердце сжималось от мысли, что мне придется жить под одним кровом с человеком, который был мне непонятен и чужд. И все же как Государь, самый старший среди немецких князей, он считался самым способным. Он был просвещенных либеральных взглядов и дал своей стране конституцию задолго до того, как она была принята в других странах. Он правил страной 30 лет, и это было счастливым для нее периодом. Все это я уже знала до встречи с ним и старалась теперь думать об этом, чтобы увеличить хотя бы мое уважение к нему, раз сердце для него молчало. И это уважение стало почвой для всех моих последующих с ним отношений. Я ему обязана многим, он научил меня выражаться точно и вдумчиво, что было необходимо, например, при передаче ему моих бесед с нашим послом в Штутгарте Горчаковым, для которого я служила как бы рупором в его сношениях с королем».

* * *

После свадьбы Ольги и Карла в 1846 году Горчаков остался в Штутгарте чрезвычайным послом на долгих восемь лет. Брак великой княжны и кронпринца оказался неудачным, детей у супругов не было, и Ольга взяла на воспитание свою племянницу Веру, дочь великого князя Константина Николаевича. Много времени она отдавала благотворительности, организовала Попечительское общество имени Николая, которое помогало слепым детям, госпиталь и школу для сестер милосердия. Как бы там ни было, но Штутгарт был хорошим местом для большой семьи Горчакова – до поры до времени тихим и спокойным. Но Александр Михайлович пристально следил за событиями в Европе, а они не могли не вызывать тревоги. Позже историки назовут это время «весной народов», но далеко не все современники этих событий вспоминали о них с радостью и глядели в будущее с оптимизмом.

Ольга Николаевна

Карл Фридрих Александр Вюртенбергский

Первой «вспыхнула» Франция – король Луи Филипп не сумел справиться с последствиями череды неурожайных лет и с недовольством буржуазии, не допущенной до власти. В Париже снова зазвучала «Марсельеза», стали строить баррикады. 24 февраля 1848 года Париж оказался в руках восставших. Луи Филиппу пришлось подписать отказ от короны и скрыться в Англии. Во Франции провозгласили вторую республику. Официально отменили титулы, гарантирована свобода собраний, для пополнения казны введен 45 %-ный земельный налог со всех землевладельцев, который в первую очередь ударил по крестьянам, проведены выборы в законодательное собрание. Но

справиться с ростом безработицы новому правительству так и не удалось. Один из руководителей национальных мастерских, которые должны были дать заработок потерявшим доходы рабочим, писал: «Нищета усиливается с каждым днем и грозит все затопить». А вскоре и эти мастерские закрыли. И вскоре рабочие снова поднялись, теперь уже против национального собрания. Но июньское восстание потопили в крови и власти приостановили демократические реформы. В декабре прошли выборы и президентом Франции стал племянник Наполеона I – Луи Наполеон Бонапарт (Наполеон III), которого называли «маленьким племянником большого дяди». Позже – в 1851 году – он объявит о роспуске законодательного собрания и сосредоточит в своих руках всю полноту власти при единодушной поддержке народа. Потом он объявит себя императором, а свою страну – империей. Но пока Франция является примером для многих стран, которые задумываются о своем будущем.

Пожалуй, Николай I мог бы радоваться, что отдал дочь не в Вену, а в Вюртенберг: австрийскую империю также сотрясала волна революций. 13 марта 1848 года в Вене либеральная оппозиция потребовала отставки Меттерниха. Ее поддержали студенты и рабочие. На улицах стали появляться баррикады. Император Фердинанд I отправил Меттерниха в отставку и тому пришлось переодетым бежать за границу. Волнения в городе не утихали. 15 марта издан приказ созвать учредительное собрание, которое должно было выработать конституцию, создано новое правительство. Но демонстрации продолжались. Император и его Двор покинули Вену и бежали в город Инсбрук, под защиту войск. В марте 1848 года революция охватила Венгрию, Трансильванию и Чехию, входивших в состав Австрийской империи. Император вернулся в Вену только в августе, когда там уже шли заседания рейхстага новой республики. Осенью австрийские войска оккупировали Венгрию. Подавить восстание им помогла русская армия: как бы ни относился Николай к императору Австрии, но он считал своим долгом защищать «алтари и престолы». Шестого октября в Вене вновь началось восстание рабочих и студентов, но уже 1 ноября оно жестоко подавлено правительственными войсками. Но теперь императору приходилось делить власть с законодательным парламентом – ситуация нелепая и немыслимая с точки зрения Николая I, кредо которого было сформулировано еще в 1834 году министром народного просвещения графом С.С. Уваровым: «Православие – самодержавие – народность». Правда, Фердинанд I тоже вскоре отменил навязанную ему конституцию.

Вслед за Австрией вспыхнула Италия – страна не чужая для Горчакова. Правда, революцией поначалу оказался охвачен не

Рим, а остров Сицилия, но в Тоскане, Пьемонте и в Папской области приняли декреты о введении конституции. Получив известия о восстании в Австрии, Венецианская республика объявила о своей независимости от нее. Затем миланцы изгнали австрийские войска из города. Осенью 1848 года восстание вспыхнуло и в Риме. Папа Римский лишился светской власти, бежал из города, имущество монашеских орденов национализировали. Но против Римской республики выступили объединенные войска Австрии, Франции, Испании и Неаполитанского королевства. Через два месяца город сдался, а в следующем 1849 году под натиском австрийских войск пала и Венецианская республика.

Но и в Германии тоже было неспокойно. 27 февраля, получив известие о французской революции, граждане герцогства Баден, непосредственного соседа Франции, потребовали от своего правительства отмены феодальных повинностей, введения свободы печати и суда присяжных и созыва общегерманского собрания. В Баварии восставшие вынудили короля отречься в пользу наследника. В Пруссии и в столице Рейнской области – городе Кельне также начались беспорядки. Приходила толпа и к стенам Вюртенбергского дворца. Тогда Ольга Николаевна вышла к ним и сказала, что дочь императора Николая I ничего не боится, так как знает, что отец защитит ее. Угроза подействовала, и восстание рассосалось само собой.

Но не всем немецким княжествам и королевствам так повезло. В Берлине начались столкновения королевских войск с народом. После ожесточенных уличных боев восставшие взяли контроль над городом в свои руки и король вынужден вывести войска, объявить амнистию и дать согласие на создание национальной гвардии. Польша тут же попыталась получить независимость от Прусского королевства. Это восстание жестоко подавили. А столкновения между полицией и рабочими в Берлине не утихали. В политической борьбе принял участие Карл Маркс, он стал редактором «Новой Рейнской газеты», выходившей в Кельне. Немцам казалось, что еще одно усилие и страна наконец будет объединена. Общегерманский парламент начал свою работу во Франкфурте-на-Майне в марте 1848 года, и Горчаков присутствовал на нем как наблюдатель от России. Но работа так и кончилась ничем. Конституцию не приняли, революционные выступления – подавлены, а общегерманский парламент разогнан. Тем не менее Вильгельм IV все же даровал Пруссии конституцию, что с точки зрения Николая стало публичным признанием слабости прусской монархии.

И наконец, тревожные известия стали приходить и из России.

В 1853 году Николай I потребовал от турецкого султана Абдул-Меджида передать под покровительство России всех православных подданных Османской империи, а также «ключи от храмов» в Вифлееме и Иерусалиме. Когда это предложение отклонили, русские войска перешли реку Прут и в июне 1853 года вторглись в Молдавию и Валахию. В ноябре 1853 года эскадра адмирала Нахимова разгромила турецкий флот в Синопской бухте. Турецкая армия была разбита и в Закавказье. Тогда, исполняя принятые ранее договоренности, Франция и Англия ввели свои корабли в Черное море, а в марте 1854 года объявили войну России. Это оказалось полной неожиданностью для Нессельроде, который считал, что эти три державы никогда не смогут объединиться – слишком велики противоречия между ними. Но оказалось – что общий враг – хороший повод забыть о старых распрях. Итогом многолетней дипломатической деятельности Нессельроде и Николая I оказалась изоляция России – ни одна из европейских стран не была готова оказывать ей поддержку.

Между тем в «маленьком мирке» князя Горчакова произошла своя маленькая трагедия: в 1853 году скончалась Мария Александровна. Александр Михайлович, ему было тогда уже 54 года, долго горевал о любимой женщине, ему казалось, что жизнь теперь кончена. Но именно в этот момент император Николай, который не мог больше доверять Нессельроде, хотя тот и оставался министром внутренних дел, вспомнил о Горчакове.

* * *

В 1854 году Горчаков назначается исполняющим обязанности посланника России в Вене. Спустя год его официально утвердили на этом посту. Позже он будет вспоминать: «В 1853–1854 году на Венском конгрессе за Россию говорил только я, ее слуга и представитель, против же нее были все».

Главная цель Горчакова удержать Австрию от вступления в войну на стороне Турции, а если удастся, то «переманить» австрийцев на свою сторону. Конечно, у Австрии были свои интересы в конфликте с Турцией, но сейчас империя сильно ослаблена восстаниями в Венгрии и Чехии. А Германский союз не собирается поддерживать Австрию в случае войны с Россией – недаром за прошедшие сто лет заключили столько браков между немецкими принцессами и русскими великими князьями и императорами, а также между русскими великими княжнами и немецкими принцами. Но министр иностранных дел Австрии

Карл Фердинанд фон Буоль-Шауенштейн настроен против России и может соблазниться выгодными предложениями Англии и Франции – те обещали отдать Австрии Молдавию и Валахию.

Австрийский император Франц-Иосиф, только что женившийся на баварской принцессе Елизавете, известной в домашнем кругу как Сисси, вовсе не горит желанием воевать с Россией. Более того: он опасается, что Россия поддержит «малогерманцев», ратующих за объединение протестантских германских княжеств вокруг Пруссии, и создание единой Германии без католической Австрии. Горчаков рассказывал, что во время их первой встречи император был весьма любезен, и Горчаков захотел убедиться в том, что эта вежливость не притворная, и что император готов идти на уступки.

«Вдруг меня осенила мысль наклонить колебания императора на нашу сторону.

– Государь, – сказал я. – Я в полном восторге от вашего приема и вашего внимания ко мне и как жаль, что не далее, как через два дня, я должен буду вас покинуть и возвратиться в отечество.

– Как так? – внезапно вскричал мой августейший собеседник.

– Да! Ваше величество, – (выдумывал я весьма смело). – Я имею положительное приказание, не медля ни единого часа, как скоро только один солдат перейдет границу и вступит в пределы Молдавии и Валахии, немедля выехать из Вены и прервать сношения нашего двора с правительством вашего величества. Мне же известно, что ваше величество послали уже свои повеления генералу К., дабы тот перешел границу.

Франц-Иосиф глубоко задумался и смущенный долго ходил по кабинету. Наконец подошел ко мне, положил обе руки на плечи и сказал: „Князь Горчаков, прежде, чем вы доедете до дому, генерал К. получит повеление от меня не переходить границу“.

Это «политическое кокетство» возымело действие, и тем не менее австрийские войска все же вошли в Валахию, оставленную русской армией, хотя и несколько позже – как известно, «свято место пусто не бывает».

Горчаков чувствует, что договор между Австрией, Францией, Англией и Турцией может быть подписан за его спиной. Он ждет, что Николай предпримет решительные шаги, которые покажут Францу-Иосифу, что Россия не хочет войны с Австрией и готова на уступки. Сам Александр Михайлович полагал, что новая война с Турцией России сейчас не нужна и честно написал об этом Николаю, но император уверен в своих решениях, даже перед лицом оппозиции всей Европы.

В то же время Александр Михайлович узнает, что Франция и

Англия готовы вести переговоры с Россией. На повестке дня стоят четыре пункта: «вопрос о проливах», отмена русского протектората над Моравией и Валахией и замена его на общеевропейскую гарантию, свобода для плавания судов по Дунаю и, наконец, принципиальная отмена права покровительства своим единоверцам, замена ее на коллективное покровительство всей Европы всем христианам на территории Османской империи. Но Николай с возмущением отвергает эти условия, несмотря даже на то, что его уговаривает согласиться король Пруссии Фридрих-Вильгельм.

Николай I не случайно любил разыгрывать рыцарские карусели[39] в Царском Селе. Возможно, где-то в глубине души он считал себе рыцарем без страха и упрека, каким был его отец – император Павел. Попытки Франца-Иосифа поладить одновременно и с французами и с русскими с точки зрения русского императора были низостью и подлостью. Попытки Фридриха-Вильгельма уговорить пойти на уступки – проявлением трусости.

Меж тем Англия и Франция, объявившие России войну еще в марте 1854 года, высаживают десант в районе Евпатории и направляются к Севастополю. 8 (20) сентября 1854 года русская и английская армия встречаются на реке Альме близь Бахчисарая. Все склоны покрыты любопытными местными жителями, дамы взяли с собой корзинки для пикников, кавалеры готовы открыть шампанское и выпить за победу русских войск. Но неожиданно столкновение заканчивается разгромом русских. Наши войска отступают на север, англичане и французы выходят к Севастополю.

Поражение русской армии сильно подорвало позиции Горчакова на переговорах, но стойкость Севастополя дает ему некоторую надежду на успех. Пруссия и города Германского союза вновь подтверждают, что в случае войны Австрии с Россией они поддержат Россию. Австрия хочет «выйти сухой из воды» и в переговорах вновь всплывают пресловутые «четыре пункта». Тут приходит весть о поражении русских войск под Инкерманом. И Николай сообщает Горчакову, что готов к переговорам. Горчаков отвечает ему, что по всей видимости переговоры и даже согласие императора на все «четыре пункта» сейчас ничего не дадут.

Из окна своего кабинета в Петергофе император мог видеть в подзорную трубу английский флот, крейсирующий в Финском заливе. Вероятно, от чувствовал себя, как зверь, загнанный в ловушку.

Австрия подписывает договор с Англией и Францией 2 декабря, Горчаков попытался провести переговоры с

представителями этих двух держав, но те использовали все возможные уловки, чтобы их сорвать. В конце марта 1855 года Александр Михайлович получил депешу от Нессельроде, что Николай отказывается обсуждать ограничение военно-морского присутствия России на Черном море. Следом из России приходит известие о смерти императора.

4

«Я оставляю тебе Россию не в лучшем положении», – с таким словами по легенде обратился Николай к сыну на смертном одре. Было ясно, что Россия проиграла войну и новому императору предстоит начать свое царствование с тяжелых и унизительных переговоров о мире. Мирный договор подписан в марте 1856 года в Париже. России запрещалось иметь военный флот и военные порты на Черном море, правда, Турция тоже была признана побежденной и тоже утратила право держать в Черном море военный флот. Но Турция, как впоследствии заметил Горчаков: «…сохраняла право содержать в Архипелаге и в проливах морские силы в неограниченном размере». Россия отдала Турции Кавказ и устье Дуная, но сохранила Крым и Севастополь. Покровительство над всеми христианскими подданными султана перешло к Европе, а с ним и право вмешательства в дела на Востоке. Стало ясно, кто на самом деле получил больше всего выгод от этой войны.

Одной из очевидных причин поражения России в войне стало технические превосходство английской армии, а значит снова, как и при Петре I, предстояло «догонять Европу». Александр II готовил то, что позже назовут великими реформами: отмену крепостного права, отмену 25-летней солдатчины, судебную реформу, земскую реформы и т. д. Он понимал, что при таком глобальном переустройстве Россия может временно потерять свою боеспособность, ему, как воздух, необходимы несколько мирных лет и прикрытие надежных союзников. Горчаков отказался подписывать Парижский трактат. Политического значения этот «демарш» не имел, все понимали, что трактат в любом случае будет подписан не тем, так другим человеком. Но, видимо, этот жест был важен для самого Александра Михайловича. Он оказался важным и для нового императора.

Граф Нессельроде вышел в отставку, и в апреле 1856 года министром иностранных дел назначен князь Горчаков, получивший звание канцлера. Вероятно, Александр II планировал такое назначение уже давно. Еще осенью 1854 года, при жизни Николая I, фрейлина великой княгини Марии Александровны, Анна Тютчева записала в дневнике: «Сегодня вечером великий князь прочел нам конфиденциальную корреспонденцию из Вены (вероятно от Горчакова), представляющую очень умный обзор политического положения России в настоящее время и оканчивающуюся словами: „Нельзя понять современный кризис, если не отдавать себе отчета в том, что из него неизбежно должен

вырасти новый мир“. „Это именно то, что я думаю, – добавил великий князь, – и что говорил с самого начала войны“». При встрече с новым императором Горчаков попросил его об амнистии декабристам. Вероятно, и сам Александр II уже задумывался над этим и просьбу удовлетворил – декабристам разрешили вернуться из Сибири.

Не лишенный тщеславия канцлер, рассказывал на склоне дней, что император делился с ним всеми своими проектами: «Не было дела, не было вопроса, о котором бы Государь Император не совещался со мной, – хвастался старик. – Уже перед коронацией, в 1856 году Государь изволил говорить со мной об освобождении крестьян и о разных других реформах. Я горячо поддерживал великие намерения Его Величества». Звучало это, вероятно, смешно и трогательно. Но только ли тщеславие руководило Горчаковым? Кажется в Александре II он увидал уже утраченный им однажды идеал правителя, тот, которому в итоге не смог соответствовать Александр I. И с тех пор Александр Михайлович считал службу новому государю делом чести. Ведь этот государь служил России, причем именно так, как полагал правильным Горчаков.

21 августа 1856 года Россия выпустила ноту, в которой заявила, что порывает со Священным союзом, не будет больше вмешиваться в европейские дела и сосредоточится на внутренних проблемах. В циркулярной депеше, содержание которой посольствам приказано довести до сведения иностранных правительств, были такие слова: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Они моментально стали крылатыми. Политики гадали чего в них больше: обещания или скрытой угрозы.

Александр II

Большинство же русских восприняли сдачу Севастополя, Парижский договор и последующую внешнюю политику России, как единую череду позорных поражений и громко недоумевали, как Бог и русские святые, а главное – русский царь, могли допустить подобное унижение. Но Горчаков чужд патриотической риторике, политику, которую он намеревался вести, он называл

«политика тихого голоса»: в Европе много стран и у каждой есть свои нужды и интересы, если сосредоточиться на них, почва для альянсов и пути решения обязательно найдутся.

* * *

В сентябре 1857 года королю Вюртенберга, тестю великой княгини Ольги, исполнилось 70 лет. Воспользовавшись удачным предлогом, он пригласил на празднование и Александра II, и Наполеона III. Правда, переговоры между двумя владыками ни к чему не привели, но они хотя бы смогли посидеть за одним столом. Спустя год Франция сама проявила инициативу: она собиралась вместе с Сардинией изгнать австрийцев из Италии, и ей был необходим авторитет России. Россия обещала соблюдать дружеский нейтралитет и сосредоточить у границы с Австрией несколько российских корпусов, чтобы сковать часть австрийских вооруженных сил на востоке. Анна Тютчева записывает в дневнике: «Когда государь говорит об Австрии, его лицо принимает прекрасное выражение ненависти, радующее сердце, это лучшая гарантия, что мы не впадем больше в глупую ошибку, так дорого стоившую России. Императрица рассказывала мне, что недавно на танцевальном вечере у Ольденбургских добрейший принц Петр[40] затеял с ней политический разговор с тем, чтобы доказать ей, что Австрия совершенно права и что не подобает быть заодно с теми, кто нападает на ее итальянские владения. На это государь сказал: „О, у нас здесь не мало трусов, которые думают так же и дрожат при мысли о войне и желают только одного, как можно скорее восстановить приятельские отношения с Австрией“. Это верно. Атмосфера полна Deutsche Stromungen[41], как их остроумно называет великая княгиня Елена Павловна. Барон Петр Мейендорф, мнение которого имеет большое значение при дворе, его жена, сестра графа Буоля, военный министр Сухозанет[42], министр Чевкин[43], Панин, Долгорукий – все они на стороне Австрии, все они твердят, что, владея Польшей, нельзя поддерживать права угнетенных народностей. Но Горчаков теперь держит себя превосходно».

Конечно, злорадство – это чувство, которое не должно быть знакомо дипломату, но, возможно, Горчаков все же испытал его в этот момент. Однако он понимал также, что чрезмерное усиление Франции не на руку России. Горчаков решает укрепить отношения с Пруссией, а в Россию приезжает новый посланник Прусского двора – молодой Отто фон Бисмарк. Он знаком с Горчаковым еще по франкфуртскому сейму и глубоко уважал

русского коллегу.

* * *

Позже противостояние Бисмарка и Горчакова писатель Валентин Пикуль назовет «Битвой железных канцлеров». Пока же молодой немецкий дипломат является почтительным учеником старшего коллеги. А Горчаков начинает говорить о том, что «сосредоточение» России окончено и она готова еще раз выступить гарантом мира в Европе. Он заявляет: «Это уже вопрос не об итальянских интересах, но об интересах общих, присущих всем правительствам; это вопрос, имеющий непосредственную связь с теми вечными законами, без которых ни порядок, ни мир, ни безопасность не могут существовать в Европе. Необходимость бороться с анархией не оправдывает сардинского правительства, потому что не следует идти заодно с революцией, чтобы воспользоваться ее наследством».

Но в январе 1861 года тяжело больной и практически лишившийся рассудка король Фридрих Вильгельм IV скончался, и его место занял бывший регент Вильгельм I, после чего Бисмарка перевели послом в Париж. В 1865 году он уже министр-президент и готов начать войну с Австрией. Предметом спора становятся многострадальные северные княжества – Шлизвиг и Голштиния, только что захваченные в войне с Данией, где Австрия и Пруссия были союзниками. Но все понимают, что речь идет не о них, а о господстве в Европе. По крайней мере, на тех ее территориях, где говорят по-немецки.

Россия в этой схватке оказывается союзницей Пруссии. Военные действия длились семь недель. Австрийцы понесли потери, в три раза превышающие потери пруссаков и в шесть раз – итальянцев. Италия получает Венецианскую область и делает еще один шаг к объединению. Пруссия получает Шлезвиг и Голштинию и заключает Северогерманский союз с немецкими княжествами. Рейнский союз, как политическое образование, прекращает свое существование.

В 1870 году Пруссия развязывает новую войну – на этот раз с Францией. За несколько недель прусские войска стерли с лица земли французскую армию и в начале следующего года пруссаки вошли в Париж, а Наполеон потерял корону. После этой победы Бисмарк вплотную занялся объединением Германии. Именно эту задачу он считал своей миссией и получил за это почтительное прозвище «кузнеца Германии». Россия снова сохраняет нейтралитет.

* * *

19 октября 1870 года Горчаков разослал странам, подписавшим Парижский договор, циркулярную депешу. Речь в ней шла о неизбежных нарушениях договора, которые уже произошли и неизбежно будут происходить. Причем нарушителем являлась отнюдь не Россия. «Неоднократно и под разными предлогами проход через проливы был открываем для иностранных военных судов и в Черное море были впускаемы целые эскадры, присутствие которых было посягательством против присвоенного этим водам полного нейтралитета.

Таким образом, при постепенном ослаблении предоставленных трактатом ручательств, в особенности же залога действительной нейтрализации Черного моря – изобретение броненосных судов, неизвестных и не имевшихся в виду при заключении трактата 1856 года, увеличивало для России опасности в случае войны, значительно усиливая уже весьма явное неравенство относительно морских сил.

В таком положении дел император должен поставить себе вопрос: какие права и какие обязанности проистекают для России из этих перемен в общем политическом положении и из этих отступлений от обязательств, которые Россия не переставала строго соблюдать, хотя они и проникнуты духом недоверия к ней?» В связи с этими нарушениями Александр II объявил, что «не может долее считать себя связанным обязательствами трактата 18-го/30-го марта 1856 года, насколько они ограничивают его верховные права в Черном море» и не требует его соблюдения от Турции.

Заявление было услышано, и Россия, которая обзавелась новыми могущественными союзниками, сумела настоять на своем, Лондонская конвенция 1871 года окончательно вернула России право на Черноморский флот.

Один из подчиненных и друзей Горчакова, дипломат и поэт Федор Иванович Тютчев написал по этому поводу:

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово – русского царя.

И все, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,

Пред честностью его державной
Все рушилось само собой.

И вот: свободная стихия, –
Сказал бы наш поэт родной, –
Шумишь ты, как во дни былые,
И катишь волны голубые,
И блещешь гордою красой!..

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

После подписания Лондонской конвенции Горчаков получил титул светлейший князь. Он знал, что этот титул заслужен.

5

В 1875 году заполыхали Балканы – начались восстания против турецкого ига в Боснии и Герцеговина, им на помощь пришли сербы и черногорцы. В апреле 1876 года вспыхнуло большое восстание в Болгарии. Осенью того же года Горчаков получил известие о восстании в Сербии и жестоком подавлении его турками. Он немедленно переслал это сообщение Александру, и тот созвал совещание в Ливадии. Если верить воспоминаниям канцлера, то именно он убедил императора не ограничиваться выражением сочувствия сербам и начать решительные действия, сказав: «Ваше Величество! Теперь не время слов, не время сожалений: наступил час дела». И предложил отправить телеграмму в Константинополь, в которой «повелевалось послу нашем немедленно объявить Оттоманской Порте решительную волю государя императора, что если турки не остановятся тотчас же в своем стремлении на Белград и не выступят из пределов Сербии, то посол наш в 24 часа должен оставить Константинополь». Угроза подействовала, «турки остановились и вышли из Сербии, Сербия была спасена», – с гордостью замечает Горчаков. И тут же пишет, что был противником войны с Турцией, что он считал необходимым провести конференцию в Берлине до, а не после начала войны, и добиться от европейских стран активного участия в защите христиан на Балканах. Но Анна Тютчева, тогда уже Аксакова, вспоминает, как сначала Россия скрывала свою заинтересованность в решении балканской проблемы. В те дни бывшая фрейлина записала в дневнике: «Вскоре мы получили весьма грустное письмо от Протича[44]. Он сообщал, что его пригласили к министру иностранных дел и князь Горчаков принял его как нельзя худо, заявив ему: „Сударь, вы приехали сюда, чтобы заключить соглашение о государственном займе. Я буду счастлив, ежели вы найдете в русском обществе людей, которые изъявят готовность предоставить вам этот заем, желаю вам всяческих успехов, но знайте, что русское правительство не даст вам ни копейки. Вы начинали войну в Сербии без нашего ведома, теперь выпутывайтесь как можете!“

Протич вышел от министра сильно сконфуженный. Тем не менее не прошло и недели, как мой муж и несколько других директоров частных банков Москвы были вызваны телеграммами в Москву на тайное совещание, где всем им было приказано открыто оплатить государственный заем Сербии, но на самом деле он тайно будет обеспечен государственным банком, который

тайно перечислит средства частным банкам, тем остается только публично осуществить предоставление займа.

С самого начала восточного кризиса наше правительство неизменно следовало двойственной линии поведения, публично выказывая перед лицом Европы, враждебной к благоприятному для славян решению вопроса, полное безразличие, почти враждебность по отношению к славянским народам, поднявшимся против бесчеловечного турецкого ига, но вместе с тем всеми мыслимыми тайными способами проводя традиционную историческую политику России на Востоке. На мой взгляд, такая политика, в коей отсутствуют достоинство и величие, не может привести к желанной цели. Нельзя обмануть Европу и обрести в ней верных друзей и союзников среди правительств, которым слишком хорошо известно, что Россия не может выступить против славянских интересов или даже просто остаться нейтральной, не отрекшись от себя самой, и которые не могут поверить в искренность наших отношений с Австрией и Англией, готовыми ради своих корыстных интересов задушить любые действия, направленные на обретение славянами свободы и независимости».

Весной 1877 года, на волне общего энтузиазма, Александр двинул русские войска на Балканы. Кроме кадровой армии с ними отправились пять тысяч добровольцев. Вся страна собирала деньги на оснащение русской армии, организацию полевых лазаретов, закупку оружия. Противостояние было героическим, но и кровопролитным. В русском языке появились слова «Плевна» и «Шипка», как имена нарицательные, символизирующие героизм русского солдата, в обществе восхищались благородным стремлением Александра избавить болгар и сербов от турецкого ига, но одновременно возмущались бездарным командованием брата царя великого князя Николая Николаевича и бессмысленной гибелью российских солдат при штурме той же Плевны или при обороне Шипкинского перевала. В русских городах появились памятники героям войны, но не было самого главного памятника, пресловутого «креста на святой Софии».

Русские войска остановились в предместьях Стамбула. Великий князь Николай Николаевич писал брату, высказывая «свое крайнее убеждение, что при настоящих обстоятельствах невозможно уже теперь остановиться и, ввиду отказа турками условий мира, необходимо идти до центра, т. е. до Царьграда, и там покончить предпринятое Государем святое дело». Через несколько дней он отправляет еще одно письмо: «Если не получу Твоего приказания остановиться, благословением Божиим, может быть, буду скоро в виду Царьграда!.. все в воле Божией». Военный

министр Д.А. Милютин записывает в эти дни в дневнике: «Подозреваю, что великий князь Николай Николаевич нарочно тянет переговоры, с той целью, чтобы продолжать продвигаться все вперед и иметь наслаждение вступить в Константинополь. Вчера я высказал эту мысль государю и по его приказанию отправил вчера же вечером телеграмму к великому князю с повелением ускорить заключение перемирия, коль скоро Порта действительно примет заявленные нами основания мира. Еще сегодня утром государь был очень озабочен тем, что замедление в переговорах подает новый повод к враждебным против нас толкованиям и недоверию. В Вене и Лондоне эксплуатируют это неловкое положение».

Александр не решился штурмовать Стамбул, опасаясь вновь, как уже было под Севастополем, столкнуться с оппозицией большей части Европы. Он получает известие о том, что Англия уже ввела свой флот в Мраморное море, и идет на подписание мирного договора 19 февраля 1878 года в Сан-Стефано. Турция признавала государственную независимость Румынии, Сербии и Черногории. Великий князь Николай Николаевич и император обменялись телеграммами, в которых поздравляли друг друга с заключением мира. Николай не забывает напомнить брату: «Господь сподобил Вас окончить предпринятое Вами великое святое дело: в день освобождения крестьян Вы освободили христиан из-под ига мусульманского». А Александр отвечает: «Лишь бы европейская конференция не испортила то, чего мы достигли нашей кровью».

Еще в начале 1876 года Александр II через Горчакова потребовал от Пруссии поддержки российской политики на Балканах. Теперь судьба российских завоеваний должна была решиться на Берлинском конгрессе, который начал свою работу 1 июня 1878 года. Бисмарк играет на нем ведущую роль.

Худшие опасения Александра сбылись. «Тихий голос» Горчакова потерял свою силу убеждения, Бисмарк действовал в интересах Пруссии, объединился с Британией и со вчерашним врагом – Австрией и одержал решительную победу: России пришлось примириться с потерей независимости Болгарии, в Боснию и Герцеговину введены австрийские войска, а Англия захватила Кипр. Но сохранили свою независимость, хотя и утратили часть территорий, Сербия, Черногория и Румыния, а Россия получила часть территории Кавказа. В очередной раз равновесие между европейскими державами было восстановлено, и в очередной раз – не надолго.

С российской стороны Берлинский трактат от 1 (13) июля 1878 года подписали князь А.М. Горчаков, граф П.А. Шувалов

(посол в Лондоне) и П.П. Убри (посол в Берлине). Но Горчаков был болен и большую часть переговоров вел Шувалов. Сам Александр Михайлович вспоминал об этом событии так: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере». И уверял, что когда он дал прочитать свои воспоминания императору, то Александр написал рядом с этой фразой: «И в моей тоже».

* * *

Далеко не все сторонники молодого императора были в восторге от старого дипломата.

«После Крымской войны, – писал предводитель славянофилов Иван Сергеевич Аксаков, – наступил в истории нашей дипломатии тот период ничтожества, позор которого не только не потонул в блеске наших достославных военных подвигов 1877 г., но, напротив, сумел затмить даже и этот блеск; период, который венчался Берлинским трактатом, этим срамным клеймом, выжженным на челе победоносной России, период, в котором только и есть одна блистательная страница – дипломатический отпор дипломатическому общему на нас походу Европы во время последнего польского мятежа, – но и этот отпор произведен был нашей дипломатией не самою по себе, а под натиском общественного мнения России».

Он подразумевал Польское восстание 1863–1864 года, когда Россия столкнулась с сопротивлением Англии, Австрии и Франции, поддержавших стремление поляков к независимости. Тогда, в апреле 1863 года, Горчакову удалось, используя «политику тихого голоса», убедить страны Европы, что такая «подножка» России будет не в их интересах. В начале 1864 года последние отряды восставших разгромили. Позже, уже в Баден-Бадене, доживая последние дни, Горчаков будет с убежденностью говорить, что «Россия по отношению к этому краю должна, разумеется, смотреть на него, как на свою необъемлемую часть. Раз борьба покончена мечом, раз история решила эту борьбу в пользу России – Польша не должна быть отделена от судьбы России, каждое восстание должно быть немедленно подавлено мечом. Но на России, на русском народе и на его правительстве лежит священная обязанность не вызывать этих восстаний, не давать повода к братоубийственной резне». И советовал помнить, что «по отношению к Польше, стране цивилизованной мы должны действовать вполне по-европейски. Гуманность должна руководить нашими действиями. Отсутствие произвола, честное

исполнение установленных законов, забота о развитии в крае просвещения, торговли и промышленности, вообще забота как о нравственном, так и о материальном благосостоянии народа в особенности должны отличать действия русского правительства в пределах польского народа и тем заменить ему отсутствие политических прав», но кажется обаяние «тихого» голоса Горчакова больше не действовало на тех, кто называл себя русскими патриотами.

Жена Аксакова, дочь Федора Ивановича Тютчева, бывшая фрейлина Марии Александровны, высказывалась еще резче: «Я очень боюсь, что недалек тот час, когда Государь и князь Горчаков поймут, что, несмотря или, скорее, вследствие их двойственной политики, они оказались увлеченными на совершенно ложный путь и нарушили честь России, не выиграв ничего положительного для нее», а летом 1878 года: «…судьба преимуществ, с таким трудом завоеванных ценой кровавых жертв и беспримерных побед; она должна отдавать себе отчет в том, что все ее столь серьезные интересы переданы в руки старика, князя Горчакова, наполовину впавшего в детство, для которого его общеизвестное тщеславие всегда стояло выше серьезных соображений и патриотических чувств».

Росло и недовольство Александром. На его жизнь покушались насколько раз: в апреле 1866 года у ворот Летнего сада в него стрелял Дмитрий Каракозов. Легенда говорит, что император спросил у схваченного Каракозова: «Ты поляк?» А тот ответил: «Нет, я русский», и добавил: «Государь, вы обидели крестьян». В 1867 году, во время визита во Францию, когда Александр ехал по Парижу в карете вместе с Наполеоном III некто Антон Березовский несколько раз выстрелил из толпы по карете. Наполеон меланхолично заметил: «Если это был итальянец, значит покушались на меня, если поляк – на вас». Березовский оказался поляком и заявил на следствии: «Я сознаюсь, что выстрелил сегодня в императора, во время его возвращения со смотра, две недели тому назад у меня родилась мысль о цареубийстве, впрочем, вернее, я питал эту мысль с тех пор, как начал себя сознавать, имея в виду освобождение моей родины». В 1879 году на Александра объявили охоту народовольцы. Они обвиняли его в том, что он не выполнил своих обещаний, провел половинчатые реформы и предал доверие крестьян. После трех неудачных попыток в марте 1881 года Александр убит на Екатерининском канале. В тот день государь проводил войсковой развод в Михайловском манеже, а потом, как всегда в таких случаях, заехал выпить чаю в Михайловском дворце. Говорили, что 1 марта 1881 года, отправляясь в свой последний путь из

Михайловского дворца в Зимний, Александр сказал своему младшему брату – великому князю Михаилу Николаевичу и его жене – великой княгине Екатерине Михайловне: «Я не скрываю от тебя, что мы идем к конституции!»

Неизвестно, считал ли Горчаков, что в ненависти к Александру II есть отчасти его вина, что какие-то из многочисленных решений, принятых им на международной арене, могли привести к общему разочарованию России в своем государе. Всю жизнь он старался защитить одновременно монархию и идеи либерализма, не находя здесь никакого противоречия. Не было ли это ошибкой, не пытался ли он усидеть одновременно на двух стульях? Николаю I, одному из символов русского абсолютизма, приписывают слова, что он «понимает что такое республика, и сам бы не отказался пожить в ней, но он не понимает, что такое конституционная монархия, что это уродливый и нежизнеспособный гибрид». Был ли он прав? Но в любом случае канцлер чувствовал, что сделал уже все, что мог, стараясь сохранить мир в Европе и поддержать престиж в России, теперь пришла очередь других принимать тяжелые и непопулярные решения. После Берлинского конгресса Горчаков фактически отошел от дел, а в марте 1882 года официально ушел с поста министра.

Теперь он много времени проводил за границей, лечился на немецких курортах и, возможно, вспоминал строки Пушкина:

Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему…
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой…

Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

Именно Горчакову было суждено пережить всех товарищей первого выпуска лицея.

27 февраля [11 марта] 1883 года он скончался в Баден-

Бадене. Его тело перевезли в Петербург и похоронили в фамильном склепе на кладбище Сергиевой Приморской пустыни. После смерти Горчакова ранг канцлера больше никто не получал.

Глава 9. Константин Петрович Победоносцев

1

Возможно, самой «петербургской» поэмой в русской литературе был и останется «Медный всадник», там есть все: бедный, но благородный герой (что подчеркивает его имя «Евгений»), большая любовь и большая (очень петербургская) беда – наводнение, и памятник основателю Петербурга – «кумир с простертою рукою», «державец полумира», «строитель чудотворный», он же «горделивый истукан», символ российской государственности, или просто «он», «тот»,

Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался…
Ужасен он в окрестной мгле!

Пушкин создал такой впечатляющий образ, что памятник Петру I на Сенатской площади до сих пор называют Медным всадником, хотя он не медный, а бронзовый.

Этот образ так ярок и точен, что породил множество подражания. Уже в XX веке Валерий Брюсов писал:

Попирая, в гордости победной,
Ярость змея, сжатого дугой,
По граниту скачет Всадник Медный,
С царственно протянутой рукой;

А другой, с торжественным обличьем,
Строгое спокойствие храня,
Упоенный силой и величьем,
Правит скоком сдержанным коня;

Третий, на коне тяжелоступном,
В землю втиснувшем упор копыт,
В полусне, волненью недоступном,
Недвижимо, сжав узду, стоит.

Исступленно скачет Всадник Медный;
Непоспешно едет конь другой;
И сурово, с мощностью наследной,
Третий конник стынет над толпой, –

Три кумира в городе туманов,
Три владыки в безрассветной мгле,
Где строенья, станом великанов,
Разместились тесно по земле.

«Другой» – это памятник Николаю I на Исаакиевской площади. Его пьедестал украшают четыре аллегорические женские фигуры работы Р.К. Залемана, олицетворяющие «Силу», «Мудрость», «Правосудие» и «Веру» и барельефами с важнейшими деяниями этого государя: подавление восстания декабристов, подавление холерного бунта в 1831 году, награждение М.М. Сперанского за собрание и издание в 1832 году «Свода законов Российской Империи» и открытие первой в России железной дороги.

Памятник находится в непосредственной близости от Медного всадника, их разделяет только Исаакиевский собор. Поэтому очень быстро родилась такая загадка-частушка:

Дурак умного догоняет,
Да ему Исаакий мешает.

Медный всадник. Современное фото

Памятник Николаю I. Современное фото

«Третий всадник» – это памятник Александру III, созданный в 1899–1909 годах по проекту Паоло Трубецкого. Если Медный всадник вызывает восхищение, иногда смешанное с ужасом, памятник Николаю I – почтение, то реакцию на памятник Трубецкого, если использовать самые мягкие выражения, можно описать словом: «недоумение».

Сергей Юльевич Витте, которому, по его собственному признанию, и принадлежала идея установить памятник, вспоминал: «На меня произвел этот памятник угнетающее впечатление, до такой степени он был уродлив… памятник этот при открытии заслужил общее хуление. Все большей частью критиковали этот памятник… большинство критиковало потому, что этот памятник вообще имеет в себе нечто несуразное… Но прошло некоторое время и теперь с этим памятником более или менее примирились, а некоторые даже находят выдающимся в художественном отношении. Так, известный художник Репин уверяет, что этот памятник представляет собою выдающееся художественное произведение. Мне приходилось последнее время встречать людей, которые сначала критиковали этот памятник, а теперь находят в нем некоторые черты высокого художества».

Критика касалась не только и не столько мастерства скульптора. В монументе Александру III, как и в «Медном всаднике», также был символ государственности, но символ карикатурный и давно дискредитировавшей себя. По городу

ходила легенда, что сам Паоло Трубецкой сказал о своем творении: «Политикой не занимаюсь. Просто изобразил одно животное на другом», – и конечно, это высказывание «прочитывалось» именно как политическое заявление. Про этот памятник, как и про памятник Николаю I, тоже сложили частушку, не менее язвительную:

Стоит комод,
На комоде бегемот,
На бегемоте обормот,
На обормоте шапка,
На шапке крест,
Кто угадает,
Того под арест.

Были и отзывы от собратьев художников, но они касались в первую очередь не мастерства Трубецкого. Рассказывали, что Илья Ефимович Репин присутствовал на торжественном открытии этого памятника и в ту минуту, как увидел его, закричал: «Верно! Верно! Толстозадый солдафон! Тут он весь, тут и все его царствование!»

Александр Бенуа объяснял: «Художник противопоставил свою дерзкую мысль воле заказчика-государя и вынес столь жестокий приговор царю-миротворцу („автору договоров с союзниками“), что заказчика с самого открытия памятника не покидала мысль отправить его в ссылку в Сибирь, подальше от своих оскорбленных сыновьих глаз… Мощь обусловлена не просто удачей мастера, но глубоким проникновением художника в задачу. Александр III на Знаменской площади не просто памятник какому-то монарху, а памятник, характерный для монархии, обреченной на гибель. Это уже не легендарный государь-герой, не всадник, мчащийся к простору, а это всадник, который всей своей тяжестью давит своего коня, который пригнул его шею так, что конь ничего более не видит…».

Борис Кустодиев писал жене: «Видел вчера вечером памятник Александру III. Очень смешной и нелепый, лошадь совсем без хвоста, с раскрытым ртом, как будто страшно кричит, упирается и не хочет идти дальше, а он сам нелеп и неуклюж, особенно комичное впечатление сзади! Спина как женская грудь и лошадиный зад без хвоста. Кругом масса народа, очень меткие и иронические замечания делают»…

Памятник Александру III. Современное фото

И наконец философ серебряного века Василий Розанов, написал об этом памятнике целое эссе. Он так описывает свои впечатления от проекта памятка: «Это замечательно, это замечательно! Тут все мы, вся наша Русь от 1881 до 1894 года, – чаяния, неуклюжие идеалы, „тпрр-у“, „стой“ политики и

публицистики, в которой и я так старался, бывало… Да и все мы, сколько нас!!. Боже, до чего это верно! До чего это точно! Тут и Грингмут, и М.П. Соловьев, главноуправляющий по делам печати, и Л.А. Тихомиров, и субсидируемое старообрядцем Морозовым „Русское Обозрение“, которого никто не читал, оно давало только убытки. Сколько пота… И вот – 1902 год, и только теперь, оглянувшись, видишь, как все это было…

…было похоже на этот памятник?

Я не знаю что, как, но я сам с величайшими усилиями тянул „гуж“ в эти годы, и вот, взглянув на это, на эту бесхвостую лошадь – непременно бесхвостую! – и плачу, и негодую, и смеюсь каким-то живым смехом, «от пупика»… Потому что все это – правда, в этом коне, всаднике, монументе!.. Изумительно!».

Здесь нужно еще отметить, что по мысли инициатора Сергея Юльевича Витте, памятник должен стать не карикатурой, а данью уважения Александру III. Он пишет: «По смерти Императора Александра III, в виду моего чувства поклонения его памяти, я сейчас же возбудил вопрос о сооружении ему памятника, зная, что если это не будет сделано, покуда я нахожусь у власти, то это затем не будет сделано в течение многих десятков лет». И замечает: «Отчасти эта критика была связана с тем, что памятник Императору Александру III, Императору весьма реакционному, был так скоро открыт благодаря моему содействию, моей энергии, в то время, когда памятник Александру II в то время и до настоящего времени отсутствует. Затем в некоторых слоях общества этот памятник критиковали в виду моего участия в этом деле, а большинство критиковало потому, что этот памятник вообще имеет в себе нечто несуразное».

Так кем же был этот человек, который вызывал ненависть в прогрессивной Российской интеллигенции и к которому Витте испытывал, по его собственным словам, «чувство поклонения»?

* * *

Александр стал наследником престола в 1865 году, когда от чахотки скончался его старший брат 22-летний Николай. Александру тогда исполнилось двадцать лет, и он влюблен во фрейлину своей матери, княжну Марию Мещерскую. Почти сразу же после провозглашения Александра наследником встал вопрос о его женитьбе. На семейном совете было решено, что Александр должен посвататься к невесте своего покойного старшего брата – принцессе из Дании Марии Софие Фредерике Дагмар.

Решение это далось великому князю трудно, но сыновняя

почтительность и братская привязанность победили все сомнения: Александр не мог подвести семью. В дневнике он пишет: «Я чувствую, что могу и даже очень полюбить милую Минни, тем более что она так нам дорога. Даст Бог, чтобы все устроилось, как я желаю. Решительно не знаю, что скажет на все это милая Минни; я не знаю её чувства ко мне, и это меня очень мучает. Я уверен, что мы можем быть так счастливы вместе. Я усердно молюсь Богу, чтобы Он благословил меня и устроил мое счастье».

В 1881 году, когда он вступил на престол, ему уже 37 лет и у него и Марии Федоровны (такое имя приняла Дагмар при крещении в православие) было четверо детей, старшему из которых, будущему императору Николаю едва исполнилось 13 лет. Как и Александру I, Александру III пришлось занять престол после гибели своего предшественника.

«Страшным было его вступление на царство, – писал его учитель и друг Победоносцев. – Он воссел на престол отцов своих орошенный слезами, поникнув головой, посреди ужаса народного, посреди шипения кипящей злобы и крамолы. Но тихий свет, горевший в душе его, со смиреньем, с покорностью воле Промысла и долгу, рассеял скопившиеся туманы, и он воспрянул оживить надежды народа. Когда являлся он народу, редко слышалась речь его, но взоры были красноречивее речей, ибо привлекали к себе душу народную; в них сказывалась сама тихая, и глубокая, и ласковая народная душа, и в голосе его звучали сладостные и ободряющие сочувствия. Не видели его господственного величия в делах победы и военной славы, но видели и чувствовали, как отзывается в душе его всякое горе человеческое и всякая нужда и как болит она и отвращается от крови, вражды, лжи и насилия. Таков сам собою вырос образ его пред народом, пред всею Европой и пред целым светом, привлекая к нему сердца и безмолвно проповедуя всюду благословение мира и правды».

Но у нового императора нет времени для скорби, ему нужно принимать решения. Он приказывает армии контролировать вместе с полицией порядок в столице, перевозит семью в Гатчинский дворец, поручает Отдельному корпусу жандармов провести расследование и в кратчайшие сроки предать суду убийц Александра II. Суд начинается 26 марта, менее чем через месяц после взрывов на Екатерининском канале.

Но еще до этого Александру III пришлось решать важнейший вопрос, который не решил его отец – вопрос о введении в стране конституции, проект которой разработал по поручению Александра II министр внутренних дел граф Михаил Тариэлович

Лорис-Меликов. Она предусматривала разовый созыв представительного органа с законосовещательными правами, по сути – еще одной «Уложенной комиссии». Право законодательной инициативы, как и в проекте Сперанского, сохранялось за монархом. 1 марта перед тем, как ехать в Михайловский манеж, император сообщил Лорис-Меликову, что через четыре дня проект будет вынесен на обсуждение Совета министров.

М. Т. Лорис-Меликов

Елизавета Алексеевна Нарышкина гофмейстерина двора, вспоминает:

«Атмосфера для всех была тяжелая, все говорили о страхах и опасностях. По настоянию Баранова царская чета лишала себя иногда присутствия на панихидах в Петропавловский крепости, собиравших весь двор, все общество и всех иностранных дипломатов и иностранных принцев, командируемых своими державами. Это производило удручающее впечатление. Разговоры не умолкали со всей страстностью напряженного состояниея ума. Спрашивалось, какое направление принять правительству нового царствования? Не остановится ли вовсе течение, избранное покойным государем или наступит реакция? На первом Совете министров 8 марта Лорис-Меликов представил свой проект с одобрительной подписью государя Александра II. Это знаменательное заседание хорошо известно; некоторые периодические издания, пользуясь официальными документами, воспроизвели его дословно и с большей точностью, чем я могла бы сделать. Министр военный Дмитрий Александрович Милютин и финансов Александр Агеевич Абаза защищали программу Лориса, Победоносцев говорил последний. В пламенной речи, весь бледный и потрясенный негодованием и скорбью, он начал с того, что программа эта есть начало конституции и что осуществление ее будет распадом России, что придется тогда сказать: „Finis Russie!“, – и окончил свою речь красноречивым указанием на Петропавловскую крепость, видимую из окон, со словами, что теперь, когда в этом храме лежит еще не погребенное тело царя-мученика, убитого революционной партией, не время усилить ее течение новыми законами, в ее духе. Эта речь произвела громадное впечатление. Государь остался в раздумии и отложил всякое решение. Идея Победоносцева совпала с его личным чувством».

В самом деле раздумье государя было непродолжительным. Александр немедленно отправляет Лорис-Меликова в отставку и пишет на его докладе: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным меньшинством».

Но через год, в мае 1882 года, новый министр внутренних дел Н.П. Игнатьев вернулся к идее создания представительного органа, на этот раз в виде реанимированного земского собора. В составлении этого проекта принимал участие уже знакомый нам Иван Сергеевич Аксаков. Победоносцев снова возражал, и проект снова не приняли, а его авторы потеряли свои должности. Через два года Победоносцев писал императору о самой идее конституционного правления: «Ныне оно уже дискредитировано всюду, но всюду ложь эта въелась, и народы, уже не в силах от

нее освободиться, идет навстречу судьбе своей… Как же безумны, как же ослеплены были те, quasi-государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию, и вывести правительство из смуты и крамолы, посредством учреждения какой-то палаты представителей! Как лекарство от болезни, состоящей в расслаблении власти. Как были легкомысленны те, которые были готовы уступить им и принять сочиненный рецепт. Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его. Последующая фантазия графа Игнатьева была еще нелепее, хотя под прикрытием благовидной формы земского собора. Что сталось бы, какая вышла бы смута, когда бы собрались в Москве, для обсуждения неведомо чего, расписанные им представители народов и инородцев империи, объединяющей вселенную, наполненной пустынями империи, в коей иной приход Якутской области (1.100 верст длиной), или уезд сибирской может вместить пространство целой Франции. Кому была бы от этого радость и победа, так это полякам, которые, несомненно стоят, скрытые, в центре всякого так называемого конституционного движения в России.

Тут было бы для них полное поле деятельности, вольная игра – и гибель России… Это – самая страшная опасность, которую я предвижу для моего отечества и для вашего величества лично. Доколе жив, не оставлю сей веры, не перестану твердить то же самое и предупреждать об опасности. Болит мой душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда еще подозрительно на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих, но когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с убеждением, что ваше величество стоите твердо на страже истины и не опустите того знамени единой власти, в котором единственный залог правды для России. Вот где правда, а тем – ложь, роковая ложь для судеб России».

Очень скоро имя Победоносцева стало символом реакционного правления Александра III. Наверно, многие из вас помнят строки Александра Блока:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи

А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;

Апологеты Победоносцева полагают, что возможно в этих строках скрыта похвала обер-прокурору Синода, так как сова является символом мудрости. Но окончание этой строфы не оставляет сомнений в том, каково было отношение Блока к Победоносцеву:

Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, –
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти…
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный…
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан… Но –
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

К слову, не у одного Блока Победоносцев ассоциировался с совой. На зарисовке Репина к картине «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения», рядом с наброском Константина Петровича в круглых роговых очках написано: «Так совсем Сова, удлинить очки». Блок задумал свою поэму только в 1910 году, так что о ее влиянии на восприятие Репина говорить не приходится. Видимо, Репин действительно изменил форму очков, как и собирался, но Победоносцев на картине подслеповато щурится, и все равно напоминает сову. Кем же был этот «колдун», обнявший своими «совиными крылами» всю Россию?

2

О человеке могут многое рассказать воспоминания людей, знавших его в детстве, знавших его родителей, бывавших у них дома «запросто», видевших в каких условиях он рос, каким было его детское прозвище, его характер, какие забавные истории с ним происходили. Ничего этого о Победоносцеве мы не знаем. Все, чем мы располагаем из рассказов о его детских годах – строки из его собственного письма Николаю II, в которых он повествует о своей биографии весьма формально, и, я бы сказала, «житийно». Это, конечно, не детство будущего святого, наполненное чудесами и предзнаменованиями, но детство будущего патриота и идеального государственного чиновника, с юных лет получившего надлежащее воспитание и твердые моральные устои. Вот что пишет Победоносцев: «Родился я в Москве в семье профессора Моск. университета. У отца моего было 11 человек детей, кои все устроены трудами отца. Воспитан в семье благочестивой, преданной царю и отечеству, трудолюбивой. Меня, последнего сына, отец свез в Петербург и успел определить в 1841 году в училище правоведения. Я кончил курс в 1846 году и поселился в родном доме в Москве, на службе в Сенате. По природе нисколько не честолюбивый, я ничего не искал, никуда не просился, довольный тем, что у меня было, и своей работой, преданный умственным интересам, не искал никакой карьеры и всю жизнь не просился ни на какое место, но не отказывался, когда был в силах, ни от какой работы и ни от какого служебного поручения». Собственно вот и все сведения о детстве и юности Константина Петровича. Наверное, такую автобиографию мог бы написать Молчалин, с его «умеренностью и аккуратностью», доведись ему сделать блистательную карьеру и переписываться с Государем Императором.

В 1859 году Победоносцев защитил магистерскую диссертацию «К реформе гражданского судопроизводства» и был избран профессором юридического факультета Московского университета по кафедре гражданского права. В том же году он публикует памфлет «Граф В.П. Панин. Министр юстиции», который выходит в Лондоне VII книжкой «Голосов из России» в… типографии А.И. Герцена. В этом произведении он призывает правительство вернуться к истинному пониманию своей задачи – как служении России и ее народу. «Идея о патриотизме, которую покойный государь открыто стремился превратить в понятие о службе правительству, как будто вовсе исчезла из сознания наших правителей от мала до велика; служба государственная

почти повсеместно – сделалась службою – лицу Начальника, или службою маммону». И высказывает идею, которая позже станет одной из его «любимых», о самодержавии, как самом естественном пути, если не для всего мира, то точно – для России. Самодержавие – это утраченный идеал, к которому необходимо вернуться. «Императорская власть, при нынешнем развитии Министерской, сделалась мифом, не имеющим существенного значения. Государь вверяет власть свою Министрам, все, что знает, знает от них и покрывает все их действия своим именем! Не так бывало прежде, при Петре, при Екатерине, – но преемники их к несчастию пожертвовали отвлеченной пустой идее власти всем существом ее…»

Молодой правовед также публикует несколько статей в «Вестнике» и о нем заговорили, его имя стало на слуху в двух столицах и в 1859 году его приглашают преподавать основы права цесаревичу Николаю Александровичу, которому было тогда 16 лет. Он сопровождает Николая в его традиционной образовательной поездке по России, и пишет об этом книгу, которая, разумеется, вызывает жгучий интерес в обществе. Все восхищаются слогом Победоносцева. Как и Сперанский, он обладает даром оказывать влияние на своих читателей, «заражать» их своей логикой, когда они невольно следуют за плавным течением его мысли и приходят в итоге к тем выводам, к которым хотел привести их автор. Один из современников писал о сочинениях Константина Петровича: «Он обладает удивительным искусством писать какими-то несомненными словами, с какой-то механической точностью выражающими свое содержание. Даже в минуты одушевления в его речи слышна металлическая, звонкая точность: его слова не отстают от мыслей, не обгоняют их; ни намеков, ни поэтической недосказанности в них нет» и далее сравнивает стиль Победоносцева с писаниями отцов церкви. Возможно, еще в годы преподавания, у Константина Петровича выработалась привычка даже в частных письмах повторять свою мысль по нескольку раз, разными словами, чтобы собеседники лучше уяснили и запомнили ее. Вы без труда обнаружите этот прием в приведенных ниже письмах Победоносцева наследнику, а потом и императору Александру Александровичу.

К.П. Победоносцев

* * *

Когда же Николай умер, «новый цесаревич, слышав обо мне доброе от покойного брата, пожелал меня иметь при себе для преподавания. Я не мог уклониться и переехал в Петербург в 1866 году на жительство и на службу. Тут довелось мне последовательно вести занятия и с в. кн. Владимиром, и с цесаревной Марией Федоровной, и с в. кн. Сергием, и даже с в. кн. Николаем Константиновичем. Я стал известен в правящих

кругах, обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый на своем деле!»

В самом деле, очень скоро в свете Победоносцева прозвали «нимфой Эгерией Аничкова дворца». Аничков дворец резиденция наследника и его семьи, а нимфа Эгерия – персонаж из римской мифологии, полубогиня, дававшая мудрые советы второму римскому царю Нуме Помпилию. Что же он ему советует?

Например, быть в Москве, в ноябре 1867 года на похоронах митрополита Филарета – личности весьма незаурядной, одного из крупнейших богословов своего времени, которого Аракчеев подозревал в тайной приверженности протестантизму, и с которым Пушкин как-то вступил в стихотворно-богословский диалог. Несомненно, вместе с Филаретом уходила целая эпоха, и Константин Петрович считал, что наследник должен проводить его в последний пуст.

Победоносцев пишет: «Простите, ваше высочество, что, не будучи призван, беру на себя обратиться к вам с своим усерднейшим представлением. Ради бога, если есть какая-нибудь возможность, приезжайте в Москву на похороны митрополита Филарета, время еще есть, – похороны будут не ранее воскресенья. Нынешняя минута очень важна для России, для народа. Весь народ считает погребение Филарета делом всенародным: он жаждет и ждет приезда в Москву государя. Его величеству нельзя приехать, – народ будет спрашивать: отчего? Лучшим ответом на этот вопрос, лучшим удовлетворением народных желаний было бы присутствие вашего высочества. Оно засвидетельствовало бы пред всеми полноту участия, принимаемаго царским семейством в народной и государственной утрате, и заставило бы сердце народное забиться еще сильнее любовью к государю и к вам. Я думаю, все верные слуги государевы думают, что в такие исторические минуты, если народ жаждет видеть посреди себя самого государя, и государь приехать не может, – благо наследнику, который явится представителем своего государя и родителя. Вас любят в лице государя и его любят в лице вашем – вы неразрывны. Ради бога, Вашу высочество, не поставьте мне в виду эти слова, внушаемые сердцем, горячо преданным государю, Вам и России, русским сердцем, приезжайте, если можете».

Митрополит Филарет

Он рассказывает Александру о своих спорах с Лорис-Меликовым относительно законов о печати, и сетует: «Мало кто разделяет мои мысли, – по крайней мере никто не высказывает своего согласия. Но я не уступлю своего мнения никому в таком важном предмете. Я думаю, что правительство не должно выпускать из своих рук надзор за печатью, не должно снимать с себя бремя этой ответственности. Сложить его на суд – значит снять с печати всякую узду; и тут будет великий вред для государства и для народа. Думаю, что правительство, которое знает, на чем оно стоит и чего оно хочет, не может признать печать какою-то силою, независимо от него действующею. Впрочем, все считают меня за старовера. В следующее заседание

хотят пригласить и редакторов некоторых газет и журналов. По моему мнению, не следовало бы делать это, но так решили».

А впрочем, Победоносцев в 1880 году принял участие в работе комиссии, занимавшейся расследованием так называемых «административных ссылок» – отправки без суда в отдаленные губернии или в Сибирь. Такая мера применялась по распоряжению Александра II для подавления студенческих волнений. В этой комиссии Победоносцев работал бок о бок с Лорисом-Меликовым. Историк и публицист Борис Николаевич Чичерин вспоминает, что Константин Петрович рассказывал ему, как «они приходили в ужас от тех вопиющих беззаконий, которые тут раскрылись. Относительно многих молодых людей, сосланных в отделенные губернии или в Сибирь, не могли даже добиться сведений, за что они были подвергнуты такому жестокому наказанию. Во многих других случаях повод был самый ничтожный и подозрение не доказанное. Жандармское управление, которое было тут главным деятелем, по-видимому, поступало совершенно наобум. Многие невиновные были возвращены, что, без сомнения должно быть отмечено, как большая заслуга, Лорис-Меликова», но также и Победоносцева. Видимо, Константин Петрович не считал, что «в борьбе все средства хороши».

Параллельно с обучением великого князя он занимал ряд государственных должностей: в 1865 году он назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 году – сенатором; в 1872 году – членом Государственного совета. С апреля 1880 года он исполнял должность обер-прокурора Святейшего Синода; а с 28 октября того же года стал членом Комитета министров.

3

Но вот наступил 1881 год. Тело Александра II, царя-освободителя, лежит в Петропавловском соборе, а его второй сын и ученик Победоносцева взошел на трон. В первые же часы после покушения Константин Петрович отправляет Александру записку, в которой спешит направить его на нужный путь. Он пишет, что Александр оказался на троне не иначе, как по божьей воле: «Думая об Вас в эти минуты, что кровав порог, через который Богу угодно провести Вас в новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещет за Вас страхом неизвестного грядущего по Вас и по России, страхом великого несказанного бремени, которое на Вас положено. Любя Вас, как человека, хотелось бы, как человека, спасти Вас от тяготы в привольную жизнь; но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил Бог. Его была святая воля, чтобы Вы для этой цели родились на свет и чтобы брат Ваш возлюбленный, отходя к Нему, указал Вам на земле свое место. Народ верит в эту волю Божию, – и по Его велению возносит надежду свою на Вас и на крепкую власть, Богом врученную Вам. Да благословит Вас Бог. Да ободрит Вас молитва народная, а вера народная да даст Вам силу и разум править крепкою рукою и твердой волей. Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет, и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чем ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее. Простите, что в эти скорбные часы прихожу к Вам со своим словом: ради Бога в эти первые дни царствования, которые будут иметь для Вас решительное значение, не упускайте ни одного случая заявлять свою личную решительную волю, прямо от Вас исходящую, чтобы все слышали и знали: „Я так хочу“, или „я не хочу этого“».

Александр III

И тут же объясняет, почему он дает именно такой совет: «Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было уже у меня несколько простых людей, которые все говорят со страхом и ужасом о Мраморном Дворце. Мысль эта вкоренилась в народ». Мраморный дворец на набережной Невы, официальная резиденция великого князя Константина Николаевича, одного из организаторов крестьянской реформы, единомышленника Александра II. Правда, в 1881 году великий князь уже редко бывает в Мраморном дворце, он расстался со своей женой и поселился у любовницы, но он остается сторонником конституционного проекта, и несомненно, выступит против того курса, на который хотел бы направить Александра

Победоносцев. В продолжении письма Константин Петрович снова указывает на возможную оппозицию: «В. кн. Владимир Александрович заметил, что все бывшее доныне разногласие происходит лишь от недоразумений, но я боюсь, что эти недоразумения глубже, чем кажется, и должны обнаружиться всякий раз, когда придется не говорить только речи, а приступать к действиям и к распоряжениям. Нетрудно рассуждать, причем для избежания разногласий сглаживаются фразы, резкие оттенки взглядов и мнений; но когда надобно приступать к действию решительному, тут обнаруживается рознь и сила действия парализуется».

Константин Николаевич

Владимир Александрович – младший брат Александра, очень им любимый, в будущем он станет верным помощником нового императора. Но его жена – великая княгиня Мария Павловна, женщина с сильным характером, при венчании отказалась переходить в православие и осталась лютеранкой, поэтому Александр недолюбливает ее и подозревает в «немецких симпатиях». Одним словом, все окружение нового императора кажется Победоносцеву ненадежным и он просит Александра быть настороже.

* * *

Через несколько дней он снова обращается к Александру с письмом. На этот раз его беспокоит слух о том, что убийцы Александра II могут избежать смертной казни. Поначалу сам покойный император помиловал покушавшихся на него и их приговорили к каторжным работам. Только Александра Соловьева, стрелявшего в императора, повесили. Теперь же Победоносцев предостерегает Александра Александровича от повторения ошибок его отца, вновь аппелируя к «воле русского народа»: «Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр. Строгонова, который приехал ко мне сегодня в волнении. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет – этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше Величество, – да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности».

И действительно, убийц Александра II – Желябова, Перовскую, Кибальчич, Михайлова, и Рысакова повесили на плацу

Семеновского полка. Лишь одна из непосредственных участниц заговора Геся Гельфман получила отсрочку, так как была беременна. Позже смертную казнь для нее заменили на вечную каторгу, но Геся и ее ребенок умерли во время родов. Остальные члены «Народной воли» приговорены к длительным срокам каторжных работ.

Так Константин Петрович с первых дней пытался взять нового императора под свой контроль. Впрочем, тот и не возражал. Он полностью разделял идеалы и идеи своего учителя. Вполне логично, что Победоносцев стал автором Высочайшего манифеста от 29 апреля 1881 года, провозглашавшего незыблемость самодержавия – ответа на «конституционный проект» Лорис-Меликова.

В своей речи на Совете министров Победоносцев обрушивался на «говорильню», которую по его мысли неизбежно будет представлять собой парламент. По его мнению манифест является по сути набором красивых слов, обращающийся не к разуму, а к эмоциям слушателей. Он много раз упоминает о трагической гибели Александра II, о том, что покойный император «прияв от Бога Самодержавную власть на благо вверенаго Ему народа, пребыл верен до смерти принятому Им обету и кровию запечатлел великое Свое служение».

Теперь новый император призывает свою страну объединиться, под его рукой и защитить веру и нравственность. «Посвящая Себя великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ея, Возлюбленным Нашим Родителем».

4 мая 1881 года Победоносцев писал императору: «В среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением: не мог и я ожидать такого безумного ослепления. Зато все здравые и простые люди несказанно радуются. В Москве ликование, – вчера там читали его в соборах и было благодарственное молебствие с торжеством».

* * *

Но Победоносцев прекрасно понимал, что одними воззваниями к народу он не победит своих врагов. «Искоренением

гнусной крамолы» должна заняться полиция. И она занялась им со всем рвением. Только с 1881 по 1888 год было рассмотрено 1500 политических дел; всего подверглось наказанию 3046 человек, из них приговорено к смертной казни – 20, на каторжные работы – 128, к ссылке в Сибирь – 681, к ссылке под надзор полиции в Европейскую часть России – 1500, другим, более мягким наказаниям подверглись 717 человек.

Сам же Константин Петрович решает обратить пристальное внимание на «доброе воспитание детей». Современники вспоминают, что Победоносцев любил встречаться с детьми, держался с ними просто и ласково и «радовался их радостью». Но будучи чиновником, он заботился о детях административными средствами – провел реформу церковно-приходского образования и начальных народных училищ, разумеется, под эгидой «утверждения в народе религиозные и нравственные понятий». Реформа Победоносцева полностью подчинила церковно-приходскую школу церковным властям, выведя ее из-под юрисдикции Министерства народного просвещения. За период, когда Константин Петрович находился на посту обер-прокурора, число церковно-приходских школ увеличилось в 10 раз, а количество учащихся в них – в 20 раз и к началу следующего века 25 % крестьян были грамотны.

Для своих новых школ Константин Петрович выпустил целый ряд брошюр, в которых излагал свои педагогические взгляды. «По народному понятию, – пишет он, – школа учит читать, писать и считать, но в нераздельной связи с этим учит знать Бога и любить Его, и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли».

Он с умилением вспоминает о труде сельских учителей и учительниц, таких же бедных, как их ученики, об их тяжелой подвижнической работе: «Много закрытых от большого мира глухих углов в России, где живут своему только миру известные труженики, ничто же имущие, но многих богатящие народные печальники и просветители, убогие священники, не знатные в консисториях, простые из народа учители, десятки лет трудящиеся в незнатной школе, ими заведенной, и особливо учительницы, жалостливой женской душой постигшие тайну доброго делания и доброй цели в жизни. Трогательна и поучительна ежедневная, с раннего утра и до позднего вечера, жизнь такой учительницы в кругу детей, которых не отвадишь от

школы, где они находят свет и тепло и материнскую о себе заботу. Сама живя в нужде, думает она о том, как бы согреть и прикрыть бедноту и нужду детей – и все к ней бегут со своими нуждами, и свои не рубли, а копейки тратит она на покрытие копеечных нужд, выпрашивая у кого можно помощь детям. Кто знает русскую деревню, тот может представить себе положение сельской учительницы… А вокруг нее нередко бедняки, от коих и достать нельзя, и дети без теплого людного жилья дальним пространством и непроходимыми снегами. Скудное ее жалованье приходится ей нередко выжидать месяцами, покуда дойдет оно до нее из отдаленных пунктов школьного управления». Но как отмечали читатели-современники, почему-то ничего не пишет о том, что этот труд можно и нужно всеми силами стараться облегчить. Вот какой совет он дает школьному инспектору: «Ищи повсюду учителя, его смотри, с ним беседуй по-человечески: ведь он главное орудие школы. Если он приложил сердце свое к делу и живет, истощаясь ревностью, в детях, берегись смущать его. Если живет он в нужде, в голоде и холоде – не проходи мимо него равнодушно. Богу дашь ответ, если не позаботишься ободрить человека в его терпении. И слово бывает дороже дела, но и для дела на пользу человека можешь просить, убеждать, настаивать, если хочешь не с небрежением делать дело своего звания». Такие рассуждения, особенно из уст сына московского профессора, ни дня не преподававшего в сельской школе, могут показаться ханжеством, но, по-видимому, сам Победоносцев не замечает, как звучат его слова.

Чему же должны учить эти учителя-подвижники, ободряемые «в своем терпении» добрым словом инспектора? Главная их задача – укрепить детей в христианской вере. «Только тот хороший учитель, кто имеет религиозное настроение, – пишет Константин Петрович, и добавляет: – Попытки утвердить школу, помимо религии, на нравственном учении всюду оказываются и всегда окажутся бесплодными». С религиозным воспитанием связана у Победоносцева мысль о «натуральной, земляной силе инерции», которая совершенно необходима человечеству, так как «без нее поступательное движение вперед становится невозможно». Поэтому Победоносцев настаивает на том, что при преподавании Закона Божьего акцент должен быть сделан не на нравственной, а на догматической стороне: изучение церковного обряда, молитвослова, присутствие на богослужениях, церковном чтении и пении. Впрочем, Константин Федорович считает весьма полезным и чтение в классе светских книг нравственного содержания, а особенно – поэзии, для развития вкуса. Но поскольку Победоносцев был практикующим педагогом только в

Университете и императорской семье, то, читая его статьи о педагогике, невольно ловишь себя на мысли, что это та самая «говорильня», которая была так ненавистна Константину Петровичу.

Не менее утопичны были планы по перевоспитанию взрослых, прежде всего чиновников. В письмах, которыми обменивались Победоносцев со своими единомышленниками, обсуждались к примеру такие проекты: «Показать теперь же, пример самой высокой нравственности от самого верха; чтобы не было любовниц, с цинизмом разгуливающих по Петербургу и парадирующих страшной роскошью; всех наивысоко поставленных обязать именем счастья России не развратничать, не пьянствовать, быть крайне строгими к самим себе»; «запретить, зло всем доступное, дозволенное, то есть ночные кутежи, игры и разврат в разных публичных увеселительных заведениях и домах терпимости». Высказывались пожелания, «чтобы оперетки были совсем запрещены, как развращающие мысль и жизни»; требовали «установить какую-нибудь почетную публичную награду за правильную жизнь и сохранение начал семейного союза», «ввести должность инспектора благочиния на каждые 5000 жителей для наблюдения за пьянством и проституцией с правом отправлять нарушителей на принудительные работы», планировалось даже закрыть кабаки, как «главный проводник нигилистических теорий в народе».

Победоносцев полагал, что он является «полномочным представителем» русского народа при Дворе, а также выразителем его чувств и чаяний. Вы, наверное, уже заметили, что когда Константину Петровичу было необходимо в чем-то убедить императора, он ссылался на мнение «простых людей», «народное чувство», «традиции» и «предания».

* * *

Укрепление позиций православной религии, как «государствообразующей», в уме консервативных россиян конца XIX века легко и гармонично сочеталось с активной борьбой с другими религиями. К сожалению, очень часто эта борьба превращалась из «диспутов о вере» в борьбу с конкретными людьми, исповедовавшими ту или иную «неправославную религию», в ущемление их прав, причем не только права на свободу вероисповедания. Речь идет прежде всего о пресловутых «поляках и евреях» – словосочетание, которое в России конца XIX века стало синонимом слов «революционеры» и «внутренние

враги».

Победоносцев, кажется, был тем, кого называют «природным антисемитом». В письме Достоевскому, которого он считал своим близким другом, Константин Петрович жалуется: «А что Вы пишете о жидах, то совершенно справедливо. Они все заполонили, все подточили, однако за них дух века сего. Они в корню революционно-социального движения и цареубийства, они владеют периодическою печатью, у них в руках денежный рынок, к ним попадает в денежное рабство масса народная, они управляют и началами нынешней науки, стремящейся стать вне христианства. И за всем тем – чуть поднимется вопрос об них, подымается хор голосов за евреев во имя якобы цивилизации и терпимости, т. е. равнодушия к вере. Как в Румынии и Сербии, так и у нас – никто не смей слова сказать о том, что евреи все заполонили. Вот уже и наша печать становится еврейскою. Русская Правда, Москва, пожалуй Голос – все еврейские органы[45], да еще завелись и специальные журналы: Еврей и Вестник Евреев и Библиотека Еврейская[46]».

Отношение к евреям Победоносцева вполне разделял Александр III. (Впрочем, Константин Петрович был, разумеется, отнюдь не единственным антисемитом в его окружении). Он сделал антисемитизм частью своей государственной политики: для евреев вновь ввели «черту оседлости», им запрещалось строить свои дома в сельской местности, а тем, кто уже жил там, запрещалось переезжать из деревни в деревню, владеть землей и арендовать ее. В 1886 году в России введена процентная норма для приема евреев в высшие учебные заведения. В пределах черты оседлости процентная норма составляла для мужских гимназий и университетов в размере 10 % от всех учеников, в остальной части России – 5 %, в столицах – 3 %. Евреи больше не имели права участвовать в земских органах. Полиция активно проводила облавы в Петербурге, Москве и других запрещенных для жительства евреев городах. В 1891 году, когда губернатором Москвы стал брат царя великий князь Сергей Александрович, оттуда выселили около 20 000 евреев, многие из которых прожили там по 30–40 лет подряд.

Но и в черте оседлости евреи не могли чувствовать себя в безопасности. Вот отрывок из вполне официального документа – «Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы»: «В черте постоянной еврейской оседлости евреи составляют преобладающее большинство в городах и местностях. Забрав в свои руки почти всю торговлю в населенных ими местностях, они производят ее, главным образом, по

воскресеньям и праздничным дням в ущерб религиозно-нравственной жизни православных христиан. Обыкновенно пустующие в будние дни базары оживляются и переполняются народом в воскресные и праздничные дни. Все спешат туда в это время: кто за покупками, кто за возами продуктов и товара, торговля ведется с обманом, божбой и клятвами, винные ласки и питейные дома раскрываются для посетителей. Везде людно и шумно и только в Храме Божьем в эти дни пусто – нередко доносится сюда уличный шум пьяной бушующей толпы.

Подобные печальные картины дают, по справедливому замечанию Могилевского преосвященного, повод иноверцам глумиться и издеваться над православными, так недостойно проводящими праздничные дни. Перенесению базаров и ярмарок с воскресных и праздничных дней евреи всячески противодействуют… Для удержания базаров по праздникам и для привлечения крестьян в города и местечки, евреи, по заявлению Могилевского преосвященного, продают водку по праздникам дешевле и подают ее лучшего качества, чем по будним дням».

При этом надо учитывать, что согласно принятым законам евреи не могли заниматься сельским хозяйством, а следовательно, торговля – единственное легальное средство существования еврейских семей.

Далее Победоносцев описывает, как евреи, отпуская водку в долг, разоряют крестьян, как те, «вращаясь в атмосфере еврейских шинкарей, перенимают от них разные дурные пороки привычки: к обману, к воровству, клятво-преступничеству, сутяжничеству и проч.», евреи настраивают крестьян против местных священников, подговаривают их не платить за «требы» – священнодействия и молитвословия, таинства (крещение, исповедь, причащение на дому, елеосвящение, венчание), совершаемые священником по просьбе отдельных лиц, традиционно оплачиваемые заказчиком. Евреи развращают христианскою прислугу, рабочих на своих заводах. Кажется, само их существование угрожает русскому народу. И последствия такой государственной политики были вполне предсказуемы.

Еврейские погромы, до этого случавшиеся не чаще, чем раз в десятилетие (первый в 1821 году при императоре Александре I, затем – в 1859–1862 и в 1871 годах – при Александре II) теперь резко участились. В апреле – июле 1881 года по югу и юго-западу страны прокатилась волна нападений на еврейские поселения. Евреев грабили и убивали в Елисаветграде, в Херсонской губернии, в Киеве и Одессе, в Подольской и Черниговской губернии, в Варшаве. Сначала правительство обвиняло в погромах анархистов, потом заявило, что главная их причина – «вредной»

экономической деятельности евреев, «еврейская эксплуатация». Мнение властей выразил Победоносцев: «Еврей – паразит, удалите его из живого организма, внутри которого и на счет которого он живет, и пересадите его на скалу, и он погибнет». А уже знакомый нам славянофил Иван Аксаков назвал погромы проявлением «справедливого народного гнева» против «экономического гнета евреев над русским населением». В 1890-х годах погромы возобновились и такого рода обвинения стали общим местом. Выступая в 1900 году, как гражданский представитель пострадавших от погрома евреев колонии Нагартово, недалеко от города Николаева, выдающийся русский адвокат Николай Петрович Карабчевский говорил: «Каждый раз, когда заходит речь о еврейских погромах, выдвигается обычный укор евреям в экономической эксплуатации русского населения, племенная и религиозная вражда подстегиваются затем в виде архитектурных украшений, и построенное обвинение считается законченым». Правительственные войска арестовывали погромщиков, их предавали суду, но общее направление национальной политики в отношении евреев Победоносцев определял так: «Одна треть – вымрет, одна – выселится, одна бесследно растворится в окружающем населении».

Не меньшие подозрения вызывали у него католики. «До очевидности ясно, – писал Победоносцев Александру III в ноябре 1881 года, – что противу России и русского дела предпринят теперь с запада систематический поход, которым руководит католическая церковная сила в тесном союзе с австрийским правительством и польской национальной партией. На западную границу нашу выслана целая армия ксендзов, тайных и явных, действующая по искусному плану для окатоличения и ополячения и пользующаяся искусно всеми ошибками и слепотой наших государственных деятелей, которые с улыбкой готовы уверять, что все спокойно».

* * *

Но не одни евреи и поляки имели веские причины быть недовольными политикой Александра III. Восстав не только на революционные идеи, завоевывавшие все большую популярность в гражданском обществе, но на дух рационализма и критицизма, царивший в некоторых слоях духовенства, Победоносцев ужесточил цензурные правила, усилил надзор за церковной наукой. Отец Павел Флоренский считал, что эта цензура имела для церкви в конечном счете самые негативные последствия:

пострадала зарождавшаяся церковная журналистика, были ограничены права преподавательской корпорации и усилен утилитарно-прикладной характер духовного образования.

Но, разумеется, больше всего страдала от усиления цензуры светская печать и светское общество. Уже в 1882 году при активном участии Победоносцева образовано совещание четырех министров, которое имело право наложить административный запрет на любой печатный орган. За следующие три года закрыли 9 периодических изданий, и среди них знаменитые «Голос» и «Отечественные записки», создан список запрещенных книг, подлежащих изъятию из народных библиотек.

В 1890 году писательница и педагог Мария Константинова Цебрикова писала Александру III в открытом письме: «Законы моего отечества карают за свободное слово. Все, что есть честного в России, обречено видеть торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избиение молодых поколений, бесправие обираемого и засекаемого народа – и молчать. Свобода – существенная потребность общества, и рано ли, поздно ли, но неизбежно придет час, когда мера терпения переполнится и переросшие опеку граждане заговорят громким и смелым словом совершеннолетия – и власти придется уступить»…

Далее она пишет о том, что образование доступно только богатым, что в университетах царит полицейский произвол, и испытав его на себе, молодежь волей-неволей приходит к революционным идеям. Заканчивалось письмо такими словами: «Вы, Ваше Величество, один из могущественнейших монархов мира; я рабочая единица в сотне миллионов, участь которых Вы держите в своих руках, и тем не менее я в совести своей глубоко сознаю свое нравственное право и свой долг русской сказать то, что сказала».

Легенда гласит, что прочитав это письмо, Александр бросил: «Отпустите старую дуру!». Это приказание «отпустить» вылилось в три года лишения свободы и запрет жить в университетских городах. Но все больше жителей России были готовы согласиться с Марией Константиновной.

Интересно, что в молодости, в 1860-х годах, Победоносцев сам обрушивался на цензуру с гневными филиппиками. Тогда он писал К.Д. Кавелину: «Цензура у нас стала просто черный кабинет… терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П[етер] бурга… Литературе нашей очень плохо приходится». Теперь же, когда цензура оказалась в его руках, он оценил ее, как весьма полезный инструмент для сохранения таинственной «земной силы», которую Победоносцев считал

основой благополучия и самого состояния государства. «Сила эта, которую близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью, – писал он, – безусловно необходима для благосостояния общества. Разрушить ее – значило бы лишить общество той устойчивости, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы – вот в чем главный порок новейшего прогресса». Кажется, что в этом поклонении «земной силе» Победоносцев сближается с… Львом Толстым, отлучение которого от церкви он санкционировал.

* * *

Высокую оценку Александру III давал Сергей Юльевич Витте, он писал: «И вот является вопрос, если император Александр III, как многие думают, не был образованным человеком, ни во всяком случае не был ученым (а лица, которые его не понимали и не понимают и не знают, говорят, что он был даже неумным), – то чему же, если не уму – сердца, уму – души приписать такого рода мысли, какие были незыблемы у Императора Александра III? Разве не нужно уметь сознавать, уметь понять – не от разума, а скоре от царского сердца, – что страна, вверенная Ему Богом, не может быть великой без водворения промышленности? А раз у Императора Александра III было это сознание, Он твердо настаивал на введении протекционной системы, благодаря которой Россия ныне обладает уже значительно развитой промышленностью и несомненно все более и более двигается в этом отношении вперед и недалеко уже то время, когда Россия будет одною из величайших, промышленных стран».

Сам ли император Александр, его ли правительство, было достаточно разумным, чтобы приготовить для России не только «кнут», но и «пряник». Александр не собирался повторять ошибок не только своего отца, но и своего деда, он понимал, что экономически отсталая Россия станет легкой добычей для европейских стран. И в его царствование Россию ждал настоящий экономический бум. Когда он вступил на престол, в сберегательных кассах хранилось в общей сумме 10 000 000 рублей, а когда он умер, эта цифра возросла до 330 000 000 000. Европейскую часть России покрыла сеть железных дорог и началось строительство Транссибирской магистрали. По всей стране вырастали новые заводы, развивались угольные шахты Донбасса, нефтяные промыслы Баку. В Зимнем дворце провели телефон и электричество, в армии приняли на вооружение

винтовку Мосина, пулемет «Максим» и наган.

Но по мере того, как росло благосостояние купцов, ремесленников и прочих членов «третьего сословия» Российской империи, росло и их желание оказывать влияние, на внутреннеполитический курс страны, участвовать в его управлении. Понимал ли Александр этот парадокс, понимал ли он, что сам закладывает бомбу под то здание самодержавия, которое он всю жизнь старательно укреплял? Нам известно только, что решать эту проблему он оставил сыну.

5

Я баловень судьбы… Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, –
Рождением к величью я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?

Эти стихи написал Константин Константинович Романов, сын великого князя Константина Николаевича Романова и двоюродный дядя Николая II. Последний российский император никогда не писал стихов, но его мироощущение было еще более трагичным. Константин, по крайней мере, мог надеяться стяжать заслуженную славу поэта. Николай же с ранних лет знал, что его судьба – быть Российским самодержцем, и воспринимал свой удел как великую честь, но одновременно и как тяжкую ношу, которую должен во что бы то ни стало нести с достоинством. Великий князь Александр Михайлович пишет, что осенью 1916 года его поразил фатализм Николая и передает такой отрывок из их беседы:

«– Господь Бог доверил тебе сто шестьдесят миллионов жизней. Бог ожидает от тебя, чтобы ты ни перед чем не останавливался, чтобы улучшить их участь и облегчить их счастье. Ученики Христа никогда не сидели, сложа руки. Они шли из края в край, проповедуя слово Божье языческому миру!

– На все воля Божья, – медленно сказал Никки. – Я родился 6 мая, в день поминовения многострадального Иова. Я готов принять мою судьбу.

Это были его последние слова. Никакие предостережения не имели на него действия. Он шел к пропасти, полагая, что такова воля Бога».

Нам неизвестно, насколько точно воспроизводит этот разговор Александр Михайлович. Что он запомнил, а что домыслил потом, уже зная о трагической развязке. Однако Николай неоднократно упоминал о том, что он родился в день, когда в церкви поминают Иова. Очевидно этот факт значим для него, стал частью его «внутренней легенды» и об этой легенде мы также знаем очень мало. Николай был скрытен. Его, как и многих

цесаревичей семьи Романовых, с детства заставляли вести дневник – считалось, что это приучает ребенка, а затем юношу к самоанализу и самоконтролю. Когда читаешь дневник юного Николая, поражает его холодность. Он точно и по всей видимости правдиво фиксирует все события своей жизни, но почти не пишет оценок, а если и упоминает о своих эмоциях, то делает это очень скупо, «в рамках приличий», словно подтверждает, что чувствовал именно то, что ему было положено чувствовать, чего он него ожидали. Когда он стал самодержцем, министры жаловались, что, докладывая императору, были твердо уверены, что он соглашается с ними, а потом получали по почте распоряжение подать заявление об отставке. Если Александра I называли «русским сфинксом», то еще больше заслуживал этого прозвище Николай. В обществе его часто считали тряпкой, полностью подчиненным воле жены. Но иностранные политики отмечали, что волю русского царя нельзя недооценивать. Он не любит ее демонстрировать, но это отнюдь не значит, что ее нет.

С Победоносцевым Николай поступил в своем стиле – внешне уважительно, но по сути – неожиданно и жестко, почти жестоко. По крайней мере, именно так считал Сергей Юльевич Витте, относившийся как к Александру III, так и к Победоносцеву с глубоким уважением. «Можно иметь различные мнения о деятельности Победоносцева, – писал он, – но несомненно, что он был самый образованный и культурный русский государственный деятель, с которым мне приходилось иметь дело. Он был преподавателем Цесаревича Николая, Императора Александра III и Императора Николая II. Он знал Императора Николая с пеленок, может быть, поэтому он и был о Нем вообще минимального мнения. Он Ему много читал лекций, но не знал, знает ли его ученик что либо или нет, так как была принята система у ученика ничего не спрашивать и экзамену не подвергать. Когда я еще не знал Николая II, когда я только что приехал в Петербург и скоро занял пост министра путей сообщения и спросил Победоносцева: „Ну, что же Наследник занимается прилежно, что Он собою представляет как образованный человек?“, то Победоносцев мне ответил: „Право не знаю, на сколько учение пошло впрок“».

* * *

Но мы забежали вперед. Когда еще был жив император Александр III, Победоносцев преподавал Николаю курс юридических наук. Выбор этот вполне логичный – хотя многие

отмечали, что с конца 1880-х годов император все реже прислушивался к старому наставнику, все же Александр всецело ему доверял, а тот слыл прекрасным преподавателем. Но задушевной близости между учителем и учеником на этот раз не возникло. Не сблизила их и общая потеря – смерть Александра III. Николай воспринимал эту смерть как страшную и неожиданную потерю, и, кажется, не чувствовал себя готовым к свалившейся на него ответственности. По-видимому, он нашел утешение в мысли, что на то была Божья воля, а раз так, то он просто не может совершать ошибок, как миропомазанный самодержец, он получил власть из рук Бога, а значит Бог счел его достойным и отныне будет его вразумлять.

Победоносцев же в свою очередь решил, что вразумлять юного наследника – это его долг. В такой ситуации конфликт неизбежен, хотя, возможно, он и не «проговаривался» ни одним из его участников.

Александр III скончался 20 октября [1 ноября] 1894 года в Ливадийском дворце в Крыму. В начале января 1895 года Победоносцев представляет Николаю записку об основах внутренней политики, которая должна укрепить в молодом царе веру в то, что система управления, которой придерживался его отец, остается наилучшей, соответствует сокровенным чаяниям русского народа и не нуждается в усовершенствованиях. А в апреле следующего года Победоносцев произносит речь на собрании Императорского Российского исторического общества, посвященную памяти покойного императора. Для него эта речь – дань уважения старому другу и одновременно поучение его юному сыну. Необходимо было еще раз расставить все точки над «i», зафиксировать то, каким курсом будет далее двигаться Россия, что должен делать новый император, чтобы стать достойным памяти отца. Снова упоминался «простой народ», «живые русские люди», им противопоставлялись «инородческий элемент», которому следовало «не уступать», и заблуждающиеся интеллектуалы, увлеченные «отвлеченными идеями». Об этом чтении сохранилась дневниковая запись А.А. Половцова от 6 апреля 1895 года: «Победоносцев прочитал речь, в которой при весьма изящной внешней литературной форме изложил те свои политические идеалы нетерпимости, односторонности, насилия, эгоизма и непонимания высших человеческих стремлений, хвастаясь тем, что он и его единомышленники успели наполнить ими голову покойного Государя. Очевидно, то было назидание юному монарху идти по тому же грустному пути».

Хотя и очень почтительно, но Константин Петрович пытается оказывать на нового императора давление. С Александром это

получалось. Он, по-видимому, был достаточно «толстокож» и не чувствовал никакой угрозы своему авторитету, когда его учитель по старой памяти переходил на менторский тон. Совсем не то – Николай. По-видимому, давление особенно завуалированное было как раз тем, что он умел превосходно распознавать и чего на дух не переносил. Тот же Витте приводит еще и такое мнение о юном Николае – «это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в нашей современности». Имелась в виду взбалмошность и почти театральная рыцарственность Павла, но Николай ни в малейшей степени взбалмошен или театрален, тогда болезненная подозрительность несчастного сына Екатерины? Очень может быть.

Поначалу, кажется, что Николай с благодарностью принимает наставления учителя. На встрече с представителями земств перед коронацией он сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял их мой незабвенный покойный родитель». Слова «бессмысленные мечтания» вызвали бурную реакцию, они показались слушателям оскорбительными. Позже приближенные царю лица уверяли, что он просто оговорился, и на самом деле хотел сказать «беспочвенные», но и это звучало не многим лучше.

Но Победоносцев не унимается. Он начинает давать Николаю советы по поводу назначения министров. «Больше всего он боялся, чтобы император Николай по молодости своей и неопытности не попал под дурное влияние», – пишет Витте и рассказывает, как Николай, обсуждая с ним назначения, говорил со смехом, что Константин Петрович отозвался о кандидатах так: «Плеве – подлец, а Сипягин – дурак». И тем не менее Вячеслав Константинович Плеве в 1894 году назначен Государственным секретарем и Главноуправляющим кодификационной частью при Государственном совете. Дмитрий Сергеевич Сипягин 1 января 1894 года стал товарищем министра внутренних дел, а еще через шесть лет – министром. Карьеры обоих успешно продолжались до самой их смерти: оба позже погибли от рук левых эссеров. Сипягин – в 1902 году, а Плеве, сменивший его на посту министра внутренних дел, спустя еще два года.

Затем встает вопрос о престолонаследии. У императора и императрицы одна за другой рождаются четыре дочери, а наследника все нет. Нужно решить, можно ли передать престол старшей дочери, Ольге. Победоносцев высказывается

категорически против, на этот раз Николай с ним соглашается, и цесаревичем становится его младший брат Георгий. Однако вскоре рождается долгожданный сын и, кажется, что этот вопрос решился сам собой. Правда, новый наследник болен гемофилией, но этот факт пока скрывают. Императорская чета связывает рождение мальчика с посещением мощей Серафима Саровского и хочет официально провозгласить его святым. Витте пишет: «Об этом эпизоде мне рассказывал К.П. Победоносцев так: Неожиданно он получил приглашение на завтрак к Их Величествам. Это было неожиданно потому, что К. П. в последнее время пользовался очень холодными отношениями Их Величеств, хотя он был один из преподавателей Государя и Его Августейшего батюшки. К. П. завтракал один с Их Величествами и после завтрака Государь в присутствии Императрицы заявил, что он просил бы К. П. представить Ему ко дню празднования Серафима, что должно было последовать через насколько недель, указ о провозглашении Серафима Саровского святым. К. П. доложил, что святыми провозглашает Святейший Синод и после ряда исследований, главным образом, основанных на изучении лица, который обратил на себя внимание святою жизнью и на основании мнений по сему предмету населения, основанных на преданиях. На это Императрица соизволила заметить, что „Государь все может“. Этот напев имел и я случай слышать от Ее Величества по различным поводам. Государь соизволил принять в резон доводы К. П. и последний при таком положении вопроса покинул Петергоф и вернулся в Царское Село, но уже вечером того же дня получил от Государя любезную записку, в которой он соглашался с доводами К. П., что этого сразу сделать нельзя, но одновременно повелевал, чтобы к празднованию Серафима в будущем году Саровский старец был сделан святым. Так и было исполнено. Государь и Императрица изволили ездить на открытие мощей. Во время этого торжества было несколько случаев чудесного исцеления. Императрица ночью купалась в источнике целительной воды. Говорят, что были уверены, что Саровский святой даст России после четырех Великих Княжен наследника. Это сбылось и окончательно и безусловно укрепило веру Их Величеств в святость действительно чистого старца Серафима. В кабинете Его Величества появился большой портрет – образ святого Серафима. Во время революции, после 17-го октября, обер-прокурор Святейшего Синода, князь А.Д. Оболенский, несколько раз мне стенал, что черногорки все вмешиваются в духовные дела и мешают Святейшему Синоду и что как-то раз по этому предмету он заговорил с Его Величеством о святом Серафиме Саровском, на что Государь ему сказал: „Что

касается святости и чудес святого Серафима, то уже в этом я так уверен, что никто никогда не поколеблет Мое убеждение. Я имею к этому неоспоримые доказательства“». Скорее всего, Победоносцев был также недоволен «произволом» Николая в этом вопросе, а Николай в свою очередь был недоволен тем, что Константин Петрович осмелился ему возражать и запомнил это, по своему обыкновению, не высказав прямо своего недовольства.

Победоносцев уже не молод. Поначалу казалось, что его уход будет подобен заходу солнца – он тихо «опустится за горизонт», оставив после себя постепенно меркнущий свет. Достойный конец пути для патриарха, но все получилось совсем не так.

В 1905 году Победоносцев готовит документы к предстоящему Собору Русской церкви, которую он представляет Святейшему Синоду 28 июня 1905 года. Но вся страна охвачена волнениями, которые позже назовут «первой русской революцией» или «революцией» 1905 года. Николай предлагает Витте пост премьер-министра. По инициативе Сергея Юльевича составлен Манифест 17 октября, даровавший основные гражданские свободы и вводивший институт народного представительства – Государственную думу. Победоносцев назначен главой комитета, которому поручено уточнить формулировки этого манифеста. Для Константина Петровича это крушение всего, во что он верил на протяжении всей своей жизни.

Витте пишет: «Вернувшись 17 октября к обеду домой, я на другой день должен был снова поехать в Петергоф, чтобы объясниться относительно министерства. Одобрение моей программы в форме резолюции „принять к руководству“ и подписание манифеста 17 октября, который в высокоторжественной форме окончательно и бесповоротно вводит Россию на путь конституционный, т. е. в значительной степени ограничивающий власть Монарха и устанавливающий соотношение власти Монарха и выборных населения, отрезал мне возможность уклониться от поста председателя совета министров, т. е. от того, чтобы взять на себя бразды правления в самый разгар революции.

Таким образом, я очутился во главе власти вопреки моему желанию после того, как в течение 3–4 лет сделали все, чтобы доказать полную невозможность Самодержавного правления без Самодержца, когда уронили престиж России во всем свете и разожгли внутри России все страсти недовольства, откуда бы оно ни шло и какими бы причинами оно ни объяснялось. Конечно, я очутился у власти потому, что все другие симпатичные Монаршему сердцу лица отпраздновали труса, уклонились от власти, боясь бомб и совершенно запутавшись в хаосе самых

противоречивых мер и событий…

С.Ю. Витте

В Петергофе я успел объясниться только по следующим вопросам. Во-первых, было решено, что обер-прокурор Победоносцев оставаться на своем посту не может, так как он представляет определенное прошедшее, при котором участие его в моем министерстве отнимает у меня всякую надежду на водворение в России новых порядков, требуемых временем.

Я просил на пост обер-прокурора Святейшего Синода назначить князя Алексея Дмитриевича Оболенского. С какою легкостью Государь расставался с людьми и как Он мало имел в этом отношении сердца, между тысячами примеров может служить пример Победоносцева.

Его Величество сразу согласился, что Победоносцев остаться не может, и распорядился, чтобы он оставался в Государственном совете, как рядовой член, и на назначение вместо него князя Оболенского. Затем мне пришлось ходатайствовать, чтобы за Победоносцевым осталось полное содержание и до его смерти, чтобы он оставался в доме обер-прокурора на прежнем основании, т. е. чтобы дом содержался на казенный счет. Я кроме

того заезжал к министру двора обратить его внимание на то, чтобы со стариком поступили возможно деликатнее, и чтобы Его Величество ему Сам сообщил о решении частно.

Если бы я об этом не позаботился, то Победоносцев просто на другой день прочел бы приказ о том, что он остается просто рядовым членом Государственного совета, и баста».

После отставки Победоносцев прожил еще два года и скончался 10 [23] марта 1907 года. На его похоронах члены императорской семьи не присутствовали.

* * *

Из многочисленных эпитафий, появившихся после смерти Константина Петровича, самая впечатляющая принадлежит Николаю Александровичу Бердяеву. Русский философ упрекает покойного ни много, ни мало в… нигилизме.

«Победоносцев – знаменательный тип: искренний идеолог нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни… – пишет он. – Какая основная черта Победоносцева, его „умопостигательный характер“? Неверие в силу добра, неверие чудовищное, разделяемое русской официальной Церковью и русским государством. Сила Победоносцева, непостижимая власть этого человека над русской жизнью в том и коренилась, что он был отражением исторического русского неверия, исторического русского нигилизма сверху. Нигилистическое отношение к человечеству и миру на почве религиозного отношения к Богу – вот пафос Победоносцева, общий с русской государственностью, заложенный в историческом Православии. Победоносцев был религиозный человек, он молился своему Богу, спасал свою душу, но к жизни, к человечеству, к мировому процессу у него было безрелигиозное, атеистическое отношение, он не видел ничего божественного в жизни, никакого отблеска Божества в человеке; лишь страшная, зияющая бездна пустоты открывалась для него в мире, мир не был для него творением Божьим, он никогда не ощущал божественности мировой души. Этот призрачный, мертвенный старик жил под гипнозом силы зла, верил безгранично во вселенское могущество зла, верил во зло, а в Добро не верил, Добро считал бессильным, жалким в своей немощности. Он – из числа загипнотизированных грехопадением, закрывшим бытие, отрезавшим от тайны Божьего творения».

* * *

Если в начале этой главы прозвучали хорошо знакомые всем строки Блока, то закончить ее я хочу… стихами самого Победоносцева, в которых он, с гораздо меньшим талантом, но по-видимому, искренне выражает свое credo. Именно таким мудрым ретроградом, вероятно, он хотел бы запомниться своим потомкам.

Срывая с дерева засохшие листы,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снег и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!
Придет пора – тепло весеннее дохнет,
В застывших соках жизнь и сила разольется,
И сам собой лист засохший отпадет,
Лишь только свежий лист на ветке развернется.
Тогда и старый лист под солнечным лучом,
Почуяв жизнь, придет в весеннее броженье:
В нем – новой поросли готовится назем,
В нем – свежий сок найдет младое поколенье…
Не с тем пришла весна, чтоб гневно разорять
Веков минувших плод и дело в мире новом.
Великого удел – творить и исполнять:
Кто разрушает – мал во царствии Христовом.
Не быть тебе творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье.
Дух создал старое: лишь в старом он найдет
Опору твердую для нового творенья.
Ввек будут истинны – пророки и закон,
В черте единой – вечный смысл таится,
И в новой истине лишь должно открыться,
В чем был издревле смысл великий заключен.

Глава 10. Петр Аркадьевич Столыпин

1

Мне было особенно трудно решить, кто станет героем последней главы этой книги. Последним русским императорам служили два очень ярких и самобытных политических деятеля, каждый из них ставил своей задачей спасение России, каждый готов положить на алтарь все свои силы и талант. Ни один из них не преуспел, но каждый внес значительный вклад в то, что современная Россия выглядит именно такой, какой мы его видим.

Эти политики не были друзьями и единомышленниками. Напротив, они ссорились между собой, ревновали друг друга к славе «спасителя России». Потом один из них погиб, а второму пришлось уйти со своего поста и писать мемуары, и сводить на бумаге счеты со всеми своими врагами, что, судя по всему, доставляло ему определенное удовольствие.

Конечно, вы уже догадались, что два этих незаурядных человека – Сергей Юльевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин. Руководствуясь все тем же принципом «книга не безразмерная», я все же решила остановиться на Столыпине. Не потому, что он представляется личностью более значительной, чем Витте, не из-за его трагической кончины, а потому лишь, что он представляется личностью менее однозначной. За Витте не числится никаких особенных грехов, кроме разве что чрезмерно раздутого тщеславия, да и то, в подобных случаях сложно провести границу между тщеславием и адекватно-высокой самооценкой. Со Столыпиным же в нашей памяти связана не только фраза: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия», но и выражения «столыпинский вагон» и «столыпинский галстук».

Современные историки часто рассматривают деятельность Витте и Столыпина совместно, описывая ее как «модернизацию Витте – Столыпина». В самом деле, им приходилось решать одни и те же проблемы, их усилия часто были приложены к одним и тем же точкам, и они, несмотря на свой взаимный антагонизм, стремились к одной цели и проводимые ими реформы не мешали друг другу. Поэтому, хотя главным героем этой главы будет Столыпин, без Витте и его замечательно-подробных мемуаров нам никак не обойтись. Но прежде всего надо ответить на вопрос: почему после «великих реформ» Александра II и «тучных лет» Александра III российскую экономику снова понадобилось реформировать?

* * *

Вы, вероятно, помните, что Александр II проводил свои реформы для того, чтобы Россия стала конкурентоспособной с европейскими странами. При этом он ни явно, ни тайно не ставил своей целью повести страну по капиталистическому пути развития. Капитализм, власть капитала означала «власть буржуа», а Александр вовсе не собирался делиться экономической властью, особенно с «третьим сословием»: он помнил о «Европейской весне» и не желал ее повторения на родине.

Крестьяне составляли чуть более 80 % населения России. Крестьянская реформа, начавшаяся в 1861 году, спустя 20 лет еще не была завершена. Далеко не все бывшие крепостные выкупили свои наделы, многие еще даже не приступили к выкупам. Они стали лично свободны, но условия их жизни практически не изменились. А каковы были эти условия?

Помните «Записки охотника» Тургенева? Они начинаются с рассказа «Хорь и Калиныч». А рассказ этот, в свою очередь, начинается с такого описания: «Кому случалось из Волховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханных полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих ракит, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой… Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую прохожую свинью»…

Откуда такая разница? В Орловской губернии – черноземная почва, земледелие прибыльно и крестьяне, с утра до вечера заняты полевыми работами (во времена Тургенева – и на своей земле и на земле своего барина). У них нет ни времени, ни денег на то, чтобы заниматься хозяйством. Трехполосная система требовала расчистки большого количества земли под пашни, в результате чего вырубались леса. В Калужской губернии – почва

нечерноземная, крестьяне живут за счет «отхожих промыслов», и порой живут весьма не бедно, как Хорь – один из главных героев этого рассказа. У него водятся деньги, он часто бывает в городе. Вот как описывает Тургенев усадьбу Хоря: «Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла из нескольких сосновых срубов, соединенных заборами; перед главной избой тянулся навес, подпертый тоненькими столбиками… Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов. Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной соленых огурцов в деревянной миске».

Кажется, перед нами отрывок из «крестьянской утопии» XVIII или XIX века – истории благородного земледельца, живущего от «плодов своего труда» и процветающего. Только хозяин этой утопии вовсе не земледелец, а «бесстыдный торгаш». «Торгуем помаленьку маслишком да дегтишком»… – так он сам описывает свои занятия.

«Хорь и Калиныч» впервые опубликован в «Современнике» в 1846 году. Почти за 15 лет до реформы. Но условия жизни крестьян практически не изменились. Чем более «земледельческой» была деревня, тем беднее и труднее она жила. Это заставляет по-новому взглянуть на тот широко известный факт, что «при царизме Россия экспортировала хлеб». Теперь мы знаем за чей счет осуществлялся этот экспорт.

Так и получалось, что земледелие в России приносило прибыль всем… кроме самих земледельцев. Почему же после 1861 года не начался массовый исход крестьян из деревни в города?

Поскольку, по реформе 1861 года, землю крестьяне могли получить только за выкуп, приняли вполне разумное решение организовать для бывших крепостных крестьян такие же «сельские общины», какие прежде были организованы для государственных крестьян. Как правило, такие сельские общества составлялоись из крестьян одного владельца. Именно община производила выкуп земли, и соответственно она становилась владельцем земли и могла осуществлять ее «передел» – изменить размеры участков в пользовании крестьянских семей сообразно изменившемуся количеству работников и способности уплачивать подати.

Поскольку трудно было подобрать равноценные наделы, широко практиковалась так называемая «чересполосица» – каждый участок земли одинакового качества нарезался на узкие полоски по количеству хозяйств. Одной семье могло быть отведено два или три десятка таких «полос», в разных местах общинных полей.

Община облагалась налогом, но в то же время могла сама решать, какую сумму брать с каждого из крестьян, и в случае недоимок сама взимала долги. Все члены сельской общины были связаны круговой порукой – община несла коллективную ответственность за уплату всех видов налогов и выкупных платежей всеми своими членами. Не расплатившись с долгами, крестьянин не мог выйти из общины и уйти на заработки в город. Таким образом, община могла спасти крестьянскую семью от разорения, а могла связать ее по рукам и ногам долговыми обязательствами.

Неэффективность сельского хозяйства в России второй половины XIX века и слабую готовность государства справляться с трудностями показал голод 1891–1893 годов, охвативший 16 губерний Европейской России и Тобольскую губернию в Сибири с общим населением 35 миллионов человек. Голод этот был не только «хлебным», но и «денежным» – крестьянам просто не на что было купить новое посевное зерно, взамен погибшего во время засухи, а государственная система не смогла вовремя отреагировать и принять меры еще до того, как села стали вымирать от голода и эпидемий дизентерии, сыпного тифа, малярии и холеры (при недостаточном питании сопротивляемость организма вполне закономерно понижается). Ни усилия государства, ни благотворительность, ни работа добровольцев (среди которых были и Толстой и Чехов), ни помощь Америки не помогли быстро справиться с этой бедой. В результате общество разделилось – всех ужаснули массовые смерти, но одни винили в них отсталость сельского хозяйства и неразвитость свободных рыночных отношений на селе. Другие же видели причину как раз в «избытке» свободного рынка, который привел к недостатку земли у каждого конкретного крестьянина, концентрации большого количества земель в руках помещиков и фабрикантов, использованию пахотных земель для строительства железных дорог, продаже зерна за рубеж и различным спекуляциям. «Эпидемия голода», хоть и в меньших масштабах, повторилась в 1901–1902 и в 1905–1908 годах.

* * *

Императоры-реформаторы и министры-реформаторы вовсе не ставили себе целью «переход от феодального к буржуазному строю». Когда хоронили Николая I, некоторым из очевидцев запомнился такой эпизод: гроб императора внесли в собор Петра и Павла, отпевание и прощание семьи с телом закончилось. Новый император идет к выходу из собора, и все смотрят, кому он подаст руку. Очевидец, адъютант императора, рассказывает: «По окончании этой церемонии Александр пошел к выходу, не обращаясь ни к кому, включая самых известных в стране сановников, обойдя вниманием даже знаменитого генерала Ермолова, который, несмотря на преклонные лета, приехал из Москвы на похороны его отца. Обойдя Ермолова, император внезапно остановился около входа в храм, тепло пожал руку господина в черном фраке, по лицу которого легко можно было судить о его происхождении.

– Кто это такой? – зашептали вокруг. – Кому это император подал руку?

– Это банкир Штиглиц[47], ведь царю нужны миллионы, военные расходы, – отвечал какой-то генерал.

Так в Храме у гроба отца царь разменял русскую славу на червонцы».

Таково отношение высшего света к банкирам и «денежным делам». И оно не слишком переменилось за время правления двух Александров. К промышленникам, особенно русского происхождения были терпимее, но все же и они вызывали много нареканий, прежде всего с точки зрения морали. Разумеется, ни царская семья, ни сановники не читали Маркса, но со словом «буржуазия» для них ассоциировались прежде всего «торгашеский дух», «наглость», «не уважение к старым феодальным порядкам» и «безбожная эксплуатация рабочих», «превращение их в живые автоматы». Конечно, отношение к таким людям могло быть только негативным. В 1885 году Сергей Юльевич Витте писал: «Читая описание быта западных рабочих, пролетариев, их несчастного положения, их умственного и в особенности нравственного падения, невольно приходит мысль: неужели и русский народ будет допущен до подобного испытания? Неужели необходимость увеличения отвлеченного „богатства страны“, посредством развития русских мануфактур, приведет у нас к ломке нашего исконного строя, к превращению хотя бы части русского народа в фабричных автоматов, несчастных рабов капитала и машин?» Правда, позже он изменил свое мнение и стал активно покровительствовать индустриализации и промышленному развитию России в конце XIX – начале XX века, но никогда не забывал о необходимости государственного

контроля над промышленностью.

* * *

Но условия жизни фабричных рабочих были не многим лучше, а порой и хуже, чем у тех, кто смог остаться в деревне или не смог из нее уехать. При Александре III предприняли ряд мер, для того чтобы улучшить жизнь трудящихся: запретили ночные работы для женщин и детей, созданы фабричные инспекции, регулировавшие деятельность владельцев заводов и фабрик. Но даже «нормы», на которые опирались эти инспекторы, современным специалистам по охране труда показались бы явно «ненормальными». В 1741 году в Российской империи издан указ, который ограничивал рабочий день на фабриках 15 часами, но уже в начале XX он вполне официально мог составлять 12 часов. Малолетние (с 10–12 лет) работали с 8 утра до 12, и с 1 часу дня до 5 вечера. Официально выходной только один день – воскресенье, в субботу и перед праздниками сокращенный рабочий день до 6 часов. В церковные праздники, разумеется, тоже не работали, но предприимчивые хозяева фабрик, особенно не православного вероисповедания (например, лютеране), могли «купить» у рабочих праздники, за исключением Рождества и Пасхи.

Дома, куда уходили рабочие по окончании рабочего дня, тоже мало походили на «sveet home». Один из участников обследования наемных квартир в Петербурге весной 1898 года писал: «Площадь пола, занимаемая… кроватью, и носит общее употребительное название „угла“. Если угол занят целой семьей или девушкой, то кровать отгораживается ситцевыми занавесками (пологом), подвешенными на веревочках; в таком отгороженном углу живет иногда семейство из 4, даже 5 человек: муж и жена на кровати; грудной ребенок в подвешенной к потолку люльке; другой, а иногда и третий – в ногах…».

Часто число кроватей в таких квартирах было значительно меньше числа проживавших в нем жильцов. В этих случаях одна койка принадлежала двум рабочим, занятым на производстве в различные смены. Обычно в одной комнате жили 5–6 человек.

Вот как описывали исследователи сдаваемое рабочим помещение Ратькова-Рожнова в пригороде Петербурга – селе Смоленском в 1879 года: «Вдоль комнаты в два ряда идут койки, на каждой из которых спят по два человека. Койки женатых занавешены пологом. Не на всех койках видны тюфяки и подушки, а если они и есть, то очень грязные; о простынях нет и

помину. За помещение рабочие платят по 1 руб. 30 коп. с человека; за эту же сумму хозяева квартиры обязаны стирать рабочим белье и готовить кушать.

Рабочие из мастерских помещаются чище. У них нередко помещения оклеены обоями, имеется кое-какая мебель: стол и несколько стульев. Но чернорабочие живут в помещениях худших, чем у Ратькова-Рожнова. Они нередко спят на нарах без тюфяка и подушки; постелью же для них служит всякая рухлядь, а мебель состоит из большого некрашеного стола и 2–3 скамеек».

Почти через 20 лет – весной 1898 года все оставалось по-прежнему: «За занавеской развешано и разложено все имущество семьи: платье, белье и т. п. Постельные принадлежности семейных жильцов и других несезонных, т. е. проводящих и лето, и зиму в Петербурге, в большинстве случаев более или менее удовлетворительны: у них можно встретить и подушку с наволочкой, и одеяло, и тюфяк, и простыни. У жильцов же, приезжающих в столицу только на лето, часто отсутствуют какие бы то ни было постельные принадлежности: неприхотливые летники спят на голых досках или подстилают под себя ту самую грязную одежду, в которой работают, нередко в страшной грязи, в течение дня… некрашенный досчатый стол, 2–3 табурета, иногда соломенный стул из так называемой дачной мебели или деревянная скамья дополняют собой незатейливую обстановку угловой квартиры и вместе с койками и нарами составляют все ее убранство».

Один из санитарных врачей Петербурга писал в первые годы XX века: «Значительно подорожали играющие роль квартир промозглые подвалы, каморки, углы и койки, и бедному люду приходится покрывать сравнительно большие надбавки все из того же часто скудного заработка. Вот и становится необходимым или увеличивать и без того немалое трудовое напряжение, или же урезать себя и свою семью в удовлетворении самых насущных потребностей за счет здоровья и сил, а следовательно, и дальнейшей трудоспособности». Можно поселиться в рабочем общежитии при заводе, только там условия были еще хуже. И это происходило не всегда оттого, что фабриканты были жестокосердны и равнодушны к человеческим страданиям. Они просто не могли позволить себе тратить деньги на строительство приличного жилья для рабочих – это слишком дорого.

Правительство тоже не всегда считало защиту прав рабочих обеспечением их достойными условиями труда своей первоочередной задачей. Владимир Иосифович Гурко, сподвижник Столыпина, писал: «Для Витте было важнее создать условия, благоприятствующие для работы капитала в крупных

промышленных предприятиях: этим одним он и был озабочен. Бесправное положение рабочих, их полная зависимость от работодателей ввиду неразвитости рабочих и их полной неорганизованности в то время вполне отвечали интересам капитала. Изменить это положение, обеспечить за рабочими хотя бы минимальные права ввиду этого вовсе не входило в планы Витте или, вернее, даже не приходило ему на ум».

«Непотраченные» на улучшение жизни рабочих и крестьян деньги и составляли значительную часть «возросшего богатства России». Реальной промышленной революции в стране еще не произошло.

2

Помните зажиточную и влиятельную семью Столыпиных, которая помогла опальному Михаилу Михайловичу Сперанскому «прижиться» в Пензе? Это одна из ветвей старинного дворянского рода, «помнившего себя» с начала XVI века. Из того же рода происходила, к примеру, Елизавета Александровна Столыпина, в замужестве Арсеньева – знаменитая бабушка Лермонтова. Брат Елизаветы Александровны приобрел в свое время подмосковную усадьбу Середниково, в которой юный Михаил Юрьевич Лермонтов проводил каникулы. Четверть века спустя владельцем усадьбы стал Аркадий Дмитриевич Столыпин, в юности участвовавший в Крымской войне вместе с Львом Толстым, а потом долгие годы друживший с писателем и гостивший в Ясной Поляне. Аркадий Дмитриевич в чине генерала от артиллерии сражался в Русско-турецкой войне 1877–1878 года. Его жена – Наталья Михайловна, урожденная княжна Горчакова, племянница Александра Михайловича, будущая мать Петра Аркадьевича, последовала за мужем на войну, работала сестрой милосердия и была награждена бронзовой медалью за уход за ранеными под неприятельским огнем.

Позже Аркадий Дмитриевич назначен губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака – двух областей на Балканах, находившихся, по решению Берлинской конференции, под временным российским управлением. Эту должность упразднят уже в 1879 году, после создания Восточной Румелии и Княжества Болгарии. В 1885 году Восточная Румелия фактически объединится с Болгарией. Друг Толстого, разумеется, не был тупым солдафоном, он играл на скрипке и даже ставил домашние оперы, увлекался скульптурой и… писал книги. Правда, не художественные, а просветительские брошюры для народного и солдатского чтения. Знал он лично и Александра II, одно время был его флигель-адьютантом.

Петр Аркадьевич Столыпин родился 2 (14) апреля 1862 года и провел детские годы в Средниково, которое, впрочем, вскоре его отец продал, и в другом имении своих родителей – Колноберже, в Литве. Это имение в семье очень любили, и Аркадий Дмитриевич купил поблизости от него городской дом в Вильно. Дочь Столыпина, Мария Петровна фон Бок – вспоминает о дедушке, как о веселом, полном энергии человеке, который держал в спальне большую клетку с птицами, потому что ему нравилось, когда они будят его своим пением, всегда шутил и развлекал ее фокусами. Только одно огорчало его: ни один из его

детей и внуков не унаследовал музыкального таланта. Он рассказывал внучке, как однажды за семейным обедом заговорили о том, как жаль, что маленький Петя совершенно не музыкален, «и что никогда он даже не оценит выдающееся музыкальное произведение. Вдруг раздается обиженный голос моего отца:

– Вы ошибаетесь: мне третьего дня очень понравился прекрасный марш.

А.Д. Столыпин

Дедушка и бабушка с радостью переглядываются: слава Богу, наконец!

– Где ты его слышал этот марш? Это когда ты был в опере?

– Нет, в цирке, когда наездница прыгала через серсо.

После этого дедушка уже не пытался развивать слух своего сына».

А вот что рассказывает младший брат Петра Аркадьевича, Александр, об их детских играх и маленьких неприятностях, которые тогда казались трагедиями: «Однажды играли в войну. Старший брат Михаил поставил мою сестру на часы и дал ей охотничью двухстволку, которую она держала наперевес, стоя в темном коридоре. Брат мой Петр с разбегу наткнулся носом на дуло ружья и, весь окровавленный, упал в обморок. Можно себе представить волнение нашей матери, пока, в трескучий мороз, за тридцать верст, привезли из Москвы доктора. Горбинка на носу брата Петра осталась навсегда следом этого происшествия». К сожалению, не все детские травмы оставляют на память о себе только горбинку на носу. Подхваченный в детстве ревматизм сделал Столыпина «сухоруким» – локтевой сустав его правой руки утратил подвижность и приходилось пользоваться специальной подставкой во время письма, а писать ему в жизни предстояло много. Романтическая легенда, что рука пострадала из-за ранения во время дуэли, ничем не подтверждается.

П.А. Столыпин

* * *

Вместе с братом Александром Петр учился сначала в Виленской гимназии, затем, когда 9-й армейский корпус под командованием Аркадия Дмитриевича перевели из Болгарии и

расквартировали в Орле, братья поступили в Орловскую гимназию. Окончив ее, Петр получил «удовлетворительно» по истории, логике и русскому языку, «хорошо» по математике, географии, греческому и немецкому языку, «отлично» по закону Божьему, по французскому языку, физике и математической географии.

В семье были свои тайны и, по-видимому, она не была ни дружной и безоблачно счастливой. Наталья Михайловна – вторая супруга Аркадия Дмитриевича, его первая жена умерла в родах, от нее остался сын Дмитрий. Михаил, который вырос, стал библиотекарем, потом рядовым ушел на русско-турецкую войну, а вернувшись, порвал все отношения с семьей, вышел в отставку, вел хозяйство в материнском имении Большие Озерки Вольского уезда.

Отец и мать Петра Аркадьевича расстались, когда семья переехала в Орел, мать уехала за границу, на лечение и жила в Швейцарии. Летом дети приезжали к ней и проводили каникулы на берегу Боденского озера. Наталья Михайловна так и не вернулась в Россию, к мужу. Она умерла в 1889 году. Отец же на склоне лет получил почетную должность коменданта Московского Кремля. Мария Петровна вспоминает, как с родителями ездила в гости к дедушке: «Занимал дедушка в Кремле огромные апартаменты с целым рядом больших, пустых, неуютных гостиных. В конце же анфилады был его кабинет, где он всегда и сидел. Там было все красиво и, несмотря на очень большой размер комнаты, очень уютно. Одна из комнат была музыкальным салоном. Дедушка, будучи хорошим музыкантом, с увлечением играл на своем Страдивариусе, сам писал музыку и раз у себя дома поставил целую оперу, „Норму“, прошедшую с большим успехом. Была у него и студия, где он занимался скульптурой и часто подолгу там работал». Любимым же развлечением внуков было, когда дедушка… давал им курить свою трубку: «После обеда мы подходили благодарить дедушку, пока взрослые, еще сидя за столом, пили кофе, и он давал каждой из нас покурить из своей длинной трубки, касавшейся пола, которую приносил ему лакей к кофе; и как раскатисто смеялся он, когда мы, вместо того, чтобы тянуть дым в себя, что есть мочи дули в отверстие трубки».

* * *

Юный Столыпин увлекался тогда естественными науками и математикой, и после гимназии поступил на физико-

математический факультет Санкт-Петербургского университета (тот же факультет, но только в Одессе заканчивал Витте). Еще не окончив курс, Столыпин женился на Ольге Борисовне Нейгард, дочери обер-гофмейстера двора Бориса Александровича Нейгарда, и фрейлине императрицы Марии Федоровны. Это сватовство было связано с семейной трагедией. Вначале Ольга была невестой старшего брата Петра Михаила, но тот погиб на дуэли. История с дуэлью очень темная, известно, что противником Михаила был князь Иван Шаховской, а секундантом Дмитрий Нейгард, брат Ольги. Поединок состоялся «где-то на Островах» и проходил на очень короткой дистанции, что косвенно свидетельствует о тяжелом оскорблении. Через год траура Петр Аркадьевич попросил руки Ольги у ее отца. Но университетское начальство не давало студентам разрешения на брак, и Петру Аркадьевичу пришлось уйти из университета и сдавать экзамены экстерном.

Мария Петровна фон Бок рассказывает: «Мой отец женился очень молодым, и когда делал предложение моей матери, боялся даже, не послужит ли его молодость помехой браку, о чем и сказал дедушке, прося у него руки его дочери.

Но дедушка, улыбаясь, ответил: „La jeunesse est un défaut duquel on se corrige chaque jour“ („Молодость – это недостаток, который исправляется каждый день“) и спокойно и радостно отдал свою дочь этому молодому студенту, зная отлично, что лучшего мужа ей не найти. Моему отцу тогда не было еще двадцати двух лет, и он кончил университет уже после свадьбы, даже уже когда я была на свете. Часто потом мои родители вслух при мне вспоминали этот первый год своей на редкость счастливой супружеской жизни. Когда я была старше, мой отец сам рассказывал о том, какой редкостью был в те времена женатый студент и как на него показывали товарищи: „Женатый, смотри женатый“. Когда сдавались последние экзамены, мама́, волнуясь больше папа́, сидела в день экзаменов у окна, ожидая его возвращения.

О.Б. Столыпина

Подходя к дому, мой отец издали подымал руку с открытыми пятью пальцами – значит опять пять. Кончил он естественный факультет Петербургского университета и экзаменовал его, наряду с другими, сам Менделеев. На одном из экзаменов

великий ученый так увлекся, слушая блестящие ответы моего отца, что стал ему задавать вопросы всё дальше и дальше; вопросы, о которых не читали в университете, а над решением которых работали ученые. Мой отец, учившийся и читавший по естественным предметам со страстью, отвечал на все так, что экзамен стал переходить в нечто похожее на ученый диспут, когда профессор вдруг остановился, схватился за голову и сказал: „Боже мой, что же это я? Ну, довольно пять, пять, великолепно“».

Брак оказался удачным, супруги полюбили друг друга. Если заглянуть в письма Петра Аркадьевича жене, то там найдется немало нежных слов. На пятнадцатом году брака он пишет ей: «Милая, дальняя моя Оличка – голубушка, так мало я о Тебе знаю, что просто больно становится, когда подумаю о Тебе. Как будто я в Африку уехал… Мне так без Тебя тоскливо, что я решил приблизить еще на один день час свидания с Тобою и вместо пятницы назначил выезд свой на четверг. Это совсем не в ущерб делу, так как, посвящая имению все время с 6 часов утра до самого ночлега, я успел все сделать, что себе назначил… Какое счастье приближаться к Тебе, ненаглядная». А в другом письме: «В вагоне все думал о Тебе и моей глубокой привязанности и обожании к Тебе. Редко, я думаю, после 15 лет супружества так пылко и прочно любят друг друга, как мы с Тобою. Для меня Ты и дети все, и без вас я как-то не чувствую почвы под ногами».

Впрочем, Сергей Юльевич Витте считал, что Столыпин просто был под каблуком у своей жены. «Супруга Столыпина делала с ним все, что хотела, – писал Витте, – в соответствии с этим приобрели громаднейшее значение во всем управлении Российской империи, через влияние на него, многочисленные родственники, свояки его супруги. Как говорят лица, близкие к Столыпину, и не только близкие лично, но близкие по службе, это окончательно развратило его и послужило к тому, что в последние годы своего управления Столыпин перестал заботиться о деле и о сохранении за собою имени честного человека, а употреблял все силы к тому, чтобы сохранить за собою место, почет и все материальные блага, связанные с этим местом, причем и эти самые материальные блага он расширил для себя лично в такой степени, в какой это было бы немыслимо для всех его предшественников».

3

Карьера Столыпина после его выхода из университета была стремительной. Он сразу получил чин коллежского секретаря (X класс Табели о рангах), хотя обычно вчерашним студентам присваивался XIV класс и очень редко – XII класс. Петр Аркадьевич начинает службу помощником столоначальника Департамента земледелия и сельской промышленности, и сразу садится за книгу – обзор сельского хозяйства России, которая была издана в 1886 году.

В 1888 году Петр Аркадьевич пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества и произведен в титулярные советники (IX класс).

В следующем году Столыпин становится уездным предводителем дворянства и председателем суда мировых посредников в городе Ковно. Должность эта выборная и жалования за нее не полагалось, поэтому многие предводители выполняли свои обязанности формально, а то и вовсе не выполняли. Столыпин же активно занимался улучшением системы образования в своем уезде, обучением крестьян передовым методам хозяйствования и внедрением новых сортов зерновых культур.

П.А. Столыпин в г. Ковно с уездными предводителями дворянства Ковенской губернии. 1901 г.

В 1902 году уже в чине статского советника неожиданно назначается губернатором города Гродно. На этих постах он составляет целый ряд записок для Министерства внутренних дел (сначала для Сипягина, потом для Плеве), в которых вносит ценные предложения по укреплению самоуправления в «своих» прибалтийских губерниях. В 1903 году по распоряжению Плеве Столыпин становится Саратовским губернатором. На этом посту ему пришлось усмирять бунтующих крестьян, сталкиваться с боевиками-эссерами, убивавшими высокопоставленных правительственных чиновников. Его энергичные действия по наведению порядка обратили на себя внимание правительства и самого императора. Посещая Саратов, император лично встречался с Петром Аркадьевичем, отмечает его ум, и пишет матери: «Я познакомился со Столыпиным и полюбил его».

В апреле 1906 года Столыпина вызывают в Царское Село, где теперь постоянно живет императорская семья. Николай II назначает его министром внутренних дел.

* * *

Мария Петровна передает тот знаменательный разговор Столыпина с Николаем II: «Мой отец, по присущей ему скромности, не ожидавший такого назначения, был этим предложением сильно удивлен и озадачен. Он считал, что несколько месяцев губернаторства в Гродне и три года в Саратове не являются достаточной подготовкой к управлению всей внутренней жизнью России, да еще в такое тревожное время, о чем и доложил государю и просил, хотя бы временно, в виде подготовки, назначить его товарищем министра.

На это государь ответил:

– Петр Аркадьевич, я вас очень прошу принять этот пост.

– Ваше величество, не могу, это было бы против моей совести.

– Тогда я вам это приказываю.

Моему отцу ничего не оставалось, как преклониться перед выраженной в такой форме волей своего государя, и он вернулся в Саратов лишь на очень короткое время, чтобы сдать дела губернии».

26 апреля 1906 года Столыпин занял пост министра внутренних дел, 8 июля того же года, в день роспуска I Государственной думы он сменил Горемыкина на посту председателя Совета министров, возглавив, таким образом, правительство Российской империи. Петру Аркадьевичу – 44 года

и в его голове уже сложилась целая система реформ, которая оказалась способна потушить пожар первой русской революции.

Главной целью аграрной реформы становится отмена крестьянской общины, как экономического явления. Мыль эта не нова, ее высказывал еще Витте, при том, не претендуя на авторство, а ссылаясь на своего предшественника на посту министра финансов – Бунге. Витте пишет: «Сде лавшись механиком сложной машины, именуемой финансами Российской империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет и что, как не устраивай сию машину, для того, чтобы она долго действовала и увеличивала свои функции, необходимо подумать, и о запасах топлива, хотя таковое и не находилось в моем непосредственном ведении. Топливо это – экономическое состояние России, а так как главная часть населения это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область. Тут мне помог многими беседами бывший министр финансов Бунге, почтеннейший ученый и деятель по крестьянской реформе 60-х годов. Он обратил мое внимание на то, что главный тормоз экономического ржавения крестьянства – это средневековая община, недопускающая совершенствования. Он был ярый противник общины. Более всего меня просветили ежедневно проходившие перед моими глазами цифры, которыми столь богато министерство финансов и которые служили предметом моего изучения и анализа. Скоро я себе составил совершенно определенное понятие о положении вещей и через несколько лет во мне укоренилось определенное убеждение, что при современном устройстве крестьянского быта – машина, от которой ежегодно требуется все большая и большая работа, не будет в состоянии удовлетворить предъявляемые к ней требования, потому что не будет хватать топлива». Таким образом, мысль о необходимости разрушать общину приходила во многие «государственные головы», но решимости и упорства для того, чтобы претворить ее в реальность, хватило только Столыпину. Многие современники считали, что баснословная ненависть, которую испытывал Витте к Столыпину, была связана с тем, что Петру Аркадьевичу удалось воплотить в жизнь проект, который многие годы пытался воплотить Витте. Еще в 1900–1902 годах Сергей Юльевич рассказывал о том, что община тормозит развитие как сельского хозяйства, так и промышленности в лекциях великому князю Михаилу Александровичу, младшему брату Николая II. Позднее Витте возглавил Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и опубликовал в 1904 году работу «Записка по крестьянскому делу», в которой писал, что община это неодолимое препятствие к улучшению

земледельческой культуры, она воспитывает хищнические приемы эксплуатации земли, и кроме того является скрытой пропагандой «социалистических понятий», общественной собственности на землю. Ему также удалось добиться отмены круговой поруки в общинах. Но 22 апреля 1906 года под давлением политических противников Витте вынужден подать в отставку.

Николай II

Многие реформы, проведенные Витте при Александре III (введение золотого рубля, изменения налогообложения,

поощрение индустриализации, реформа кредитной системы и т. д.), сделали возможным проведение реформ Столыпина при Николае II.

* * *

9 ноября 1906 году принят указ, разрешавший крестьянам выделять свое хозяйство из общины вместе с землей. «Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в собственность причитающейся ему части из означенной земли». Теперь крестьянин мог объединить свои полосы в единый участок «отруб» или отселиться на хутор. Крестьянский банк предоставлял ссуды для покупки дополнительных земель. Он также скупал у помещиков земли, которые те не могли обрабатывать, дробил их на участки и продавал их по выгодным ценам на льготных условиях крестьянам. Желающих избавиться от своей земли помещиков оказалось неожиданно много: только в 1906–1907 годах банк скупил около 2,7 млн десятин земли.

Но, разумеется, на такие перемены крестьянам было нелегко решиться и они происходили не в одночасье. По данным историков, всего из общины вышло 1,9 миллионов домохозяев (22,1 % общинников) с площадью почти в 14 млн десятин (14 % общинной земли), подано 2,7 млн заявлений на выход, но 256 000 крестьян забрали свои заявления. Часть общин уже была «беспередельной» – передача земли в ней по общему решению не проводилась. Вполне логично, что подавляющее большинство крестьян (87,4 %) не захотели покидать такие общины: у них все преимущества «коллективного хозяйствования» и почти не было недостатков. «Можно предположить, что, освободившись от предпринимательских и пролетарских слоев, община несколько даже стабилизировалась», она сохранилась в качестве «института социальной защиты» и сумела «обеспечить в определённой мере хозяйственный и агрикультурный прогресс», – заключили А.П. Корелин и К.Ф. Шацилло, известные исследователи реформ П.А. Столыпина. И оставшиеся общины, и крестьяне-единоличники могли применять сортовые семена и сельскохозяйственные машины, что повышало урожайность.

У столыпинской реформы нашлось немало противников, в том числе и среди тех самых малоземельных крестьян, чью жизнь она должна улучшить. Оказалось, что не все из них готовы выйти на отруба, потому что это усиливало их зависимость от капризов погоды. Но закон от 14 июня 1910 года сделал выход из общины

обязательным. А уже после смерти Столыпина, на Всероссийском сельскохозяйственном съезде 1913 года большинство агрономов остро критиковали реформу: «Землеустроительный закон выдвинут во имя агрономического прогресса, а на каждом шагу парализуются усилия, направленные к его достижению». Земства тоже часто поддерживали общины. Согласно данным статистики только 10 % всех новых крестьянских хозяйств использовали современную технику, удобрение, современные способы работы на земле. Только эти 10 % хозяйств были успешными с экономической точки зрения и приносили выгоду и своим владельцам и государству.

Еще одним «преимуществом» общины стало то, что она сдерживала «земельный голод», делала его менее заметным. Сыновья вырастали, обзаводились отдельными хозяйствами, за счет земли их отцов, наделы становились все меньше, но крестьяне не роптали, или во всяком случае, не поднимали восстаний. Правда, слово «преимущество» не зря поставлено в кавычки, в 1905 году одним из проявлений революции в регионах стали пожары в помещичьих имениях и захват помещичьих земель. Чтобы уменьшить остроту «земельного голода», сохранив при этом помещичьи земли, Столыпин решил направить крестьян-переселенцев на освоение азиатских земель. В 1906–1914 годах за Урал переселились 3,5 млн крестьян (ранее, в 1885–1905 годах туда отправились 1,5 млн человек). Переселение в Среднюю Азию связано с большими трудностями из-за климата и сопротивления местного населения, не удивительно, что около 1 млн крестьян вернулся, и большая часть их осела в городах, пополнив ряды неквалифицированных рабочих. При этом и часть оставшихся в Сибири так и не смогла наладить хозяйство и тоже превратилась в городскую бедноту.

С массовым переселением крестьян за Урал связана первая из двух пугающих идиом, включающих имя Столыпина – «столыпинский вагон» – вагон-теплушка, задняя часть которого предназначалась для скота и инвентаря. Александр Исаевич Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ» писал: «История вагона такова. Он, действительно, пошел по рельсам впервые при Столыпине: он был сконструирован в 1908 году, но – для переселенцев в восточные части страны, когда развилось сильное переселенческое движение и не хватало подвижного состава. Этот тип вагонов был ниже обычного пассажирского, но много выше товарного, он имел подсобные помещения для утвари или птицы (нынешние „половинные“ купе, карцеры) – но он, разумеется, не имел никаких решеток ни внутри, ни на окнах. Решетки поставила изобретательная мысль, и я склоняюсь, что

большевистская. А называться досталось вагону – столыпинским…». То есть в 1906 году переселение ни в коем случае не было насильственным. Более того, переселенцам предоставляли существенные льготы: они не только получали землю бесплатно, но их хозяйство на 5 лет освобождалось от налогов, а сами они получали денежную ссуду до 400 рублей на льготных условиях, а все мужчины образовавшегося фермерского хозяйства освобождались от воинской повинности. Но многим крестьянам пришлось столкнуться с трудностями на новом месте, и некоторая их часть этих трудностей не выдержала.

Но, разумеется, были у реформы Столыпина и благоприятные последствия. В Сибири 30 млн десятин земли, которые до этого пустовали, были распаханы и начали приносить урожай, на 10 % увеличились посевные площади по всей стране. Производство зерновых в России в 1909–1913 годах превысило на 1/3 продукцию Аргентины, Канады и США вместе взятых. Экспорт зерна из России составлял четверть от всего мирового экспорта. В урожайные годы этот показатель увеличивался до 35–40 %. Пшеница экспортировалась в Англию, Голландию, Италию, ячмень в Германию, что значительно пополняло Российский бюджет. Параллельно шел и стремительный рост промышленности. По росту промышленности Россия вышла на первое место в мире. Выплавка чугуна в 1909–1913 годах увеличилась в мире на 32 %, а в России – на 64 %. Капиталы в России выросли на 2 млрд руб. Урожаи зерна увеличились на 37 %, поголовье скорта – на 29 %. Неурожаи в 1911–1912 годах снова привели к голоду, охватившему 60 российских губерний. «Умиротворение» России также оказалось кратковременным и ненадежным. Лев Николаевич Литошенко, российский, затем советский статистик и экономист, специалист по крестьянскому землепользованию и эффективности сельского хозяйства, сторонник реформ П.А. Столыпина, признавал: «С точки зрения социального мира разрушение общины и обезземеление значительной части ее членов не могло уравновесить и успокоить крестьянскую среду. Политическая ставка на „крепкого мужика“ была опасной игрой».

* * *

Однако деятельность Столыпина не ограничилась аграрной реформой, он выступал за введение всеобщего начального светского обучения. За годы «столыпинской реформации» расходы государства на народное просвещение увеличились

почти в четыре раза. Кроме того, при Столыпине произошли большие изменения не только в экономическом, но и в политическом строе России. Правда, на этот раз не он был их причиной.

Витте считал Думу своим детищем, так как именно он написал манифест 17 (30) октября 1905 года о ее создании. Столыпин также был уверен в необходимости сохранить Думу с законодательными функциями. Однако I-ю Думу распустил Николай II, так как «вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению». В том же манифесте объявлено о проведении новых выборов по тем же правилам, что и в I-ю государственную думу, II-я Дума оказалась еще более «строптивой» и проработала совсем недолго: с 20 февраля по 3 июня 1907 года. Выступая именно в этой Думе, Столыпин сказал свои, пожалуй, самые знаменитые слова о великой России. В тот день обсуждался все тот же больной вопрос «об устройстве быта крестьян и о праве собственности» и в контексте фраза звучит так: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» Но Дума так и не пошла на сотрудничество, и 1 июня 1907 года Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи. Дума распущена указом Николая II от 3 июня. Это событие получило название Третьеиюньского переворота.

Третьеиюньский переворот вроде свидетельствует о том, что Столыпин был противником Думы. Но дело в том, что «Дума народного гнева», как ее называли, с его точки зрения злейший враг конституционализма в России, безусловным сторонником которого был Столыпин. В августе 1907 года, уже после роспуска II-й Думы, близкий к премьеру общественный и политический деятель граф Д. Олсуфьев разъяснял точку зрения главы правительства одному из ярких представителей консервативной мысли Л. Тихомирову: «П.А. Столыпин высказал мнение, что

законосовещательная или решающая роль зависит от реальной силы учреждения. Английский парламент по конституции не имеет никакого права, однако он – всё, а, наоборот, с парламентом решающим монархическая власть, если она сильна, может совсем не считаться. Значит, не в этом термине дело». В марте 1907 года он признался генералу М. Батьянову: «Говоря тривиально, в Думе сидят такие личности, которым хочется дать в морду». И все же Столыпин пытался защитить русский парламент, каким бы он ни был. Кадету Василию Маклакову он сказал: «Поймите… обстоятельства ведь переменились и в другом отношении. Распустить Первую Думу было непросто; Трепов[48] в глаза мне это называл „авантюрой“. Сейчас же иным представляется „авантюрой“ мое желание сохранить эту Думу. И я себя спрашиваю: есть ли шанс на успех? Есть ли вообще смысл над этим стараться?»

Настоящий, последовательный враг Думы – Николай II. Георгий Константинович, сын великого князя Константина Константиновича, вспоминает, как 27 апреля (10 мая) 1906 года после торжественного открытия I-й Думы в Георгиевском зале Зимнего дворца, Николай со слезами на глазах обещал членам своей семьи, что разгонит ее так же легко, как и созвал. И не удивительно: ведь Дума самим своим существованием ограничивала самодержавие. Экстремистские высказывания депутатов II-й Думы предоставили ему желанный повод, и 29 марта (11 апреля) 1907 года он написал матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда – хлопнуть».

Сначала Столыпин считал, что в России возможен «конституционализм без парламентаризма». В августе 1906 года он объяснял британскому журналисту: «В Англии судят с английской, то есть с парламентской точки зрения. Между тем нужно отличать парламентаризм от конституционализма. У нас есть только конституционализм, как и в Германии или даже в Американской республике». Позже в интервью другому английскому корреспонденту сказал: «Законодательная власть должна быть строго отграничена от исполнительной. Не забудьте, что нынешний строй строго конституционный, а не „парламентарный“».

О необходимости временного упразднения Думы и установления диктатуры говорил в то время и сам Сергей Юльевич Витте. Царь склонялся к полному упразднению Думы, и возвращению к системе Государственного совета и земских органов на местах. Но Столыпину и другим защитникам «конституционализма» удалось найти компромисс: 3 (16) июня

1907 года вместе с Манифестом о роспуске Думы написано новое Положение о выборах. Витте писал: «Новый выборный закон исключил из Думы народный голос, т. е. голос масс и их представителей. А дал голос только сильным и полезным».

В итоге избрана III-я Дума, которую именовали «господской», в отличие от двух первых «мужицких» Дум, значительно более «покладистая», но от этого и более работоспособная, большую часть депутатов в ней составляли члены земского и городского самоуправления. Они не выдвигали несбыточных политических требований, но за свои экономические привилегии сражались «намертво», поэтому в определенном отношении руководителям ведомств стало даже сложнее, чем раньше. Но Столыпин остался доволен, в частности – как раз медлительностью новой системы. «Закон, прошедший все стадии естественного созревания, – заявлял он на заседании Государственной Думы 6 марта 1907 года, – является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается».

* * *

Многие из реформ Столыпина так и остались неисполненными. Он планировал принятие законов о вероисповедании, равноправии среди граждан, реформировании системы местного самоуправления, о правах и быте рабочих, введение подоходного налога, увеличение жалования учителей и так далее. Столыпин планировал подчинить волостному земству не только крестьянские, но и помещичьи земли. Земства должны были избираться на основе весьма умеренного имущественного ценза, а значит в его состав должны войти как помещики, так и зажиточные крестьяне, российские «чумазые лендлорды», как назвали их в то время. Административное управление возлагалось на уездные власти, а губернаторы должны осуществлять «стратегическое руководство». Но тут взбунтовалось дворянство, усмотрев ущемление своих интересов. Столыпина стали публично обвинять в «уничтожении сословности и демократизации местного уклада».

Не довольны им были представители радикальных кругов. Еще летом 1906 года, выступая перед Думой в связи с недовольством действиями полиции при усмирении волнений, Столыпин сказал: «Запросы Думы, конечно, касаются только

таких явлений, которые могут вызвать нарекания в обществе. Отвечая на них, я не скрывал неправильных действий должностных лиц; но мне кажется, что отсюда нельзя и не следует делать выводов о том, что большинство моих подчиненных не следуют велениям долга. Это, в большинстве, люди, свято исполняющие свой долг, любящие свою родину и умирающие на посту. С октября месяца до 20 апреля их было убито 288, а ранено 383, кроме того было 156 неудачных покушений. Я бы мог на этом закончить, но меня еще спрашивают, что я думаю делать в будущем и известно ли мне, что администрация переполняет тюрьмы лицами, заведомо не виновными. Я не отрицаю, что в настоящее смутное время могут быть ошибки, недосмотры по части формальностей, недобросовестность отдельных должностных лиц, но скажу, что с моей стороны сделаю все для ускорения пересмотра этих дел. Пересмотр этот в полном ходу. Вместе с тем, правительство так же, как и общество, желает перехода к нормальному порядку управления. Тут, в Государственной думе, с этой самой трибуны раздавались обвинения правительству в желании насаждать везде военное положение, управлять всей страной путем исключительных законов; такого желания у правительства нет, а есть желание и обязанность сохранять порядок. Порядок нарушается всеми средствами, нельзя же, во имя даже склонения в свою сторону симпатий, нельзя же совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути дезорганизации. Власть не может считаться с целью. Власть – это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластие, нельзя не считать опасным безвластие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство – аппарат власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но также твердого исполнения своего долга и закона. Я предвижу возражения, что существующие законы настолько несовершенны, что всякое их применение может вызвать только ропот. Мне рисуется волшебный круг, из которого выход, по-моему, такой: применять существующие законы до создания новых, ограждая всеми способами и по мере сил права и интересы отдельных лиц. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье, употребляя его, ты можешь ранить себя и посторонних; брось ружье. На это честный часовой ответит: покуда я на посту, покуда мне не дали нового ружья, я буду стараться умело действовать старым (шум, смех). В заключение

повторяю, обязанность правительства – святая обязанность ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимаемые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ».

В 1907 году ему снова пришлось выступать на заседании уже II-й Государственной думы, Столыпин обещал и далее всемерно бороться с революционным движением в России. Поддержавший его депутат-черносотенец В.М. Пуришкевич в своей речи в защиту военно-полевых судов (12 марта 1907 г.) сказал: «А где убийцы, все ли они вздернуты и получили муравьевский галстух?»

Эта фраза возмутила члена партии кадета Ф.И. Родичева, и он в свою очередь сказал с трибуны: «В то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладиум в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки назовут, быть может, столыпинским галстуком». За эту запальчивую фразу Родичеву запретили появляться на 15 последующих заседаниях Думы, а Столыпин даже вызвал его на дуэль. Но она не состоялась – депутат извинился перед премьером.

Разумеется, как премьер-министр, Столыпин нес ответственность за все казни, которые санкционировало его правительство. И таких казней было много. По приговорам военно-полевых и военно-окружных судов взошли на эшафот 2800 человек. Суды проходили в ускоренном порядке, без адвокатов, казнь назначалась в тот же день. Но в то же время в терактах, организованных эсерами, и просто во время стихийно возникших бунтов по самым скромным подсчетам погибли 18 000 человек, многие из которых случайные жертвы. Конечно, убийства не служат оправданием для других убийств, но в атмосфере всеобщего страха многим такие меры казались логичными и необходимыми.

Сам Столыпин на упреки Думы отвечал: «Для меня дело стоит так: если я признаю нежелательным известное явление, если я признаю, что власть должна идти об руку с правом, должна подчиняться закону, то явления неправомерные не могут иметь места. Мне говорят, что у меня нет должного правосознания, что я должен изменить систему, – я должен ответить на это, что это дело не мое. Согласно понятию здравого правосознания мне надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России». Парламентарии ответили ему шумом и свистками. Столыпин продолжал, как ни в чем не бывало: «Этот шум мне мешает, но меня не смущает и смутить меня не может. Это моя роль, а захватывать законодательную власть я не вправе,

изменять законы я не могу. Законы изменять и действовать в этом направлении будете вы». Парламентарии ответили ему криками «Отставка!».

Витте тоже считал, что Столыпин не так уж законопослушен, что он использует ссылку на законы когда и как ему угодно. «Одним словом, законы это одна вещь, а исполнение их другая, – пишет он. – Мало ли что говорится хотя бы в законах и Государевых актах! Это лозунг, введенный Столыпиным, которого правительство, хотя и с меньшим нахальством, нежели при Столыпине, держится и поныне и будет впредь держаться, покуда не произойдет чего-либо особого!»

Впрочем, Столыпин платил Витте той же монетой. Вот, что рассказывает его дочь: «Моим кумиром стал почему-то Витте. Я преклонялась перед его умом и восхищалась, как можно лишь восхищаться в двадцать лет, всеми его мероприятиями, проектами, его словами… Раз, когда я сказала папá целую тираду в этом духе, он мне ответил:

– Да, человек он очень умный и достаточно сильный, чтобы спасти Россию, которую, думаю, можно еще удержать на краю пропасти. Но, боюсь, что он этого не сделает, так как, насколько я его понял, это человек, думающий больше всего о себе, а потом уже о Родине. Родина же требует себе служения настолько жертвенно-чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует всю работу».

4

На жизнь Столыпина многократно покушались, 12 (25) августа 1906 года группа террористов, принадлежавших к отколовшемуся от эсеров Союзу социалистов-революционеров-максималистов попыталась прорваться на дачу Петра Аркадьевича на Аптекарском острове. Когда им это не удалось, они бросили в дом бомбу.

Рассказывает дочь Столыпина, Мария Петровна: «Это было в субботу, в приемный день моего отца, когда каждый, имеющий до него дело, мог явиться к нему и лично передать свою просьбу. На эти приемы собиралось обыкновенно очень много народу – людей самых разнообразных сословий, положений и состояний. Так было и в этот раз.

Две приемные, зал заседаний, кабинет и уборная моего отца находились, как и одна гостиная и столовая, внизу, а все наши спальни и маленькая гостиная мама́ наверху.

В этот день, в три часа, я кончила давать моей маленькой сестре Олечке в нижней гостиной урок, и мы с ней вместе пошли наверх. Олечка вошла в верхнюю гостиную, а я направилась к себе через коридор, когда вдруг была ошеломлена ужасающим грохотом и, в ужасе озираясь вокруг себя, увидала на том месте, где только что была дверь, которую я собиралась открыть, огромное отверстие в стене и под ним, у самых моих ног, набережную Невки, деревья и реку.

Как я ни была потрясена происходящим, моей первой мыслью было: „Что с папа́?“, я побежала к окну, но тут меня встретил Казимир и успокоительно ответил мне на мой вопрос: „Боже мой! Что же это?“ – „Ничего, Мария Петровна, это бомба“.

Я подбежала к окну с намерением спрыгнуть из него на крышу нижнего балкона и спуститься к кабинету папа́.

Но тут Казимир спокойно и энергично взял меня за талию и силой вернул в коридор. В этот момент увидала я мама́ с совершенно белой от пыли и известки головой. Я кинулась к ней, она только сказала: „Ты жива, где Наташа и Адя?“. Мы вместе вошли в верхнюю гостиную, где лежала на кушетке поправляющаяся от тифа Елена, с которой находилась Маруся Кропоткина. Мебель была поломана, но стены и пол были целы, тогда как рядом, в моей комнате, вся мебель была выброшена и лежала в приемной и на набережной. Почти сразу, как только мы вошли в гостиную, услыхали мы снизу голос папа́: „Оля, где ты?“. Мама́ вышла на балкон, под которым стоял мой отец, и я никогда не забуду тех двух фраз, которыми они тогда обменялись:

– Все дети с тобой?

И ответ мамá:

– Нет Наташи и Ади.

Надо видеть все описанное, чтобы представить себе, как это было произнесено, сколько ужаса и тоски могут выразить эти несколько слов.

Княжна Кропоткина и я, желая сойти вниз, побежали тогда к лестнице, но ее не было. Было ступенек десять, а дальше пустота. Тогда мы обе, не долго думая, спрыгнули вниз, упав на кучу щебня, и побежали дальше. Я отделалась благополучно, а у Маруси оторвались почки. Остальных спустили на простынях подоспевшие на помощь пожарные.

Выйдя в сад, я сразу, перед балконом, увидела идущего мне навстречу папá.

Что за минута была, когда я бросилась на его шею; какое, несмотря на ужас окружающего, счастье, было увидать его тут, рядом с собой, живым и здоровым! Мы только и успели обняться и крепко поцеловаться, и я пошла дальше в сад, откуда раздавались душераздирающие стоны и крики раненых, а папá с появившейся в эту минуту моей матерью побежали в другую сторону отыскивать своих пропавших детей. Живыми или мертвыми, но только найти их, найти и знать, что с ними».

В тот день погибли 24 человека, включая и бомбистов, были ранены дочь Столыпина Наталья и сын Аркадий.

Витте отмечал: «Покушение на жизнь Столыпина, между прочим, имело на него значительное влияние. Тот либерализм, который он проявлял во время первой Г. Думы, что послужило ему мостом к председательскому месту, с того времени начал постепенно таять, и в конце концов, Столыпин последние два-три года своего управления водворил в России положительный террор, но самое главное, внес во все отправления государственной жизни полнейший произвол и полицейское усмотрение. Ни в какие времена при самодержавном правлении не было столько произвола, сколько проявлялось во всех отраслях государственной жизни во времена Столыпина; и по мере того, как Столыпин входил в эту тьму, он все более и более заражался этой тьмой, делаясь постепенно все большим и большим обскурантом, все большим и большим полицейским высшего порядка, и применял в отношении не только лиц, которых он считал вредными в государственном смысле, но и в отношении лиц, которых он считал почему бы то ни было своими недоброжелателями, самые жестокие и коварные приемы.

Мне несколько лиц говорило, что после катастрофы на Аптекарском острове, когда он в разговорах проводил такие

мысли, которые совершенно противоречили тому, что он говорил ранее, когда он был предводителем дворянства в Ковно, губернатором в Саратове, а потом министром внутренних дел, то он на это отвечал: „Да, это было до бомбы Аптекарского острова, а теперь я стал другим человеком“».

В период с 1906 до 1911 года Столыпина еще несколько раз проговаривали к смерти, но все покушения предотвращала полиция.

Петр Аркадьевич уже писал заявление об отставке в связи с тем, что Государственный совет заблокировал его законопроект об образовании земств в западных губерниях – Литве, западной Белоруссии и правобережной Украине. Тогда Николай II, только что одобривший отклонение проекта, отставку премьер-министра не принял. Тогда Столыпин добился того, чтобы Дума и Совет на три дня были распущены, а проект о западных земствах принят в чрезвычайном порядке.

После убийства П.А. Столыпина 1 (14) сентября 1911 года в киевском городском театре возникли подозрения, что это убийство – дело рук охранного отделения, и «заказ» исходил от самого Николая II. Известно, что начальнику охранного отделения Киева сообщили о том, что в город прибыли террористы с целью совершить нападение на высокопоставленного чиновника. Более того, именно руководитель охранного отделения лично провел будущего убийцу П.А. Столыпина Д. Богрова в театр, в результате чего его не обыскали. Оказалось, что Дмитрий был завербован охранкой и та полагала, что он поставляет ей сведения о террористах. Поразительная слепота охранного отделения наводила современников на мысль, что смерть Столыпина произошла по сознательному «попущению». Столыпин скончался через пять дней и похоронен в Киево-Печерской лавре.

Его «заклятый друг» Витте пережил Столыпина на четыре года. После отставки 1906 года на его жизнь также покушались в 1907 году, но покушение не удалось. В одном из своих последних писем в газету «Новое время», полемизируя с лидером партии «Союз 17 октября», председателем III-й Государственной думы Александром Ивановичем Гучковым, он подчеркивал: «Я, с своей стороны, заявляю, что никогда, ни прямо, ни косвенно ни с кем ни в какие конспирации против несчастного П.А. Столыпина я не входил – и что никто не в состоянии представить доказательства противного. Это ни что иное, как полицейско-политическая легенда, уже давно пущенная, отчасти из боязни моего престижа и, главным образом для того, чтобы дискредитировать своих противников».

* * *

Если бы Столыпин остался жив, смог бы он предотвратить февральскую, а затем октябрьскую революцию 1917 года? Ответ на этот вопрос зависит от того, что вы считаете причиной этих революций. Любое потрясение политического строя в стране имеет множество истоков, человек, как правило, не может учесть все одновременно и сосредотачивается на какой-то определенной группе причин. Если вы считаете, что к революциям 1917 года привел прежде всего экономический кризис, ответ будет одним, если видите главную причину в «параличе» монархической власти – другим, если в ограничении политических свобод – третьим, если в деятельности иностранных агентов и «внутренних врагов» – четвертым, и так далее. В любом случае вы легко найдете единомышленников. Революции 1917 года являются «больной темой» для нашей истории, о них написано много как публицистических, так и сугубо научных книг. «Путешествовать» по истории своей страны, так и чужих, переходя от книги к книге – увлекательнейшее занятие, хотя мы не всегда можем предположить, где это путешествие закончится. А может быть, оно становится таким интересным именно благодаря такой неизвестности? Герои этой книги когда-то пустились в путь не в воображении, а наяву, пытаясь достичь того, что казалось им идеалом общественной жизни. И благодаря их смелости теперь мы больше знаем о том, «куда приводят мечты». И за это знание мы должны быть им благодарны, не забывая при этом, что оно – лишь один из вариантов «сценария» жизни личности и общества, дающий нам бесценный опыт, но ни в коем случае не лишающий свободы выбора.

Литература

Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: «Пушкинский фонд», 2001.

Андриайнен С.В. Империя проектов: государственная деятельность П.И. Шувалова. СПб., 2011.

Анна Аксакова (Тютчева). Честь России и Славянское дело. М., 2008.

Бакунина В.И. Двенадцатый год в записках Варвары Ивановны Бакуниной // Русская старина. 1885.

Бантыш-Каменский Д.Н. 21-й генерал-фельдмаршал. Граф Петр Иванович Шувалов // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4 ч… Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Часть 1–2. М., 1991.

Витте С.Ю. Царствование Николая Второго. Л., 1924.

Г.А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: «Пушкинский фонд», 2002.

Голицын Ф.Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова, писанная племянником его тайным советником кн. Федором Николаевичем Голицыным // Московитянин. 1853. Т. 2, № 6. Март. Кн. 2. Отд. 4.

Дашкова Е.Р. Записки 1743–1810. Калининград, 2001.

Долгоруков П. Граф Андрей Иванович Остерман.

Записки императрицы Екатерины II. М., 1990.

Ивонин Ю.Е. От Вены до Санкт-Петербурга через Могилев и Смоленск. (Путешествие императора Священной римской империи Иосифа II в Россию в 1780 году по его письмам Марии-Терезии). // Вестник ТГУ. Вып. 10 (126) 2013.

Карабчевский Н.П. Судебные речи. М., 2010.

Каратыгин П.П. Семейныя отношения графа А.И. Остермана // Исторический вестник. 1884. Сентябрь. Т. XVII.

Кассихина В.Е. М.М. Сперанский и его роль в развитии и становлении государства и права // Государство и право в XX веке. 2017. № 2.

Князь Александр Михайлович Горчаков и его рассказы из прошлого // Русская старина. 1883. № 10.

Козлов Ю.А. Русско-прусские отношения в годы Северной войны (1709–1717) // Преподаватель XXI век. 2018. № 1.

Корф М. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861.

Курукин И.И., Николина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.

Лирия-Бервика де. Записки герцога де-Лирия-Бервика,

бывшего Испанским послом при Российском дворе, с 1727 по 1831 год / Сообщ. И.П. Сахаров // Сын Отечества. 1839. Т. 12. Отд. 3. С. 71–125.

Лопатников В.А. Горчаков: время и служение. М., 2015.

Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2018.

Николая Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Павленко Н.И. Меншиков: полудержавный властелин. М., 2017.

Павленко Н.И. Остерман. М., 2018.

Панченко А.М. «Потемкинские деревни» как культурный миф / Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999.

Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993.

Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II. Формирование российско-австрийского союза, 1790–1790. М., 2011.

Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926.

Полунов А.Ю. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в начале царствования Александра III: к истории борьбы в «Верхах» после 1 марта 1881 г. // Вестник Московского университета. 2010. Серия 8. История. № 4.

Руденская М.П., Руденская С.Д. С лицейского порога. Л., 1984.

Сексте Я.А. Густав IV и великая княжна Александра Павловна: история несостоявшегося брачного союза. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: http://www.kunstkamera.ru

Смилянская Е.Б., Смилянская И.М., М.Б. Велижев, М.Ю. Глазков. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

Соловьев К. Столыпин и Дума.

Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.

Тамсинов В. А. Аракчеев. М., 2014.

«Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна» // Новое литературное обозрение. М., 2017.

Черников В. Россия не сердится, Россия сосредотачивается / Россия, 2005. № 26, 28.

Шубин А. Столыпинская аграрная реформа. Как она не отменила революцию.

Шувалов П.И., Шувалов И.И. Избранные труды. М., 2010.

Шувалов Александр Иванович // Русский биографический

словарь: в 25 томах. СПб.-М., 1896–1918.

Шувалов Иван Иванович // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб.-М., 1896–1918.

Шувалов Петр Иванович // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб.-М., 1896–1918.

Юркевич К. Артиллерия Гатчинскаих войск Павла Петровича. Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия»: http://history-gatchina.ru.

notes

Примечания

1

Куракин, будучи одним из первых русских дипломатов, любил вставлять в свои сочинения иностранные слова. В данном случае «дюк» – это транслитерация французского слова le duc – герцог. На самом деле титул Меншикова звучал так: «светлейший князь Ижорский».

2

Trésor (фр.) – сокровище.

3

Старинное название рубина.

4

Из объяри – волнистой ткани.

5

Архитектурное украшение в виде полочки.

6

Халат.

7

Ночной горшок.

8

Еще одна разновидность горшка.

9

Мелких судов.

10

Die Abschichtung – зд. вознаграждение.

11

От лат. dispositio – расположение, здесь – предложения.

Reasonable (англ.) – разумных.

13

Лат. conditio – условие, требование, обязательство договаривающихся сторон.

Ревность – здесь в значении «усердие».

15

Клевета.

16

Собрание всех действующих законов.

17

«Артикул воинский» – сборник законов о военных преступлениях и наказаниях, изданный Петром I в 1716 г.

18

Продавцы модных товаров (фр.).

19

Слабое здоровье и недомогание (фр.).

20

Образ жизни (фр.).

21

Хороший тон (фр.).

22

Мое сердечко, мое сокровище (фр.).

23

Золотой фазан, Перюша (имя попугайчика) (фр.).

24

Петр Федорович.

25

Десперация – «отчаяние», Куракин (1707 г.); см. Христиани 21. Вероятно, через польск. desperacja – то же из лат. dēspērātiō. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. М.Р. Фасмер. 1964–1973. Подразумевается Григорий Орлов.

Сергей Салтыков, Станислав Август Понятовский, Александр Васильчиков.

Здесь – «человечности».

Здесь – «население».

29

Т. е. жители юга.

30

Севастопольская гавань.

31

Общество баварских иллюминатов (нем. der Illuminatenorden) – немецкое тайное общество XVIII века, основанное 1 мая 1776 года в Ингольштадте философом и теологом Адамом Вейсгауптом, известным сторонником деизма, намеревавшимся использовать свою организацию для распространения и популяризации этого учения, а также либеральных идей эпохи европейского Просвещения.

32

Статский генерал – гражданский чин, соответствующий в военной службе чину генерала.

33

Голубцов Федор Александрович (1758–1829) – с 1802 г. государственный казначей, в 1807–1810 гг. – министр финансов.

34

Фок Максим Яковлевич (1774 или 1775–1831) – с 1811 г. помощник правителя, а с 1813 г. – правитель Особенной канцелярии Министерства полиции (в 1819 г. присоединена к Министерству внутренних дел); действительный статский советник (1826), с 1826 г. директор канцелярии Третьего отделения.

35

Матвей Алексеевич Золотарев (1772 –?) – служитель Царскосельского лицея при Пушкине.

«Бориса Годунова».

37

Герцог Максимиллиан Лейхтенбергский, муж великой княгини Марии Николаевны.

38

Великий князь Константин Николаевич.

39

Турнир.

40

Петр Григорьевич, принц Ольденбургский (1812–1881) – сын принца Георгия Петровича Ольденбургского и супруги его великой княжны Екатерины Павловны.

41

Немецких течений.

42

Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1875) – генерал-адъютант, член Государственного совета.

43

Чевкин Константин Владимирович (1802–1875) – генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения.

44

Коста Протич (10 октября 1831–1892) – сербский военный деятель, генерал. Возглавлял Генеральный штаб Сербии в 1878–1879 годах.

45

Термин «еврейский орган» является в данном случае для Победоносцева синонимом «либерального», «прогрессивного», «левого» издания. Ни один из указанных органов не издавался редактором-евреем и не обслуживал специальных национальных интересов. «Русская Правда, газета политическая, общественная и литературная» издавалась и редактировалась в 1878 г. в Петербурге Дмитрием Константиновичем Гирсом; «Голос» – А.А. Краевским.

46

«Вестник русских евреев» – еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге в 1871–1873 гг. под редакцией Е.П. Карповича, О. Нотовича и др. В момент письма Победоносцева издание это давно прекратило существование. «Еврейская библиотека» – историко-литературные сборники под редакцией А.Е. Ландау, в которых участвовали Г.И. Богров, П.И. Вейнберг, В. Стасов, Д. Минаев, Л. Леванда, И. Оршанский и другие видные литературные силы. «Русский еврей» – еженедельная газета, издававшаяся в Петербурге в 1879-1884 гг. под редакцией Л. Бермана, при близком участии Л. Леванды.

47

Барон Александр Людвигович фон Штиглиц, сын придворного банкира, основателя банкирского дома «Штиглиц и К°», барона Людвига фон Штиглица, при его участии во время Крымской войны были получены значительные внешние займы, им были основаны в Нарве суконная и льнопрядильная фабрики, преобразованные в 1880 году в Товарищество Нарвской суконной мануфактуры, и Екатерингофская бумагопрядильня. В 1857 году А.Л. Штиглиц выступил соучредителем Главного общества российских железных дорог, созданного для постройки и эксплуатации железнодорожных линий, которые должны были связывать земледельческие районы России с Санкт-Петербургом, Москвой, Варшавой, побережьем Балтийского и Черного морей. В 1848 году назначен членом Коммерческого совета Министерства финансов. В 1860 году Штиглиц ликвидировал все свои частные банкирские дела и по собственному желанию уволен с должности председателя Биржевого комитета. 31 мая (12 июня) 1860 года, на основании Указа Александра II, Коммерческий банк преобразован в Государственный банк и 10 (22) июня 1860 года А.Л. Штиглиц назначен его управляющим. В 1866 году уволен с этой должности с оставлением при Министерстве финансов по кредитной части и в качестве почётного члена Совета торговли и мануфактур. В этом же году стал крупнейшим пайщиком учрежденного Московского купеческого банка. В 1862 году пожалован в тайные советники, а в 1881 году – в действительные тайные советники (второй класс «Табели о рангах», выше которого только канцлер. Стал приемным отцом внебрачной дочери великого князя Михаила Николаевича.

48

Дмитрий Федорович Трепов – генерал-майор (9 апреля 1900 г.), генерал-майор Свиты (6 апреля 1903 г.), в мае 1905 года назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, и командующим отдельным корпусом жандармов, с оставлением в должности Санкт-Петербургского генерал-губернатора, в 1906 году назначен дворцовым комендантом, по политическим взглядам солидаризовался с Витте, противник роспуска I-й Думы.